

Р: 1454595

КРЕСТЬЯНСКАЯ

ЛИРИКА

Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А
малая серия № 2

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

КРЕСТЬЯНСКАЯ

ЛИРИКА

Общая редакция М. Азадовского

Вступительная статья Евг. Гиппиуса

Редакция и примечания

Евг. Гиппиуса и З. Эвальд

1 1454595

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1935

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЛИРИКА

«Лю-убимой ты мой му-уженька-а-а»... Сила страшной, рвущей сердце тоски в этом вопле. Нота за нотой выливается из груди поэтессы. В зале тихо... Смерть, кладбище, тоска... Федосова вдохновляется, увлекается своей песней, вся поглощенная ею, вздрагивает, подчеркивает слова жеста-ми, мимикой. Публика молчит, все более поддаваясь оригинальности этих за душу берущих воплей... А вопли — вопли русской женщины, плачущей о своей тяжелой доле, — все рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов... полных чувства, искренности, силы и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его, чего не даст Фигнер и Мережковский, ни Фофанов, ни Михайлов, никто из людей, дающих звуки без содержания»...¹

¹ Отрывок из очерка М. Горького «С все-российской выставки» (глава «Волевица»), «Одесские новости», 1896, № 3660, 14 июня, стр. 2.

Эти взволнованные слова принадлежат молодому Горькому, описавшему в 1896 г. выступление воленицы Ирины Федосовой.

Поэтесса, глубоко впечатляющая полными силами и искренности образами и мастерством исполнения, — таков смысл характеристики Горького.

Из русских художников слова Горький не первый обратил внимание на крестьянскую лирику. Песни записывали: Пушкин, Языков, Аполлон Григорьев, Одоевский, Гоголь и другие. Всем хорошо известно мастерское описание эмоционального воздействия лирической песни в «Певцах» Тургенева. Однако у большинства старых писателей восторженное отношение к песне не ассоциировалось с конкретным мастером-поэтом, ее создающим. Определяя Федосову как поэтессу и характеризуя ее исполнение как индивидуальное творчество, Горький, выросший сам на фольклоре и в окружении фольклора, совершенно правильно охарактеризовал ту сторону крестьянской лирики, без которой она не может быть понята как художественное явление, — момент индивидуального творчества, обусловленного большей или меньшей степенью одаренности поэта-мастера.

Горький-художник увидел в Федосовой не просто интерпретатора безличного «народного творчества», а разглядел под оболочкой «олонецкой кривобокой старухи»

ярко одаренного поэта. Мастер почувствовал мастера.

Понимание фольклорных явлений как продуктов личного творчества и отсюда — различение художественной полноценности вариантов, записываемых от исполнителей, обладающих разной степенью поэтической одаренности, — общепринятые положения современной фольклористики. Старое представление о фольклоре как о безличном, «безыскусственном» творчестве «народа»; противопоставляемое «литературе», где творцами являются отдельные поэты, — представление, созданное немецкой романтической фольклористикой и усиленно культивировавшееся на русской почве славянофилами, теоретически давно уже сдаю в архив. Однако, на практике пережитки романтических взглядов продолжали сохраняться не только в массовом понимании фольклорных явлений, но и в научном обиходе. Переоценка наследия старых фольклорных записей в свете современного понимания фольклора оказалась в известной степени подготовленной тем, что, начиная с 60—70-х годов прошлого столетия, собиратели былины стали записывать фольклорные тексты по репертуарам отдельных исполнителей. Уже в записях былины Рыбникова, вышедших в 1861—1867 годах,¹ точно

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 4 части, М., 1861, Спб., 1867.

указаны имена исполнителей, хотя материал не сгруппирован еще по индивидуальным репертуарам. Этот тип собрания и издания были углублен Гильфердингом¹ и последующими собирателями. По линии лирических фольклорных жанров, благодаря сборнику Барсова,² вышедшему еще в 70—80-х годах, был намечен аналогичный путь к изучению причитаний в плане личного творчества. Однако совсем иначе обстояло дело со всей областью крестьянской песенной лирики, которая продолжала изучаться по заветам старой романтической фольклористики, то есть в плане «безличного народного творчества».

Указания имен исполнителей песен впервые появляются только в 90-х годах — в материалах песенных экспедиций Русского географического общества.³ Но и позже это обязательное условие собрания песен далеко не систематически выполнялось.

Основными источниками по русской крестьянской лирике до последнего времени принято считать вышедший в 1829—1895 го-

¹ Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г., Спб., 1873.

² Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I, М., 1872; ч. II, М., 1872.

³ Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г., записали Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, изд. РГО, Спб., 1894; Песни русского народа, собр. в губ. Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г., записали Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов, изд. РГО, Спб., 1899.

дах семитомник Соболевского, ¹ куда вошло свыше 4700 песен, «Великорусс» Шейна ² и три выпуска «Новой серии» песен, собранных Киреевским в 40-х годах. ³

Если учесть, что Соболевский сознательно не включил в свое собрание записи после 90-х годов и что песни, собранные Киреевским и Шейном, относятся также к периоду, предшествовавшему началу научного собирания песен, то окажется, что все основное наследие крестьянской лирики, которым обычно пользуются не только широкие круги читателей, но и исследователи, собрано в период господства романтических взглядов на фольклор как на безличное творчество. Поэтому оно страдает всеми недостатками, которыми обладали записи романтиков и их последователей. Кроме того значительный процент собрания Соболевского составляют песни, перепечатанные из песенников конца XVIII и начала XIX столетия. В песенники эти попадал главным образом фольклор помещичьего дворянства и разнообразных слоев городской буржуазии, крестьянская же песня занимала

¹ Великорусские народные песни, изд. А. И. Соболевским, тт. I—VII, Спб., 1895—1902.

² Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, Спб., 1900.

³ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, в. I, М., 1911, в. II, ч. I, М., 1917, в. II, ч. 2, М., 1929.

незначительное место и подавалась в переработанном виде. В результате сложилось ложное, не соответствующее действительности представление о русской крестьянской лирике. Если по отношению к старым записям былин и сказок мы не имеем данных для дифференциации материала по классовым группам внутри деревни, то все же можно утверждать, что это несомненно крестьянский фольклор. Что же касается крестьянской лирики, то обычное представление о ней основано не на ней самой, а на пестрой смеси песен самых разнообразных классовых групп различных эпох.

С другой стороны, игнорирование значения личного творчества в лирической поэзии крестьянства привело к тому, что варианты, принадлежавшие поэтам — мастерам песни, оказались затерянными в море вариантов рядовых исполнителей. В единственном опыте антологии русской «народной» лирики, данном уже после революции,¹ автор антологии, черпавший материал почти исключительно из семитомника Соболевского, начинает со следующей, далеко не лестной, характеристики предлагаемого им читателю материала: «Некоторые песни являются неумелым набором из разных, часто не имеющих между собою никакой связи, пе-

¹ М. Н. Картыков, Русские песни. Изборник народной лирики, изд. Вологодского Обл. Отд. Госиздата, Вологда, 1922.

сен» и далее: «иногда песня, ценная и интересная в одной своей части, в остальной части или совершенно бесцветна, или прямо плоха».

В контексте с предшествующим указанием автора предисловия, Н. Пиксанова, на полное соответствие сборника «требованиям строгого отбора самого характерного и лучшего материала» приведенная выше характеристика может привести к крайне печальным выводам относительно художественной ценности крестьянской лирики, — выводам, совершенно не отвечающим действительности. На самом деле, приведенное нами мнение автора антологии М. Н. Картыкова (характерное для отношения к песне большинства собирателей), справедливо лишь применительно к вариантам песен, записанным от рядовых, творчески мало одаренных певцов. Наблюдения последних лет показали, что варианты одной и той же песни, записанные от мастера и от рядового певца, — несоизмеримы. Тексты, записанные от мастеров, настоящих художников слова, наиболее полны и представляют обычно художественное целое, отдельные образы которого всегда ярки и художественно оправданы. Наоборот, тексты, записанные от рядовых «потребителей» песни, пестрят случайными пропусками, неоправданными заменами отдельных слов и образов, логическими неувязками, и представляют случайную комбинацию (то есть соединение) отрывков не-

скольких песен. Совершенно иной характер носят контаминации нескольких песен в одну, встречающиеся в вариантах мастеров. Эти контаминации отличаются от «потребительских» полной логической оправданностью вовлечения в новый вариант отрывков нескольких песен, так как эти отрывки спаиваются мастером в совершенно новую логическую концепцию. Она создается либо посредством логического комбинирования образов различных песен, либо путем соединения кусков песен через вновь создаваемые промежуточные образы.

Недооценка значения личного творчества в области песни по сравнению с другими фольклорными жанрами объясняется отчасти и тем, что песня — массовый художественный жанр, в противоположность былине или причити, связанным с легко наблюдаемой специализацией. В песне, исполняемой и мастером и всей массой ее любителей, момент специализации гораздо более замаскирован. При внимательном же наблюдении вполне четко обнаруживается, что песенный жанр творчески развивается на основе специализации художественно одаренных поэтов-музыкантов отнюдь не в меньшей степени, чем другие фольклорные жанры. Отсюда — и при изучении песни, и, тем более, при составлении антологии, задачей которой является показать именно художественную ценность песни, невозможно основываться только на «классиче-

ских» собраниях Соболевского, Шейна и Киреевского, где варианты мастеров составляют лишь очень незначительный процент. Конечно, исследователя, изучающего песню, в равной мере должны интересовать как варианты, созданные крупным мастером, так и варианты массовых «любителей»; более того — с некоторых точек зрения (в частности, в плане изучения процессов массового художественного творчества) варианты «любителей» могут представлять даже преимущественный интерес. Но для советской творческой практики, для советских писателей, подходящих к песне как к художественному наследию, наибольшее значение имеют именно варианты мастеров. Поэтому одним из принципов составления предлагаемого читателю сборника был отбор песен и причитаний из старых и современных (частично не опубликованных) записей только в вариантах крупнейших мастеров. В тех случаях, когда использовались источники, в которых сведения об исполнителе отсутствуют, песни отбирались по признаку установленных современными исследователями описанных выше особенностей, отличающих варианты мастеров от вариантов рядовых исполнителей. В связи с этим принципом отбора основной комплекс песен взят не из семитомника Соболевского и собрания Шейна, а из более поздних публикаций (то есть относится не к раннему периоду собирания песен, а к

позднейшему). Основные, использованные для сборника, источники по крестьянской лирической песне — записи после 70—80-х годов и в особенности записи последних четырех десятилетий. Из старых записей, в связи с установкой сборника, особое внимание уделено песенным записям крупнейших писателей: Пушкина, Гоголя, Языкова, Аполлона Григорьева и других.

Вторая задача данной антологии — показ песни, характеризующей определенную эпоху и определенными классовый художественный стиль.

Старому внеисторичному взгляду на явления фольклора как на застывшее, замкнутое в себе, социально недифференцированное «народное» творчество, советская фольклористика противопоставила классово-дифференцированный подход к фольклорным явлениям. На этом пути исследователи прежде всего столкнулись с проблемой классово-обусловленного художественного образа. Отсюда выросла одна из центральных проблем современной фольклористики — проблема классовой трансформации (то есть видоизменения) явлений фольклора в процессе общественно-исторического развития. Тем самым была положена основа историческому изучению фольклора.

Однако историческая дифференциация фольклора по признаку классового стиля и классово-обусловленного художественного

образа связана с рядом трудностей, в силу специфики традиции художественного творчества в фольклоре. Анализ фольклорных явлений, с точки зрения классовой обусловленности художественных образов, дает зачастую картину сочетания чрезвычайно противоречивых образов как в пределах одной и той же классовой группы (более того, даже в творчестве одного мастера), так и внутри одного и того же художественного произведения: песни, сказки и т. д. Причина этой противоречивости — особенности творческого метода, свойственного фольклорной традиции. Творческий метод в фольклоре носит обычно иной характер, чем в современном литературном творчестве. В силу власти традиции в фольклорном творчестве значительно дольше и крепче сохраняются образы-пережитки, восходящие к давно пройденным общественно-историческим периодам. Такой художественный образ, представляющий продукт идеологии уже отмершего уклада в новом укладе (или в творчестве мастера иной классовой группы — даже в пределах одного и того же уклада), может либо отмереть совершенно, либо войти в новую систему образов. В этой новой системе возможны несколько случаев его видоизменения:

1) Сохранение его в новой системе, однако, с утерей прежнего социального содержания; в этом случае образ полностью

утрачивает свой смысл и как бы превращается в «окаменелость» (термин А. Веселовского).

Так, например, в одной из свадебных песен, восхваляющих жениха,¹ встречаем следующие строки:

Что Литва ко бережку приставала...

Эта надо Литву порубити,

Честь, хвалу молодцу воздати.

В период записи этой песни, то есть в первой половине XIX в., упоминание в крестьянской песне о военных схватках с литовцами, подплывающими к берегу, — не что иное, как «окаменелый», пережиточный образ — далекий отголосок войн феодальной Руси. Подобное окаменение образа часто приводит к обесмысливанию и искажению самого слова; в публикуемом нами варианте той же песни «Литва» превратилась в «ритву» (стр. 195).

2) Неизменяемое сохранение старого образа с новым содержанием, привнесенным освоившей его новой классовой средой.

Так в середине XVIII в. «хозяин» в песне «Вниз по матушке по Волге» осмысливается как купец, а в начале XIX в. (в силу иного ее классового восприятия) как романтический разбойник.

3) Творческая переработка старого образа по-новому, вызванная его новым классовым осмыслением.

¹ Киреевский, Новая серия, в. I, стр. 212, № 66

Так в известной фольклорной переработке пушкинского «Узника», превратившегося в тюремную песню об «Орле молодом», образ орла, прилетающего к узнику, сливается с образом узника и, подменяя его, сам осмысливается как разбойник — «вольная птица» — попавший в клетку-тюрьму.

Итак, образ, освоенный новой классовой средой, может: 1) превратиться в обесмысленную окаменелость, 2) не изменяясь, приобрести новый смысл, 3) измениться в результате переосмысления.

Эти три типа видоизменения художественного образа обуславливают сочетание в одном фольклорном произведении образов, имеющих различное классовое содержание.

В то же время в фольклорном творчестве — создание нового художественного качества не всегда означает создание заново всего художественного явления в целом. Наряду со вновь возникающими произведениями в фольклоре огромную роль играет частичная творческая переработка произведений, освоенных по традиции; внутри старой концепции вырастают ряды новых образов, часть образов старой концепции отмирает; в результате старое произведение может получить совершенно иной смысл и новое классовое содержание. При таком методе переосмысления художественного явления изменение всей творческой концепции старого произведения

в новом осмыслении обуславливается тем, что господствующее значение приобретают совершенно другие образы, чем в старом. Из наблюдения над этими явлениями вырастает существеннейшая проблема — «ведущего» художественного образа в фольклоре. Одно и то же художественное произведение может иметь несколько различных осмыслений в зависимости от того, какой образ осмысливается данной классовой группой как ведущий. В соответствии с этим изменяется и значение всех противоречивых пережиточных образов, сохраняющихся в данном явлении по традиции.

Фольклор — отнюдь не неподвижно застывший, особый вид творчества, как его изображала старая романтическая фольклористика. В нем, как и во всяком художественном творчестве, идет бурная жизнь, происходят столкновения различных идеологий, борющихся за гегемонию своего художественного мировоззрения и языка. Как и во всяком художественном творчестве, в переломные общественно-экономические периоды в фольклоре происходит нарастание этих противоречий, резкие их столкновения; отсюда — изменение социальной значимости различных жанров, отмирание одних и появление других.

Однако эти процессы в фольклоре имеют свою специфику: в то время как в литературе в такие переломные периоды создают-

ся новые произведения, отвечающие новой идеологии и вытесняющие старые, в фольклоре, наряду с этим, происходит сложный процесс борьбы за новый художественный образ внутри всего старого наследия в целом и тем самым внутри уже существующих произведений. Поэтому историческая дифференциация фольклорного наследия является чрезвычайно сложной, и датировка каждого отдельного произведения может быть лишь приблизительной.

Ориентировочными признаками для датировки являются не только характер тематики и художественных образов, но и признаки всего художественного стиля в целом. Общее же осмысление, то есть социальное содержание художественного явления, может быть понято лишь через выявление ведущих образов и установление их связи и соотношения с пережиточными образами.

В настоящем сборнике дана попытка показа песни, восходящей к определенному историческому периоду — в основном к XVII и первой половине XVIII века. Это ограничение в известной степени облегчило разрешение задачи показа более или менее единообразного классового художественного стиля.

До первой половины XVIII века, как известно, нельзя еще говорить о процессе разложения русского крестьянства, в связи с которым в XIX веке оно перестало быть единой классовой группой. Вплоть до поло-

вины XVIII века, особенно в связи с усилением на рубеже XVII—XVIII веков феодальной реакции, крестьянство сохраняло еще все основные черты класса феодального общества. Вместе с тем, XVII и XVIII века — время закрепощения крестьянства и развития крепостничества, время огромного нарастания социального протеста в крестьянской среде, время активного выступления русского крестьянства на арене классовой борьбы, как класса-антагониста, время крестьянских революционных движений.

Активный творческий подъем крестьянства не мог не отразиться в его художественном творчестве. Переломные периоды жизни класса, периоды общественных подъемов, всегда связаны не только с расцветом художественного творчества, но и с возникновением новых жанров и переоценкой социальной значимости старых. Одни из этих последних теряют свое прежнее значение, другие же приобретают новое и становятся ведущими. Действительно, эпоха русских крестьянских революций нашла яркое отражение в фольклоре, в цикле «исторических» песен о вождях крестьянской революции. Отсюда вполне понятен огромный интерес, возникший к этим песням после революции и нашедший отражение в ряде специальных публикаций.

Социальные сдвиги XVII и XVIII веков всколыхнули и весь крестьянский уклад и

оставили яркий и глубокий след на всем художественном творчестве русского крестьянства в целом. Эти сдвиги в укладе нашли отражение в фольклоре в огромном расцвете крестьянской лирической поэзии. Лирическая песня в этот период приобретает значение одного из ведущих жанров. Наряду с сильнейшим переосмыслением старого наследия лирической поэзии возникают новые лирические циклы. Чрезвычайно знаменательно, что один из наиболее разработанных циклов крестьянской лирической поэзии, поражающий глубиной и эмоциональной насыщенностью образов — цикл рекрутских песен, — возникает как раз в эту эпоху.

Расцвет лирической поэзии, ведущее значение жанра лирической песни, культивирование этого жанра в данную эпоху — неразрывно связаны с переоценкой всего наследия старой крестьянской песни, сохранившейся в фольклорной традиции.

Прямых данных о репертуаре русской крестьянской песни до XVII века мы не имеем. Однако изучение сохранившихся вплоть до современности старых ее слоев позволяет наметить следующую картину соотношения песенных жанров на границе рассматриваемой эпохи: лирическая песня не только не имела ведущего значения, которое она приобрела позднее, но и не была еще развита в самостоятельный жанр; вместе с тем, несоизмеримо большее значение имела обрядовая поэзия, в рамках которой

была замкнута крестьянская лирическая песня. Вся крестьянская песня складывалась собственно из двух основных обрядовых циклов, тесно переплетающихся между собой: 1) земледельческого календарного цикла, определяющегося основными моментами производственного года (встреча весны, жатва, сбор урожая и т. д.), и 2) семейного цикла, определяющегося основными моментами семейной обрядности (рождение, брак, смерть).

Земледельческий календарный цикл восходит к производственным обрядам доклассового общества, состоящим из различных магических действий, производимых обычно при посеве, сборе урожая и т. п. Основное содержание их — применительно к сельскохозяйственному календарю — повышение плодородия.

Эта же тема — повышение плодородия и пожелания изобилия — входит и в свадебный обряд, связывая, таким образом, оба цикла рядом общих обрядовых действий.

Кроме того, в обоих циклах сохраняется ряд пережиточных верований, складывавшихся на ранних стадиях общественного развития и оформлявшихся в культе предков, культе животных, деревьев, растений. Так объясняются, например, образы коня, оленя, вещей птицы, сравнение девушки с калиной, рябиной, елкой и т. п., особенно часто встречающиеся в свадебных песнях. В семейной обрядности, наряду с этим,

многие обрядовые действия и сопровождающие их песни объясняются пережитками родового уклада (таковы, например, следы умыкания или же выкупа невесты в свадебном обряде и т. д.).

Если оба цикла, и аграрно-календарный, и семейный, восходят к мировоззрению доклассового общества, то в классовом обществе уже в ранний период феодализма социальная функция их оказалась различной. Обряды, связанные с аграрным календарем, сохранились лишь в качестве пережитка в условиях сельской общины, которая сама по себе являлась пережитком производственных отношений предшествующей формации. Сохраняясь лишь в качестве пережитка, обряды эти постепенно утратили свое первоначальное производственно-магическое осмысление; поэтому сопровождавшие их песни были переосмыслены уже вне связи с сохранившимися в них пережиточными производственно-магическими образами. В результате нового осмысления песен эти последние контаминировались с новыми, ставшими ведущими, образами — либо семейно-лирическими, либо семейно-пародийными. Так, например, весенние обрядовые синкретические действия превратились в хороводную игру, ведущим моментом в которой оказался не сам хоровод, а семейные мотивы, тематически связанные с ним в позднейший период (например, мотив «Злой муж не пускает жену в хоровод» и др.).

Таким образом, на грани интересующей нас эпохи календарный цикл утерел центральное значение (которое он когда-то имел как цикл, непосредственно связанный с производством) и примкнул по содержанию к семейному циклу, в котором оказался, однако, на второстепенном месте.

Наоборот, семейно-родовые обряды продолжали свое существование в классовом обществе не как пережиток, а развились по-новому, в соответствии с развитием феодально-семейных отношений. В связи с этим семейно-родовые обряды получили различное классовое осмысление: с одной стороны, в господствующем классе, с другой — в среде феодального крестьянства. В то же время эти два пути видоизменения протекали не изолированно друг от друга. Господствующий класс освоил многие обряды в том виде, как они были переосмыслены крестьянством, и наоборот. Отсюда — некоторые моменты крестьянского свадебного обряда и сопровождающие их песни представляют результат вторичного освоения крестьянством пережиточных форм обряда в осмыслении уже господствующего класса.¹

¹ Помимо обрядовой поэзии, уже в это время в репертуар деревни входил и ряд лирических песен, освоенных крестьянством от господствующего класса. Это были не только дружинные эпические песни (былины), но и лиро-эпическая поэзия (например, плачи об убитом на поле сражения, вещей сон о смерти в бою и т. д.).

Таким образом, на рубеже интересующей нас эпохи наследие старой крестьянской лирики, генетически восходящее к двум различным обрядовым циклам, в их новом осмыслении сводится, в сущности, к единому семейно-лирическому циклу. XVII и XVIII века — время нового переосмысления этого наследия (уже как единого семейно-лирического цикла) в сторону обострения в нем элементов социального протеста. Сам этот цикл, объединившийся на базе становления феодально-крестьянской семьи, в период обострения противоречий внутри нее получает новое содержание: жалобы на гнет социальной действительности в рамках железного кольца уклада, кажущегося еще нерушимым.

Художественный стиль в крестьянской лирике XVII и первой половины XVIII века характеризуется не только изменением социальной значимости лирических жанров, не только двумя направлениями, в которых развиваются художественные образы: с одной стороны — героика песен о воле и вождях крестьянских восстаний, с другой — противопоставление ей безысходной тяжести уклада; эта эпоха может быть охарактеризована как эпоха борьбы за реалистический художественный образ в крестьянской поэзии.

Если подойти с этой точки зрения к наиболее старым крестьянским лирическим циклам, то в них резко бросится в глаза

господство реалистических образов в специфически крестьянской старой причити, наряду с господством сложной системы условной символики не только в обрядовой, (в особенности в свадебной) песне, но и в наиболее старом слое семейной лирики вообще.

В самих этих символических образах намечаются два различных стилистических типа. Один — преимущественно параллелизмы, построенные на образах природы (птица, дерево, река, камень и т. д.), — древнейший пережиточный слой образов, восходящий, как уже было указано, к представлениям доклассового общества; например:

Что ты, что ты, сине море,
Ты стоишь, не сколыблешься?
Что ты, что ты, березанька,
Стоишь в поле, не шатаешься?
Что ты, что ты, Аннушка,
Ты сидишь, не рассмежаешься?

Другой, позднейший слой складывается из типичных феодально-боярских образов, где роль параллелизма играют как предметы княжеского обихода (копье, седло, узда), так и старые образы природы, переосмысленные в том же плане (сокол — охотничья птица, конь — походный и т. д.). Из этих двух типов символических образов первый, восходящий непосредственно к пережиткам древних верований, сохранился лишь

в очень незначительной степени. Преобладающая часть символических образов в крестьянской лирике восходит к феодально-боярской поэзии. Чрезвычайно знаменателен самый характер использования этих образов, которые концентрируются в песнях свадебного цикла, преимущественно в величаниях. В то же время свадебные причити насыщены реалистическими образами.

Поскольку для крестьянства как класса феодального общества идеал хорошей жизни олицетворялся в быте господствующего класса, вполне понятно преобладание образов, взятых из феодально-боярского уклада именно в песнях типа величаний, то есть восхвалений и пожеланий хорошей жизни. Наоборот, в причитаниях-жалобах на тяжелую действительность и предчувствиях будущего горя господствующее место занимают реалистические образы, почерпнутые из крестьянского уклада.

Антитезой к величаниям-восхвалениям являются пародийные величания, высмеивающие сваху и свата, дружек, жениха и т. д. Поскольку в них, в противоположность «положительным» величаниям (пожеланиям хорошей жизни) сулятся всяческие неприятности, образы этих «невзгод» так же, как и в причитях, черпаются из бытовых невзгод крестьянской действительности. Поэтому условно-торжественные образы хвалебных величаний сменяются в пародийных велича-

ниях остро-реалистическими образами, переходящими в натуралистический гротеск.¹

Итак, уже в крестьянских песнях, относящихся к периоду, предшествовавшему рассматриваемой нами эпохе, наблюдалось столкновение реалистических и символических образов, причем эти последние были преимущественно результатом освоения крестьянством поэзии господствующего класса, а реалистические в большинстве случаев создавались непосредственно в самой крестьянской среде. Это противоречие резко обостряется в эпоху крестьянских революционных движений, когда реалистический образ в лирической поэзии становится ведущим. Вновь возникшие песенные циклы, как, например, песни о воле, рекрутчине и т. д., резко отличаются по стилю от старой семейной лирики (в значительной степени замкнутой в рамках традиционной символики) именно господством реалистического образа.

В более поздних рекрутских песнях (уже XVIII века) реалистический творческий метод настолько определяется, что окончательно разрушает основной принцип художественной традиции старой песни — принцип последовательного параллелизма образов. Господствующее место занимает развертывание детального реалистического опи-

¹ Пародийные величания смыкаются с поэзией скоморохов и, возможно, восходят к ней.

сания действительности, доходящего порой до натурализма.

Этот перелом художественного стиля отчетливо выступает из сравнения двух рекрутских песен, одна из которых относится несомненно к наиболее старым образцам рекрутского цикла, другая же, повидимому, создана в значительно более поздний период.

Сопоставим хотя бы несколько образов из них:

...С родным с татенькой я-то разоставался,—
Стала с корешка травка да сподсыхала;
С родной той ли маменькой я разоставался,—
Мать сыра ли земля да простонала.
С родными ли братьями я да разоставался,—
Ясны те соколы нарозь да разлетались...

...Молодых ребят да имали,
Резвы ножечки да ковали,
Белы ручушки да связали,
В дубовы те саши бросали,

.
.

Да под меру да становили.
Медны меры да забренчали,
Командиры да закричали:
Кричит: «Лоб», кричит, да: «Затылок».
Их на дубов стул садили,
Белым мылом да намыляли,
Вострой бритвой да забривали...

Во вновь возникших циклах реалистиче-
ский образ занимает, таким образом, пре-
обладающее место. Но и в циклах старой
семейной лирики он вытесняет символиче-
ские образы и разрушает традиционные ком-
позиционные каноны. Сопоставление двух
вариантов одной из старых «классических»
семейных лирических песен дает ясное пред-
ставление об этом процессе нового, реали-
стического осмысления старой семейной ли-
рики.

Что же ты, черемушка, весной рано
расцвела?
На ту пору, на то времечко мама дочку
родила,
Не вспоила да не вскормила, в чужи люди
отдала,
Усердившись на родную матушку, завет на-
век положу,
Я такой большой да заветичек, еще на три
годика.
На четвертый да на годичек птичкой-
пташкой полечу,
Ко родимому да ко батюшке в зелен садик
залечу,
У родимой да у матушки весь я садичек
посушу.
Как моя родима матушка да по горенке
хедила,
Она своих любых да молодушек, вот не-
вестушек будила:

«Вы вставляйте-ко, да невестушки, вставляй-
разбужайтесь,
Как у нас-то да во садичке птичка-пта-
шечка да поет,
Как у нас да во зеленом сера кукушечка
да ревет»,
Как середной-от брателко спроговорил:
«Я пойду да посмотрю,
Не моя-то ли сестриценька воротилася
назад?»
Как серередной-от брателко спроговорил:
«Я пойду да застрелю».
Как малой брателко спроговорил: «Да я
пойду да посмотрю,
Не моя-то ли сестриценька заворотилася-
назад». ¹

Ходила младехонька по чистому полю,
Искала младехонька калину с малиною:
Калина с малинушкой очень рано
расцветала.
В тое пору матушка меня горьку родила,
Не собравшись с разумом, в чужи люди
отдала.
В чужих людях, матушка, было жить
умеючи,
Умеючи, матушка, еще разумеючи;
В чужих людях, матушка, три заботы на
уме:

¹ Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд, Песни.
Пинежья, т. I, М., 1935, № 7, Северный край, Верхне-
Тосемский район, д. Усть-Вья.

Первая заботушка — деверь да золовушка,
Другая заботушка — свекор да свекровушка,
Третья-то заботушка — муж, неудала голова:
Пашенька не пахана, бела рожь не сеяна.
Первый-то годочек сиротою прослыла,
В третий-то годочек негулливая была,
В четвертый годочек малы детушки пошли,
Малы детушки пошли, иссушили молоду.

(стр. 215)

В более позднем варианте прежде всего следует отметить стремление реалистически переосмыслить и логически оправдать исходный параллельный образ. «Черемушка расцвела — мама дочку родила» раннего варианта — в позднем приобретает совершенно иной смысл вследствие нового зачина:

Ходила младехонька по чистому полю,
Искала младехонька калину с малиной.

Далее, в позднем варианте исчезает символический образ девушки-птицы, прилетающей к батюшке в зелен сад, а отсюда и все дальнейшее развитие песни.

Мы видели, что эпоха крестьянских революционных движений выдвигает новые тематические циклы, отражающие определенные стороны общественной действительности. С другой стороны, определенные тематические группы старых песен в наиболь-

шей степени подвергаются классовому переосмыслению.

В области собственно лирической поэзии это новые циклы песен о рекрутчине и песен о «воле и неволе»; старые же, наиболее переосмысленные циклы — так называемые «семейные» песни, непосредственно связанные с крестьянским укладом и отражающие основные этапы жизненного пути крестьянства в рамках этого уклада. Таким образом, в эту эпоху определенный ряд тематических комплексов приобретает наибольшую социальную значимость, будучи обусловлен двумя намеченными выше линиями идеологической направленности крестьянской лирики: одной — связанной с комплексом «воли и неволи», другой — связанной с комплексом идей, вызванным обострением противоречий внутри уклада.

Для того чтобы сконцентрировать внимание на узловых для данной эпохи тематических группах — как при отборе, так и при расположении материала, в настоящем сборнике совершенно оставлено в стороне деление по жанровому принципу, согласно которому в сборник пришлось бы включить ряд песен, выходящих за пределы этих, наиболее ярко характеризующих эпоху, тематических комплексов. Поэтому, в противоположность обычно принятой группировке песен по признаку жанра, здесь последовательно проведен тематический принцип группировки. Рамки жанра сознательно раз-

биты, и в одной и той же тематической группе помещены песни, относящиеся к различным жанрам. По этому же тематическому признаку разбиты и причитания, чередуемые в различных тематических группах с песнями.

Самый отбор тематических групп и вместе с тем план сборника непосредственно вытекает из предыдущей характеристики описанного переломного периода крестьянской лирической поэзии.¹

Представленные в сборнике тематические комплексы подразделяются на два основных отдела: в первый отдел входят песни о рекрутчине, о беглых рекрутах и солдатах о «вольных людях» и тюремные, то есть тематические группы, объединяемые комплексом художественных образов «воли неволи».

Второй отдел составляют тематические группы песен, последовательно раскрывающие жизненный путь крестьянина, то есть объединенные комплексом образов, связанных с противоречиями внутри уклада.

Между первым и вторым отделами введена стоящая совершенно особняком, не связанная с ними тематическая группа песен о монахах и монастырях — один из следов политической полемики XVII века. П

¹ При отнесении песни к той или иной тематической группе принимался во внимание «ведущий» данной песне образ. Конечно, в известной степени это деление является условным.

лемические песни, относящиеся к этому времени и открыто направленные против эксплуатирующих классов, почти не сохранились ни в устной традиции, ни в старых записях. Это понятно — срок жизни полемических песен обычно короче срока жизни песен другого характера; кроме того, пока они социально действенны, собирание их, по вполне понятным причинам, наиболее трудно. В то же время тенденциозный классовый отбор при обработке крестьянского репертуара старыми собирателями ни в какой мере не мог способствовать сохранению этих песен. Отсюда, почти единственный, сохранившийся до наших дней фрагмент наиболее старого слоя крестьянской классово-полемической песни, восходящей к XVII веку, — насмешки над чернецами и монастырями.

Многочисленностью записей песен этого цикла и его сохранностью в живой традиции мы обязаны тому, что, повидимому, уже в XVIII веке он вошел в состав посиделочных игрищ, где был переосмыслен в плане шуточной игры молодежи. Новое осмысление законсервировало и донесло до нас остатки этого цикла, давно потерявшие свою прямую социальную направленность.

Тематические циклы, входящие в первый отдел: песни о рекрутчине, о беглых, о «вольных людях» — как бы связаны друг с другом. Рекрутский цикл непосредственно переходит в песни о бегстве от солдатчины,

а этот последний — в песни о воле и тюрьме.

Рекрутский цикл, в сущности, складывается по тому же принципу, как цикл семейной лирики. Если в последнем отражены все узловые моменты крестьянской жизни в рамках уклада, то рекрутский цикл отражает всю эпопею бедствий рекрута, начиная с момента насильственного отрыва от семьи. Характерно, что реалистический метод описания наиболее последовательно проведен в той части рекрутского цикла, который рисует моменты рекрутчины уже вне уклада (заковывание, забривание, увод и сама служба), тогда как в те моменты цикла, когда действие разворачивается внутри уклада (весть о наборе, прощание с семьей и т. д.), реалистические образы даются в контексте со старыми образами символического параллелизма, как переосмысливающие их.

Расположение материала внутри рекрутского цикла обусловлено развертыванием рекрутской эпопеи и вместе с тем дает возможность проследить процесс внедрения реалистических образов.

Ярким примером переосмысления старой песни, образы которой восходят к поэтике раннего феодализма, является песня «Мало спалось молодцу». Приводим два параллельных текста: один — публикуемый нами, и другой — один из наиболее старых вариантов той же песни.

1-й вариант:

Мне малешенько, младу, спалось,
Много во сне виделось:
Будто мой вороной коник
Подо мной да он взыграл;
Взыгравши, мой вороной коник
Высоко меня взносил;
Свалилася черная шапочка
Со буйной моей головы;
Оторвался мой золотой колчан,
Ой, со левого моего плеча;
Рассыпалися мелкие стрелочки
Ой, по чисту полю врозь,
По чисту полю они врозь...
Да и кто бы этот дивный сон,
Да и кто бы его рассудил?
Рассуждала этот дивный сон
Мать, родимая матушка его.
«Взыгрался твой вороной коник, —
Во поход тебе скоро итти;
Свалилася черная шапочка, —
Ой, убиту тебе, чадо, быть;
Оторвался твой золотой колчан, —
Милой жене твоей завдоветь;
Рассыпалися мелкие стрелочки, —
Ой, твоим деткам сироткам быть!»¹

2-й вариант:

Мало спалось молодцу, да много виделось, —
Привиделся-то молодцу нехороший сон:

¹ Терский сборник, вып. 1, стр. 139. Великоурюские песни, изд. А. И. Соболевского, I, 419.

ром варианте сильно сжатые пережиточные образы «брюного ковырька» и «зеркальчатого седе дшка» подводят к образу «шапочки», которая, оказывается, однако, не боярской, «черной» (в других вариантах — «куньей») шапочкой, а солдатским «с кисточкой картузом». Весь предыдущий комплекс образов при этом уже не имеет прежней функции (символического действия, совершающегося над параллельным образом), а сохраняется лишь как простое описание, которое в контексте с «картузом» создает образ солдата в походной форме. Так, само сновидение превращается из ряда символических действий в реальный облик рекрута. Новое содержание и раскрывается в последнем, ведущем образе песни, явившемся результатом ее переосмысления:

Знать-то мне, молодцу, во несчастье жить,
Во таком-то несчастье, во солдатах быть.

Можно указать еще на один путь переосмысления старого наследия крестьянской лирики в рекрутском цикле (также в песнях, рисующих моменты рекрутчины еще внутри уклада) — переосмысление свадебной причити, превратившейся в рекрутскую песню через новый зачин — реалистическую характеристику обстановки действия:

Еруславская наша да губерния,
Рекрутская наша да приемна,
Молодецкая наша да разлука...

(стр. 65)

Здесь образ рекрутской приемной соотносит к рекрутскому набору разворачивающуюся далее тему расставания с семьей и с родом-племенем — тему, обычную для свадебных причитий. В связи с тем, что песня эта представляет собою уникум, записанный лишь однажды, и в самой деревне, где он записан, известный лишь двум певицам, — при попытке нащупать генезис этой песни нельзя привлечь никакого сравнительного материала по ее вариантам. Тем не менее, на различное время возникновения зачина и последующей части — причити — указывает тот факт, что лишь зачин дан как реалистическое констатирование действительности, вне символического параллелизма, вполне последовательно проведенного в остальной части песни.

В песнях, отражающих более поздние моменты рекрутской эпопеи, прием символического параллелизма встречается уже в обратном, прямо противоположном соотношении с реалистическим описанием. Так в песне «Не кукушечка во сыром бору куковала» (стр. 69) образы: «не кукушечка во сыром бору куковала, не соловушка во зеленом саду громко свищет» с последующим параллельным образом: «добрый молодец во неволюшке сидя плачет» — служат лишь зачином, от которого отталкивается дальнейшее драматическое описание закобывания и увоза рекрута. Здесь прием символического

параллелизма — в сущности уже реликт. В роли аналогичного реликта он сохраняется и в некоторых других песнях рекрутского цикла.

Из рекрутских песен, помещаемых в сборнике, особый интерес представляет вариант широко распространенной песни «По широкой, славной улице» (стр. 67). Помимо того, что это ее наиболее развитой, художественно полноценный вариант, в котором отчетливо наблюдаются индивидуальные привнесения местных мастериц песни, ее исполнявших, — традиционные эпические каноны здесь остро драматизируются посредством нагнетания напряжения и постепенного раскрытия образа путем усиления его драматического смысла. Так, например, обращение сына к отцу, лишь намечающееся в опубликованных ранее вариантах этой песни:

Или я вам не тот же сын,
Или я вам не кормилец был?¹

в помещаемом нами варианте развивается в драматический монолог:

Неужели же я вам да не сын родной,
Я не сын родной, родной пасынок,
Я вам пасынок, да сосед чужой,
Я сосед чужой, супостат лихой...

¹ Соболевский, VI, 88.

Постараемся нащупать путь от образов рекрутских песен к их социальному содержанию.

Основная направленность песен рекрутского цикла — протест против того огромного социального бедствия, которым была рекрутчина для крестьянства; протест этот в песнях проявляется лишь в горьких жалобах, не переходящих в открытое возмущение.

Через все рекрутские песни красной нитью проходит мотив слез и рыданий:

Возле ручку идут жены молодые,
Во слезах пути дороженьки они не видят,
Во возрыданьицах словечушка да не
спромолвят...

И дальше:

Не смочить вам сырой земли да слезами,
Не наполнить сине море горючими...

Добрый молодец во неволюшке сидя плачет,
Обливается добрый молодец горючими
слезми...

Еще все те солдатики плачут,
Новобранные да рыдают...

Рекрутчина — «неволя», «несчастье», «невзгода», осужденность на безысходное горе:

представить, какое действие могли производить они, когда разыгрывалась жизненная драма, их создавшая...» — пишет в своем предисловии к «Причитаниям Северного края» Е. В. Барсов.¹

Командиры в причитях — «супостаты» и «злодеи». Рекрутов они:

За пропащую их собаку почитают
И бьют да их несчастных до умирания...

Закричат они, злодеи, по-звериному
И по белому лицу дают да им затрецину,
Аль по голове дают да им заушенье,
Аль под белую под грудь да им подтычину...

Избитых до полусмерти солдат поднимают
с земли товарищи и спрашивают:

«Есть ли душенька у вас во белых
грудах?
Есть ли зреньце у вас во ясных очах?»...

И много страсти я привидал, много ужаси,
И больше того побоев превеликих...
Бедна спинушка моя да пораспластана,
И вся утробушка моя да перержавела,
От подтычин я не вижу света белого..

¹ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I, М., 1882, Предисловие, стр. XXXVII.

Возмущение перерастает, наконец, в открытый протест — проклятие мучителям:

«Будьте прокляты, злодеи супостаты!..
И кабы мне да эта бритва наостренная,
И не дала бы злодейной этой некрести
И над моим ноньку рождением надрыгаться,
И распорола бы я груди этой некрести,
И уж я выняла бы сердце тут со печенью,
.
.
И я нарыла бы корыто свиньям в месиво,
А и печень я свиньям на уеданьице...»

Активным проявлением социального протеста против рекрутчины было, как известно, массовое бегство рекрутов, которое правительство не в состоянии было приостановить даже путем все более и более жестоких репрессий.

«Как было не бегать! На службе было тесно: служба — велико мученье. Рекрутов еще у полаты в железа ковали: бьют и мучают и исть настояще не дают; били на умертвие» — так описывают сами крестьяне причины бегства в рассказах про беглых рекрутов, приведенных в цитированной уже работе Барсова.¹

Бегство от рекрутчины отражено также в особом слое лирических песен, помещенном в настоящем сборнике после рекрут-

¹ Барсов, т. II, стр. 291.

ских причитий. Песни эти ярко рисуют судьбу беглеца. Запуганные репрессиями правительства, родные и соседи не пускают его обратно домой:

Я б пустила тебя, мое дитяtko, боюсь
государя!..

Доведенный до отчаяния беглец проклинает родной дом:

«Уж возмись, загоритесь вы, батюшкины
хоромы,
Уж ты сгинь, пропади, матушкино
подворье!»

Если настигнет погоня, судьба беглецов
решена:

Невольничков молоденьких поймали,
Из солдатских из ружей расстреляли..»

Остается один выход — деклассироваться, то есть стать «вольным» человеком и попасть под правительственное определение «вора-разбойника». Так путь беглеца-рекрута сходится с путем крепостного беглеца. И те, и другие — основные кадры активной классовой оппозиции.

Как уже было сказано, судьбы этого социального слоя нашли свое отражение в фольклоре, в наибольшей степени в исторической песне и балладе. Собственно лириче-

ские песни в числе так называемых «разбойничьих песен» сравнительно немногочисленны.

Таким образом, когда нарастание протеста переходит в активное действие, лирика уступает место героическому эпосу. В цикле «воли и неволи» (особенно в тюремных песнях, где воля к действию опять сковывается насильем) лирика выступает снова на первое место.

В тюремных песнях воскресают старые символические образы в новом осмыслении. Так, один из центральных образов тюремных песен — птица — приобретает значение символа воли. В старом слое тюремных песен воля олицетворяется в образах жаворонка или сокола. Этой же старой фольклорной традицией символа птицы-воли в тюремных песнях объясняется указанное выше превращение пушкинского «Узника» с аналогичным, уже литературным образом «вольного орла» в народную тюремную песню «По воле летает орел молодой».

Тематические группы, входящие во второй отдел, как уже было сказано, последовательно раскрывают жизненный путь крестьянина в рамках старого уклада. Отбор в расположение тематических групп имеют целью показать отношение к личной жизни, сложившееся у русского крестьянства в общественно-исторических условиях интересующей нас эпохи. Нами взяты узловые мо-

менты личной жизни: отношение к детям, к любви, браку, семье, к смерти. Эти основные темы дифференцированы в ряде более частных.

В результате отказа от жанрового принципа расположения материала в некоторых тематических группах перемешаны различные лирические жанры песен и причитий, объединенные общей ведущей темой. Таковы тематические группы: брак по воле родителей, прощание с девичьей жизнью, вдовьи и сиротские песни, оплакивание смерти. Другие жанры, в силу характера своей тематики, оказались замкнутыми в одной лишь тематической группе: в группах «о детях» (куда входят только «байки»), «жених-погубитель», «величание молодых» и «о предстоящей жизни в чужой семье» (куда вошли только песни свадебного обряда). Включение в данный отдел жанра «байки» в известной степени заставило отклониться от принципа показа крестьянской лирики в осмыслении определенной эпохи, по мере возможности проводимого в сборнике. «Байки» отличаются от других лирических жанров тем, что в них почти отсутствует момент художественного культивирования; сила художественной традиции в этом жанре значительно слабее выражена, и он в известной степени более импровизационен, чем другие лирические жанры. Отсюда — его постоянная изменчивость, при которой сохраняются лишь традиционные темы, но

не отдельные образы. Однако мы можем предполагать, что темы эти входили в тематический комплекс, порожденный общественными отношениями интересующей нас эпохи. Поэтому мы считали необходимым включить их в сборник, хотя и не имеем прямых данных для соотнесения их к тому же историческому периоду.

Другой случай сознательного выхода за рамки намеченных исторических границ — одна из помещаемых похоронных причитий (стр. 261). Несмотря на то, что представителем власти в ней является «мировой посредник» (следовательно, данный вариант ее относится ко второй половине XIX века), тема социального протеста против власти подана в образах, характеризующих старые рекрутские причития, о которых говорилось выше. Поэтому в контексте с данными причитиями мы считаем возможным показать этот яркий образец переосмысления старой лирики социального протеста в новой общественно-исторической обстановке.

При характеристике песен второго отдела с точки зрения столкновения реалистических и символических образов следует учесть, прежде всего, некоторые особенности образов свадебных песен, обусловленные обрядовой традицией. Комплекс образов свадебных песен резко отличается от других лирических жанров преобладанием устойчивых канонов последова-

тельных многочленных параллелизмов, насыщенностью символикой и наибольшей сохранностью языка феодально-боярской поэзии. Однако было бы ошибочно заключить на этом основании, что сохранность пережиточных символических образов в свадебных песнях всецело определяется мировоззренческим моментом. Исследователи неоднократно указывали, что ряд терминов, сохранившихся в свадебных песнях, следует понимать не в буквальном смысле, а как условные названия лиц, участвующих в обрядовом действии. Так, термины «жених», «невеста» в обрядовой поэзии отсутствуют, заменяясь «князем» и «княгиней»; в соответствии с этим используются и другие термины феодального происхождения (например: бояре, тысяцкий). Таким образом, в свадебном обряде выработалась традиционная условная терминология, имеющая не символический, а вполне реальный смысл. Эта терминология не ограничивается переосмыслением феодально-иерархических обозначений. Образы символического параллелизма (лебедушка — невеста, сокол — жених и т. д.), наиболее прочно устоявшиеся в обрядовой поэзии, с течением времени приобрели также условное терминологическое значение. Отсюда — их непосредственное реалистическое развитие в позднейших вариантах старых песен, в которых выпадает второй член параллелизма. Так, в песне «Отостала наша лебедушка» (стр. 200)

после первых пяти строк, в которых действуют символы, переосмысленные в обрядово-терминологическом плане (лебедушка, серые гуси), — действие развивается в глубоко реалистическом, гротескном плане («деревнюшка не корыстная», «избенка последняя» и т. д.).

Таким путем ряд символических образов оказался переосмысленным в том же плане обрядовой терминологии, как «князь-жених» и «княгиня-невеста»: термин «лебедушка», «лебедь белая» подменяет невесту, «серый гусь» или «сокол» — жениха, «стадо гусиное» — род жениха, «стадо лебединое» — род невесты и т. д.

Итак, в свадебной лирике соотношение между символическими и реалистическими образами на самом деле несколько иное, чем оно кажется на первый взгляд. Тем не менее, как уже было сказано, символика в свадебных песнях была наиболее крепка, пока неизбежно держался старый семейный уклад, ярчайшим отражением которого и был сам ритуал свадебного действия. Поэтому переосмысление художественного образа в свадебной лирике шло преимущественно по одному из указанных выше путей: а именно — слово и образ оставались неизменными, менялся лишь их социальный смысл.

Взаимоотношение образов, осмысляемых реалистически и символически, различно в свадебных песнях, отражающих различные тематические моменты семейного цикла.

Так, например, там, где сам уклад дается в идеализированном виде (например, в величаниях, восхваляющих молодых), образы в наибольшей степени насыщены пережитками феодально-боярской поэзии, в наименьшей степени реалистически переосмысленными. Наоборот, в шуточно-пародийных величаниях подчеркивается реалистический, порой натуралистический образ (стр. 202—207). Там, где уклад принимается как неизбежная данность, пережиточные символические образы, не видоизменяясь, в наибольшей степени переосмысливаются как реалистические (например, в группах «жених-погубитель», «прощание с девичьей жизнью»); там же, где тяжесть уклада становится непосильной и вызывает протест в форме жалобы (например, в группе «о жизни в чужой семье»), не только в наибольшей степени реалистически переосмысляются старые символические образы, но и вырастают новые, уже вполне реалистические.

Тематическая группа «жалоба на жизнь в семье мужа» (в жанровом отношении состоящая целиком из лирических песен), развивающая темы, намеченные в группе «прощание с девичьей жизнью», по образам всецело примыкает к свадебным песням и причитям. Это, повидимому, наиболее старый слой, сохранившийся в жанре крестьянской лирической необрядовой песни. Вместе с тем он наиболее ярко отражает те же мо-

менты уклада, которые отразились в различных тематических группах свадебных песен. Отсюда — в песнях этой группы преобладают символические образы, как переосмысленные, так и не переосмысленные. (На один из случаев вытеснения символических образов реалистическими — в песнях о «Калинушке» и «Черемушке» — уже указывалось выше.)

Внедрение реалистических образов в необрядовую лирическую песню, связанную с комплексом брака и семьи, в наибольшей степени обнаруживается в тематических группах: «насильственный брак», «несчастный брак» и «насмешки над старым и нелюбимым мужем», то есть в тех циклах, где наиболее ярко проявляется протест против уклада. Особая категория гротескных художественных образов, характеризующих последнюю из названных тематических групп в жанровом отношении, замкнута преимущественно в театрализованной хороводно-игровой песне, генетически же восходит к поэзии скоморохов, для которой специфична была именно маскировка социального протеста шуточно-гротескной формой.

Переходим к остальным тематическим группам второго отдела, не связанным непосредственно с комплексом брака. В группе песен «встреча и разлука с милым», заменяющей собственно любовные песни (которых в русской крестьянской лирике почти нет), можно наметить следующие две тема-

гические линии: 1) разлука с домом и семьей и 2) разлука с возлюбленным и возлюбленной.

Песни о разлуке с домом и семьей (стр. 128) по стилю и образам примыкают к песням «о вольных людях», то есть, возможно, были связаны с уходом оппозиционных элементов на далекие окраины. Песни о встрече и разлуке с возлюбленным — один из наиболее сложных комплексов старой лирической песни, не имеющий единообразного стилистического профиля. Самый характер тематики, то есть добрачные отношения, сравнительно более свободные от власти уклада, — обусловил наибольшую изменчивость и податливость жизни этой группы песен. К ней могут быть отнесены, правда, и такие старые песни, как широко распространенная «Калинушка с малинушкой» — переосмысленная календарная песня, первоначально связанная с весенним обрядом кумления (стр. 131); однако, в основном, в песнях этой группы не только господствуют реалистические образы и начисто отсутствует пережиточный комплекс — более того, весь этот слой был наиболее чувствителен к влияниям литературной поэзии, начиная с XVIII века. Поэтому даже в песнях, по всей вероятности восходящих к интересующей нас эпохе, вкраплены как отдельные обороты литературной поэзии, так и образы более позднего происхождения.

В тематической группе, связанной с комплексом смерти, намечаются два основных типа образов, обусловленных двойким отношением к смерти. С одной стороны, смерть — экономическое бедствие, потеря работника; с другой стороны — она ассоциируется с рядом пережиточных представлений, восходящих к культу мертвых, представлениям о загробной жизни и т. д. Отсюда — две различных группы образов: первая — остро реалистическая, рисующая бедствие, постигшее крестьянское хозяйство:

Первая кручина — нет ни дров, ни лучины;
Другая кручина — нет ни хлеба, ни соли;
Четвертая кручина — малых деток много,
А пятое горе — нет хозяина в доме...

Или:

Без родимого-то, без батюшки,
Как-то пойду я на работочку,
Со своим-то малым деточкам.
Мы наплачемся, навоемся
Об работушке тяжелой,
Об крестьянской своей пашенке,
Как поднять ее без батюшки...

Или:

Как жить-то мы будем без тебя?
Уж как ведь вся-то работа не робится,
Уж как пашня-то стоит, не пашется,
Уж как сено-то стоит не кошено...

Другая группа образов, связанная, как уже было сказано, с пережитками древних верований, — обращение к ветру, грому, матери-земле и т. д. с просьбой выпустить из могилы покойника:

Поднимитесь, ветры-вехари,
Расступися, мать сыра-земля,
Поднимися, бел горюч-камень,
Посмотри на чадо милое...

Или:

Ты раздайся ли, мать сыра-земля,
Ах, ты встань, родный батюшка,
Ты приди ко мне, горюше молодешеньке.

В контексте с этим комплексом образов наиболее прочно удержались и символические параллелизмы.

Первая группа образов преобладает в похоронных причитях в доме покойника и специально вдовьих песнях; вторая — в надмогильных поминальных плачах и песнях-причитях сирот-невест. В тематический комплекс, связанный со смертью, входит кроме того особая группа песен лиро-эпического описания смерти и оплакивания покойника. В этих песнях оплакивается не умерший своею смертью, а убитый на поле сражения. Таким образом, эта группа представляет собою переосмысление старых военных песен. Сюда относятся такие классические

образцы старой лирической песни, как «Горы Воробьевские», «Край дороженьки было Московскою», «Степь Моздокская» (стр. 244, 247) и другие.¹

Основное противоречие, определяющее социальное содержание семейного цикла, — осознание непосильной тяжести существования в данных общественных условиях, с одной стороны, и убеждение в невозможности изменить эти условия — с другой. Отсюда, ощущение безнадежности, лейтмотив всего цикла — жалоба. Идея безысходности находит себе наиболее яркое выражение в первой тематической группе — песнях о детях («байки»), где родные ребенка перед лицом предстоящей ему жизни сомневаются, стоит ли ему жить. Тематика «баек» колеблется между пожеланиями ребенку хорошей жизни и пожеланиями скорой смерти. Возникает чудовищный образ «байки» — посула смерти (стр. 122, 125), в которой соединяются две мысли: одна — «лучше бы и для тебя самого на свет не родиться» и другая — «коли ты помрешь, и нам будет легче, — не будет лишнего рта». Так рождение ребенка перекликается со смертью.

Со смертью же перекликается и мысль девушки-невесты о браке:

¹ В песне «Степь Моздокская» «извозчики» — более поздний образ, так как в некоторых, вероятно, более ранних вариантах, они заменяются «разбойничками».

Основное ядро семейной лирики составляют женские песни, ярко отражающие закабаленное положение женщины. Эпопея женской жизни развивается на тему: от власти отца — к власти мужа. Естественным развитием этой темы является цикл песен о несчастном браке, где мы вплотную подходим к перерастанию жалоб в протест в форме пожелания смерти нелюбимому мужу или жене:

Накатись, навались, темна да грозна туча,
Ты убей старого, распостылого мужа...

Если в лирической поэзии это только пожелание смерти, то в балладе этот момент находит отражение в тематической группе об убийстве мужа или жены.

В силу наибольшей заостренности элементов социального протеста в тематической группе о «несчастном браке» именно эта тематика семейных песен нашла отражение в поэзии скоморохов. В песнях, носящих следы скоморошьей традиции, пожелание смерти мужу преломляется в форме гротеска (о котором говорилось выше):

Старого уйму поленом с гряд,
Сошью люльку о семи лубков,
Совью веревку о семи сажень,
Повешу люльку посередь двора на
жerdочке,
Положу в люльку старого чорта,
Стану старого я баюкати:

«Ты бай-бай, старый чорт,
Либо усни, либо умри»...

Или:

Мой постылый муж переставился,
Во гробу лежит, на столе стоит,
В головах-то стоят попы-дьяконы,
Во ногах-то стоят черти-дьяволы.
Уж я, млада, призадумалась —
Не то плакать, не то так стоять...

Эти гротескные образы, развитие которых несомненно восходит к взятой нами эпохе, были порождены ею именно потому, что они открывали в пределах казавшегося неизблемым уклада новую форму выражения социального протеста — полемического гротеска.

Кроме упомянутых уже песен о старом муже, гротескные образы внедряются и в другие темы семейной лирики. Один из интересных примеров — стоящая особняком песня о выборе жениха (стр. 144), где продаже невесты отцом противопоставлен свободный выбор мужа девушкой. Невеста, отказываясь идти в монастырь, мотивирует свой отказ пародийной характеристикой монашества:

В этом же монастыре есть монахи молоды,
Эти же монашенки зелено вино пьют,
Меня, красну девушку, в стыд-бесчестье
приведут...

Песня эта по своей идеологической направленности выделяется среди семейных лирических песен, отличаясь от них идеей личной свободы и открытым полемическим характером образов: купцу (иногда дворянину) предпочитается «музыкант» (в более старых вариантах — «скоморох»). Она непосредственно примыкает к традициям скоморошьих полемических театрализованных песен-действ и является как бы соединительным звеном между песнями о старом муже, где насмешка еще не перерастает в социальную сатиру, и выделенными нами в особую тематическую группу полемическими насмешками над монахами. Образы цыганствующих и распутничающих монахов, лишь полутно затрагиваемые в песне о выборе жениха, — в этом последнем цикле являются ведущими. В этом, как уже было сказано, наиболее остром полемическом цикле старой крестьянской песни издевательства над «не-монашеским», «мирским» поведением монахов, пляшущих, вышивающих и ухаживающих за девушками, — в сущности утверждение этого «мирского» и отрицание идей монашества. В насмешках сквозит сочувствие к молодым чернецам и черницам, нарушающим монастырский устав. В уста монахов, убегающих из монастыря в «мир», вкладываются слова, рисующие отношение к монастырям оппозиционных классовых групп, выразителями которого была полемическая поэзия скоморохов:

Ты сгори же, да сгори же, моя келья!
Изотлей ты, изотлей ты, черно плагье!
Разорись, разорися, монастырь наш!
Разойдись, разойдися, схожа братья!

Противопоставление монашеству здорового реалистического утверждения жизненных радостей сближает содержание песен этого цикла с идеями, лежавшими в основе социальной сатиры английского и итальянского Ренессанса, и вызывает в памяти образы Бокаччио и Чоусера.

Евгений Гиппиус.

Рекрутчина

Еруславская наша да губерния,
Рекрутская наша да приемна,
Молодецкая наша да разлука,
Вы расстанюшки наши да молодецкие.
Там, на расстанюшках, я разоставался.
С родным с татенькой я-то разоставался, —
Стала с корешка травка да сподсыхала;
С родной той ли маменькой я разоставался, —
Мать сыра ли земля да простонала.
С родными ли братьями я да разоставался, —
Ясны те соколы нарозь да разлетались,
Добры те ли молодцы нарозь да
разъезжались.
Со родными ли сестрами я да разоста-
вался, —
Белы те лебедушки нарозь да разлетались:
С молодой женой я да разоставался, —
Те да слезяны ручьи да протекали;
С малыми деточками я разоставался, —
Во поле червочки да извивались;
С красными да с девушками
я разоставался, —
Ретиво ли сердце, эх, да сердце
встрепенулось;
Со родом да с племенем я разоставался, —
Весь ведь мир-от да взволновался.

Мало спалось молодцу, да много виделось—
Привиделся-то молодцу нехороший сон:
Будто меня, молодца, доброй конь да
разнес,
Добрый конь да вороненькой спод браным
ковром,
Спод браным коврышком, зеркальчатым
да седлом,
Под браным, шитым коврышком да
седлышком,
Черкаско седлышко да с тасменной уздой.
Свалилась-то с молодца шапка-то с головы,
Не простая шапочка—с кисточкой да
картуз.
Знать-то мене, молодцу, во несчастьеце
жить,
Во таком-то несчастьеце—во солдатах
быть...

По широкой было славной улице,
По проезжей-то было по дорожечке
Выезжал-то майор да полковничек,
Вывозил-то указ да не милослив.
Да не милослив указ, да не жалослив:
Что из трех-то братьев во солдаты брать,
Из четырех-то в рекрута писать.
Что у нужного было у крестьянина,
Было три-то сына хорошие,
Все хороши, славны, пригожие,
Они в царскую службу гожие,
Они в царскую, государскую.
Да спроговорит родной татенька:
«Мне большого сына — его жаль отдать,
Мне среднего сына не хочется;
Что меньшому сыну да бог судил,
Ему бог судил во солдатушках быть,
Во солдатушках быть, царю служить.
Царю белому, да Петру Первому».
Как меньшей-от прирасплакался,
Отду-матушке приразжалился:
«Осударь ли мой, родной татенька,
Осударыня ли, родна маменька,
Неужели же я вам да не сын родной,
Я не сын родной, родной пасынок,
Я вам пасынок, да сосед чужой,
Я сосед чужой, супостат лихой?»

Как спроговорил родной гатевька:
«Уж вы дети ли мои, деточки,
Уж вы все, дети, мне ровнакие!
Вы пойдите-тко вдоль по улице,
Вы зайдите-тко в нову кузницу,
Уж вы скуйте-ко, дети, себе по ножичку,
Вы пойдите-тко, дети, во чисто поле,
Вы зайдите-ка^к в част ракитов куст,
Уж вы срежьте-тко всем по прутышку,
Вы то сделайте все по жеребью,
Пойдите-тко, дети, на Дунай на реку,
Уж вы киньте-тко все по жеребью».
Как большой-от брат кинул жеребей, —
У его жеребей да как гусь плывет;
Как середний брат кинул жеребей, —
У его жеребей по верху плывет;
По верху плывет, как утка серая;
Как меньшей-от брат кинул жеребей, —
У его жеребей да как ключ ко дну.

Не кукушечка во сыром бору куковала,
Не соловушко во зеленом саду громко
свищет,
Добрый молодец, во неволюшке сидя,
плачет,
Обливается добрый молодец горючьими
слезми.
Как берут меня, добра молодца, во неволю,
Уж как вяжут мне, добру молодцу, белы
руки,
Что куют, куют добру молодцу скоры ноги
Что везут, везут добра молодца, везут
в город,
Отдают меня, добра молодца, в царску
службу,
Что во ту ль, во ту службу царскую
во солдаты.
Уж никто по мне, добром молодце,
не потужит,
Только тужит лишь одна матушка, мать
родная,
Молода жена добра молодца проклиная,
Красны девушки про молодчика вспоминают,
Род и племя все меня молодца провожают.

Поехал-то мой миленькой в рощицу
 гулять.
 Гулял, гулял миленькой на сером-то коне.
 Ох, на сером-то на конюшке, черкасском-то
 седле.
 Ох, сронил миленькой перчаточки с рук.
 Залился-то мой миленькой горячими
 да слезами:
 «Ох, знать, знать, мне-то, молодчику,
 несчастному быть;
 Ох, знать, знать, моей-то головушке
 в солдатах служить.
 Ох, знать, знать, моей-то сударушке
 солдаткою быть.
 Ох, знать, знать, моим малым детушкам
 сиротками рость.
 Ох, знать, знать, моей родной матушке ве
 век плакать — тужить.
 Ох, не плачь, не плачь, маменька, не
 плачь ты при мне.
 Ох, наплачешься, маменька, наплачешься
 без меня.
 Ох, напримасешься, маменька, и холоду
 голоду»

Как по первому по Невскому проспекту,
По второму Николаевскому мосту,
Туда шли-прошли солдатники молодые,
За ними все идут матушки, отцы родные;
Возле ручку идут жены молодые,
Во слезах пути-дорожечки они не видят,
Во возрыданьицах словечушка да
не спромолвят.

Как спроговорят солдатники да молодые:
«Вы не плачьте, отцы-матушки наши
родные,

Не рыдайте, наши жены молодые.

Вам не выходить всего света белого
за нами,

Не смочить вам сырой земли да слезами,

Не наполнить синя морюшка горячими;

Хошь я смочит и не смочит частый мелкий
дождичек,

Хошь наполнят синие морюшко — да
не вами,

Да не вами, да очень быстрыми да реками».

Не ясен сокол по воздуху летает,

Молодой солдат с фатерушки соезжает;

Не отец его, не матушка провожает,

Спровожают-отряжают да чужи люди,

Чужи люди, спорядовные соседи,

Спорядовны, подледворны красной девки.

Одна девушка подальше да спроводила,
На расстаньюшках платочек да подарила,
На дорожечку здоровьица да помолила:
«Дай ты, господи, солдатику воротиться,
Все на стару фатерушку становиться,
На мене, на красной девушке, да жениться»

Пей же, моя буйна головушка, не спивайся
Во проное, моя буйна головушка,
не печалься.

Я напьюсь, напьюсь, добрый молодец, сам
просплюся.

С государевыми целовальничками расплачуся.
Не по-летнему всхожое солнышко землю
грест,

Не попрежнему отец с матушкой сына
любят.

Соживают-то доброго молодца со подворья,
Наделяют-то доброго молодца путь-дорожкой.

Я пошел, пошел, добрый молодец, сам
заплакал,

Со своими с родными с родителями
не простился,

С половины пути-дорожечки воротился,
Все под задним, под кутным окошечком
колотился:

«Да вы прощайте, отец с матушкой, все
родные,

Ты еще же прощай, моя любушка
любезная.

Повезли-то меня, доброго молодца, во
солдаты,

Во солдатушки. доброго молодца. все на
службу».

Растоскуйся ты, моя сударушка, по мне
возгорюйся!
Уж я сам-то ли по тебе, сударушка, сам я
встосковался!
Нападают-то на меня, сиротинушку, ах, да
лихи люди;
Что хотят-то ли меня, сиротинушку, отдать
во солдаты,
Что куют-то ли меня, сиротинушку, меня
во железа;
Что везут-то меня, сиротинушку, меня ко
приему.
Все приемщики на меня, сиротинушку, они
вздивовались:
«Уж и где же ты, сиротинушка, где ты
уродился?» —
«Породила-то меня, сиротинушку, ах, да
родна матушка;
Воспоил-то, вскормил меня, сиротинушку,
православный мир;
Возлелеяла меня, сиротинушку, ах, да
Волга-матушка;
Воскачала-то ли меня, сиротинушку, ах, да
легка лодочка!

Попила-то моя буйная головушка, попила,
погуляла,
Что за батюшкиной, да за матушкиной
большой головою,
Что за братцевой, за невесткиной тяжелой
работой.
Как не бел гребень головушку чешет —
чешет пора-время,
Чешет пора-времечко, гульба-воля, удаль
молодецкая, вольное раздолье.
Вдруг почувяло мое сердечушко невзгоду.
Та невзгода ли, невзгода — частые наборы.
Что хотят-то меня, молодца, всем миром
поймать.
Белы рученьки связать, резвы ноженьки
сковать;
Не поймавши добра молодца, как же
в рекруты отдать?
Не сыскавши красной девушки, кого ж
замуж обвенчать?
Как поймали добра молодца у прилуки
красной девицы;
Белы рученьки связали, резвы ноженьки
сковали;
Посадили меня, молодца, на мирски
подводы,
Повезли-то меня, молодца, во город Саратов.

Во городе во Саратове бреют кудри, не
жалеючи.

Приводили молодца в приемную,
Становили разудалого под меру казенную
И обрили добру молодцу кудри русые.
Не видать моим кудерюшкам уже прежней
холюшки;

Уж не будет добру молодцу гульбы-
волюшки!

Соберите, братцы милые, мои кудри русые,
Завяжите их в миткалевый платок,
Отошлите магушке в терем высок!

Что то ли во нынешнем-то во годе
Тяжело жити во народе
Молодому да человеку,
Молодому да холостому,
Наипаче да женатому.
Что из Питера да из Сенату,
Что из города да из Кронштату
Скорая почта да прибегала,
Со указы да со приказми.
Всем указы да прочитали,
По губерниям да рассылали,
По всем маленьким да волоськам,
По всем мелким да околоткам.
Молодых ребят да имали,
Резвы ножечки да ковали,
Белы ручушки да связали,
В дубовы те сани бросали,
Во Новгород да отвозили,
Во приемну да приводили,
Да под меру да становили.
Медны меры да забренчали,
Командиры да закричали.
Кричит: «Лоб!», кричит, да: «Затылок!»
Их на дубов стул да садили,
Белым мылом да намыляли,
Вострой бритвой да забривали.
Все солдатушки да сидя плачут,
Новобраные да рыдают.

У ж ты, радость ты, моя радость,
Ты куда же, радость, деваясь?
Где весельице потерялось?
Не в лесу то ли заблудилось?
Не в лесах то ли во дремучих.
Приболотинках да зыбучих?
Из того же то из болота
Протекала тут речка быстра,
Речка быстра, камениста.
Что по той же по быстрой речке
Плывет легонькой да стружочек,
Разбашоненькой карбасочек.
На стружках то сидят да солдаты,
Все солдатикки то молодые,
Не женатые да холостые.
Еще все те солдатикки плачут,
Новобраные то рыдают.
Как один солдатичек то не плачет,
Все во скрипочку да играет,
Всех солдатиков унимает:
«Вы не плачьте-ка, да солдаты,
Не рыдайте-ка, новобраны». —
«Еще как же то нам да не плакать,
Новобраным то, ох, не рыдати»...

Ой, по дороженьке было по широкой
Тут ишла-прошла силушка армия,
Сила армия да конногвардия.
Три полка солдат, да все были молодые,
Все молодые, да были безбородые.
Среди полка да знамена несут,
Знамена несут, барабаны бьют,
Барабаны бьют, артикул мечут.
Ружья светлые — замки крепко бьют.
Замки крепко бьют, во поход идут.
Во поход идут, да во дорожечку,
Во дорожечку, да не во дальнюю,
Не во дальнюю, да во печальную.
«Братцы молодцы, друзья наши, товарищи.
Где нам день-то днeвать, да ноченьку
коротать?» —
«Во сыром бору, да во темном лесу.
Мать сыра земля — ты наша постелюшка,
Зло то кореньице — то наше зголовице.
Буйны ветры вьют — то наше одеялышко».

Как далече-далеченько, во чистом поле,
Еще того подале — во раздольице,
Как ве белая березынька к земле
клонится,
Не бумажные листочки раздуваются,
Не шелковая ковыль-травынька
расстиляется,
Еще стелется-расстиляется полынь горькая
Ох, и нет тебя горчее во чистом поле:
А еще того горчее служба царская!
Что ни день-то, ни ночь нам, солдатушкам,
угомону нет;
Темна ноченька приходит, — нам.
солдатушкам, в карауле быть;
Бел денечек наступает, — нам, солдатушкам,
во строю стоять;
Во строю стоять нам, солдатушкам, —
по ружью держать;
Пристоялися резвы ноженки ко сырой
земле,
Придержалися белы рученьки к строеву
ружью,
Пригляделися наши глазыньки на часты
звезды.

Из-за леса, леса темного,
Из-за садика зеленого
Выкаталось ясное солнышко.
Что за солнышком — белый царь,
Ведет силушку не малую,
Он не малую, не великую —
Полтораста полков тысячных,
Они шли-прошли, заплакали,
На коленочки попадали:
«Уж ты, батюшка, наш белый царь!
Поморил нас смертью голодною,
Голодною, холодною!» —
«Вы, детушки, солдатушки!
Вы служите вы хоть немножечко,
Я тогда вас пожалую
По пяти рублей с полтиною,
По три аршина сукна зеленого;
А вы шейте себе по курточке.
Остаточки на шапочки,
Обрезочки на перчаточки,
Остружечки на (о)пушечки».

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садика зеленого,
Ни пути где, ни дороженьки,
Пролежала путь-дороженька,
Не пробойная дорожка, широка;
И никто по ней не хаживал,
Никто следику не кладывал.
И да шли-прошли два полка солдат,
Новобраные солдаты, ноне набраны;
Ноне набраны солдаты, да вечер забриты;
Вечер забриты солдаты, да в поход ко-
сланы —

Не во дальнюю дорожку, в каменну Москву.
Охотнички наперед идут,
Невольнички-то за ними бредут;
Охотнички ко горе пришли,
Ко горе пришли, на гору взошли;
А невольнички под горой стоят;
Что охотнички песенку черкнули,
Невольнички-то слезно всплакнули;
Вспомянули про свою сторонушку:
«Сторона ль наша, сторонушка,
Сторона ль наша гульливая,
Гульливая да походливая!
И поля-то у нас, поля чистые,
Поля чистые да гористые,
И гористые, каменистые.
И ой, чем поля те насеяны?
Тоскою насеяны, грустью огорожены».

И стою, гляжу, кручинная головушка,
И што впотай рушу, победна, горючи
слезы,
Я не попушу, да я, кокоша, жалка голоса,
И я обидной горькой причети солдацкой;
И подивуют мне-ка добры эты людюшки,
И посрекаются спорядны вси суседушки:
Я сестра, видно, стою, да ведь безбратняя.
И, знать, сердечушко мое да беспечальное;
И у меня ведь, у победной, у головушки,
И едина также скачная жемчужинка,
И единоутробной, светушко-братец родимой,
И также отдан в грозну службу государеву:
 Уж как третей-то учетный иде годышек.
 Уж как я да была в городе Петровском,
И хоть недолгой я поры да была времечки,
 Хоть одну жила уречную неделюшку,
И насмотрелась на бессчастных я головушек,
И на победну, горьку жизнь да я
солдацкую.
И не дай, господи, на сем да на белом
свете
И глядеть-смотреть на подстрельных ясных
соколов!
И отрешенны-то от добрых оны людюшек,
И приотрекнутся от сродчев оны
сродничков;

И я понакажу, печальная головушка,
И как тебе, милой спорядной мой
суседушко:

И не случится ль тебе слышать —
И там про брата про родимого
И увидеть мою скачоную жемчужинку,
И во единой во казармы, може, сойдетесь,
Иль на светушке, несчастны, може,
стретитесь,

И да вы ду-друга, победны, признаете —
И за одним, може, столом, да вы там
будете,

И, може, сядете за стол, да против
ду-друга —

И вы на ду-друга, победны, усмотритесь-ко,
И потихошеньку ведь вы разговоритесь-ко.
И с коей стороны, солдат, какой губернки,
И сколько лет служить во службе
государевой,

И на которой год в солдатушках
походных

И тут вы ду-другу, победны,
порасскажетесь,

И вы, несчастны, тут, солдаты,
порасплачетесь,

И ты скажи, да спорядовой мой суседушко,
И моей милой скачоной жемчужинке,
И скажи низкое поклонно челобитьеце;
И ты скажи еще, сдвольной белой
светушко:

И таки-ль гнев несе скачоная жемчужинка,
И все на нас да на печальных головушек,
И што не пише скорописчатой он грамотка,

И я по этим берегам, да незнакомым;
И признавала бы светушка братца родимого,
И по солдацкому несчастну белу личушку,
И по печальным его ясным по очушкам,
И по обидным по солдацким розговорюшкам,
И знаю, ведаю, печальная головушка,
И про его да я жизнь горьку-бесщастную
И как в три годы резвы ножки

притопталися.

И все солдацки сапоженки придержалися;
И по походушкам мондеры притаскалися.
И заболели-то солдацки его плечушки,
И столько носятца ранчи эти казенныи
И подрожали, може, белы его рученьки,
И столько держачи оружьяца военныи;
И притомивши-то, скачоная жемчужинка,
Уж он ходячи, наш свет, да по походушкам,
И он стоячи, победной, каравульщиком
Все у этых замков да у казенных;
И еще слушай же, спорядной мой

суседушко.

И ты скажи да светушку братцу родимому:
И как после его, скачоной жемчужинки,
И изменилася крестьянска наша жирушка,
И издержалась золота казна бесщетная.
И ты еще скажи, спорядной мой суседушко:
И хотя ж есть да светушки братцы

родимыи

И все не спадливы к солдатушку
бесщастному;
И как в злодийну его службу приотправили,
И прозабыли его братьяца родимыи,
И не распродают либимоей скотинушки.

И не пришлют да золотой кизны
по надобью,
И на расход ему, солдатушку несчастному.
И сдай волю, да спорядовой мой суседушко,
И мне порассказать про службу государеву.
И што я видела, печальная головушка.
И как была да я во городе Петровском,
И отпускали как солдатушков
бессчастных.
И их во партии, победных, во собраной:
И как идут да путем широкой дороженькой
И оны в дальнюю орду да безызвестную.
И как с поранному было да все
по утрышку,
И приходили эты дядьки-то со старшима.
И оны прошли по казармам по казенным.
И оны громко всем солдатушкам сказали:
«И вам отправка сего-денечка господняго,
И вам со города теперь да
со Петровскаго».
И как у этых у солдатушков
бессчастных,
И в крепкой сон да у солдатушков
не забранось;
И тут повыстади солдатушки победныи,
И как со этых они коек со казенных.
И тут исусову молитву сотворили,
И во слезах глаза солдатушки крестили;
И не ключевой водой да умывались;
И как не в бело полотно да утиралися;
И умывались солдаты горючми слезми,
И утиралися великою обидушкой;
И обували сапоженьки тут казенныи,

И как начальнички стоят да там
не русскии,

И как судьищечка ведь там
не новгородскии;

И велят оны из труб да все пожарных

И нас окачивать победных головушек,

И все тушить пожар в ретливых
сердечушках.

Ой, тошнехонько, победным нам
головушкам;

И не в моготу нам се-светное живленьице,

И все от этых властей да страховитых,

И все от этых судей да скрозекозных;

И суди, господи, злодиям-супостатым

И за их тяжкий велики беззакония!

И ты услышь наши молитвы изутробныи,

И ты узри да наши слезы горе-горькии!

И при последи-то, походе — этой времечке

И как на нас, да на победных головушек,

И будто белочки солдатушки поглядают,

И быв упалы серы зяюшки посматривают,

И не посмеют-то удалы добры молодцы,

И с ноги на ногу оны да все перестушить

И скинуть ясных несчастных своих
очушек,

И все на нас, да на печальных головушек,

И у которых е желанпы хоть родители,

И у которых е сестрицы хоть родимыи;

И хотя ж клубышком, горюши, мы,
катаемся,

Хотя червышком, несчастныи, свиваемся;

И не поверя нам, победным головушкам;

И столько этыи власти не милосердыи.

И сквозь слезы поют жалку оны песенку,
И сквозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, ногами-то выступают,
И ретливо седце ведь кровью запечатано.
И не дай, господи, на сем да на белом
свету

И прохвастаться-то со братьицем родимым.
И отпущать да во солдатушки походным!
И не глядели бы победы ясны очушки,
И на несчастное житье да на солдацкое.
И на слезливо их, победных,
расставаньице.

И как жива эта разлука пуще мертвой;
И не родила бы, победна я головушка,
И я не роду бы крещеному, не некрести,
Как ходить да по солдатушкам походным.
И я не знаю ведь, печальная головушка,
Кое день, да кое темная да ноченька;
Я во горях, бедна кокоша, во кручинушке
И по сырой земле, горюша, каталася.
И сговорила тут скачоная жемчужинка,
И мой несчастной светушко, братец
родимой:

И ты прости, прости, сестрица
свет-родимая,

И ты во всей вины прости, да во всей
глупости!»

И сговорил да еще, красно мое солнышко,
И со правой руки подал да мне злачон
перстень,

И от сердечка опояску новгородскую,
И со кармана он платок да ливантеровой;
Все подал да он утехя молодецкии

И сговорил да при последи таково слово:
«И я дарю тебе, сестрица свет родимая;
Я на память-то, сестрица, свой златоч
перстень;

На доброумье опояску новгородскую,
И на роздий тебе великою кручинушки
И со кармана я платок да ливантеровой;
И спамяти меня, сестрица свет родимая,
И ты гляди да на последнии подарочки,
И точно на меня, удала добра молодца;
И ты держи эти любимыи подарочки,
И да ты в день держи на белых своих
рученьках.

И да ты в ночь ведь у ретливого
сердечушка,
И мой златоч перстень держи, бедна, по
праздничкам,
И прилагай, бедна, ко блеклому ко
личушку,
И прижимай да ко несчастну ретливу
сердцу».

Уж вы слушайте, народ, да люди добры!
Как прощалася, победна, расставалася,
Я со светушком со братцем со родимым;
И мы плотнешенько ко сердцу
прижимались,

И во сахарныи уста да целовались;
И сговорил еще, скачоная жемчужинка,
И с горя малое единое словечушко:
И он челом бил, мой ведь свет, да низко
кланялся,
И он до матушки, наш свет, да до сырой
земли;

Ужо всем вкупе спорядным соседушкам,
И он воздал да всем спасибо
с благодарностью,

И он за ваше за великое желанье.
И буде, верите, народ да люди добрыи,
И не могу забыть, кручинная головушка,
И я про слезное со братцем расставанье,
И я про бедное солдацко похождение;
И я не в день забыть, не в темну ночь
осеннюю;

И поглядите, многи добры столько
людушки.

И вы на этого бессчастна добра молодца,
И вы на этого суседа спорядоваго!
И он тонешенек теперь, да как тетивочка,
И молодешенек, наш свет, да как
травиночка,

И зелена стоит быв он да деревиночка,
И не доросла, как кудрявая рябинушка,
И не дозрела борова да ягодиночка.
И молчи-то-ко, спорядной мой суседушка:
И как ты соидешь-то во службу государеву,
И на словах да ты, бессчастный, все
простешенек,

И умом-разумом, победной, ты глупешенек;
И ты потыченья, победной, наувидишься,
И ты цоушенья, бессчастной,
напринимашься;

И тут избита-то бессчастливая будет
спинушка,

Все подбиты будут ясны твои очушки,
Исколочена бессчастлива буде голова,

И как от этих побоев от тяжелых.
И тут несчастна бы головка не клонилась,
И тут солдатское бы сердце не коридоса,
И на-б повынести могучим нашим
плечушкам
И эти смертные побои да тяжелыи,
И на-б повытерпеть несчастному
сердечушку,
Уж как всю эту обиду преужасную;
И тут утробушка у вас не унывала бы,
И горячи слезы у вас не протекали бы,
И как пред этим начальством пред
всевышним, —
Как пред этим злоднем супостатным;
И веселым на-б быть, победным, не
смеяться,
И при обиды вам, несчастным, не
расплакаться;
И между собой начальники смущаются,
И над несчастными солдатами изъежаются.
И не поставь во гнев, спорядной ты
суседушко,
И што жалобно, горюша, причитала,
И про злодйку-службу рассказала;
И хоть я не была во службе государевой,
И не ходила по походам я солдатским.
И столько была я во городе Петровском,
Я одинова со братцем со родимым,
Хоть одну была уречную неделюшку, —
Я навиделась, победная головушка,
И насмотрилась на солдат новобраньих:
Как ходили на ученье великое.
И хотя ж ветрышки-то были со погодушкой.

И по фатерышкам, несчастны, не
разойдешься,
И от снежку да рябнут резвы у их
ноженьки,
И от оружьянца несчастны ручки белыи,
И от морозушку сердечко перетрескает;
И не одеты там собольи белы шубоньки,
И одни только мундеры сукон серых;
И у их здрагиват бессчастно тело белое,
И мне-ка жаль того, победной головушке:
И лучше я, бедна горюшица, радела бы
Ему скорую злодийну бы смеретушку,
И отпустила бы, горюша, во сыру землю;
И тут не ржавело б победно ретливо
сердце,

И где таскается бессчастно наше дитяtko,
Иль зябет да по студеной он по зимушке;
И летной порой на дождях стоит сышучиих,
И на страстях, може, светушко на ужастях;
И мое трескае ретливое сердечушко.

Ой, бессчастны солдаты, не таланны!
И как у вас, да у победных головушек,
И безу угару разболится буйна голова,
И от побоюшков у вас да от тяжолых;
На-б бояться то судей неправосудных,
И покоряться на-б властям немилосердным,
И подражать да вам кажинную минуточку;
И буди проклята на сем да на белом
свете —

Уж как это зло, великое несчастьеце,
Все злодийное проклято бесталаньеце —
Уж как эта грозна служба государева!
И трудна-тяжела ведь служба государева:

Да ты слушай же, спорядной мой
суседушко!

И ты окинулся на братьицев родимых,
И на их ласковы прелестны словечушка:
И ублаждают тебя, доброго ведь молодца,
И тебе цветно ноньку платьице наряжено,
И тебе ествушки сахарны составлены,
И тебе питьица медвяны налажены,
И для прогулушки добры кони подпряжены.
И да ты думаешь, спорядовой мой
суседушко,

И што ведь век будет тебе-де уваженьице,
И не веково уваженьице — часовое.
И тебя сдают как во службу государеву,
И позабудут светушки братцы родимы.
И будет бог судить владыко много-
милосливой.

И по благу служить ведь службу государеву.
И буде выслужишь уречены эти годышки,
Буде, возвратишься на родимую
сторонушку;

И не будет тут от братьев уваженьица,
И приобидят тут солдатушка несчастного,
И сговорят да тебя братьица родимы:
И ты не дольщик крестьянской нашей
жирушки,
И не участничек участкам деревенским,

И не пристройщик к хоромному
строеньицу
Ты не пайщик любимой скотинушки.
И позабудут светушки братцы родимы,
Оны нынешню напасть-беду великую,
И сговорят еще солдатушку несчастному
И ты ведь дольщик все службы
государевой,
И ты участничек еолдатушков походных,
И ты пайщик казармам все казенным,
И половинщик ты оружием завоенным;
И заобидишься, солдат, ты закручинишься
И во слезах да ты ответишь таков слово:
«Бог судья вам, светушки братцы
родимы,
И как во ту пору было, да в тое
времечко,
И жогда грозна эта служба сустигала,
И вы не шли да туды, братцы, не
сдавались,
И вы ведь мною, да горе-горьким,
заменился;
И кабы знал да я, несчастной, про то
ведал бы,
И вас не слушал бы я, братьицев
родимых,
И не окинулся бы на ласковы
словечушка,
И не сменял бы ум тот разум на
безумье,
И я не шел бы в грозну службу
государеву;

И хоть бы в горе жил, на вольной своей
волюшке,
И хоть я в худом был, победной, во
житьишечке,
И столько на своей любимой бы
сторонушке;
И как за вас, да светушки, братцы
родимьи,
И много страсти я привидал, много
ужасти
И больше того — побоев превеликих;
Белы рученьки мои да примыхались,
Белы ноженьки мои да притоптались,
Ясны очушки мои да притомилися,
Бедна спинушка моя поросиластана,
И вся утробушка моя да перержавела,
От подтычин я не вижу света белого,
От поушенья не слышу ветра буйного.
Бог судья вам, светушки, братцы родимьи».
И тут вспомнишь ты кручинную головушку,
И ты меня, да ведь приближную
соседушку,
И говорила как спорядная суседушка,
И так ведь избылось и в тоць все
обрещалось.
И ты не гневайся, сдвольной белой
светушко,
И на мое да ты не складне причитаньице,
Хоть не умильно я, горюша, причитала,
Столько ума-разума в головку придавала.
И хоть немного жизнь солдацкую видала;
Знаю-ведаю, победная горюшица,
Каково да им несчастным уваженьице.

И не пристройщик в хоромному
строеньицу
Ты не пайщик любимой скотинушки.
И позабудут светушки братцы родимые,
Оны нынешню напасть-беду великую,
И сговорят еще солдатушку несчастному
И ты ведь дольщик все службы
государевой,
И ты участничек солдатушков походных,
И ты пайщик казармам все казенным,
И половинщик ты оружиям завоенным;
И заобидишься, солдат, ты закручинишься
И во слезах да ты ответишь таков слово:
«Бог судья вам, светушки братцы
родимые,
И как во ту пору было, да в тое
времечко,
И когда грозна эта служба сусыгала,
И вы не шли да туды, братцы, не
сдавались,
И вы ведь мшой, да горе-горьким,
заменились;
И кабы знал да я, несчастной, про то
ведал бы,
И вас не слушал бы я, братицев
родимых,
И не окинулся бы на ласковы
словечушка,
И не сменял бы ум тот разум на
безумье,
И я не шел бы в грозну службу
государеву;

И хоть бы в горе жил, на вольной своей
волюшке,
И хоть я в худом был, победной, во
жизньишечке,
И столько на своей любимой бы
сторонушке;
И как за вас, да светушки, братцы
родимы,
И много страсти я привидал, много
ужасти
И больше того — побоев превеликих;
Белы рученьки мои да примахались,
Белы ноженьки мои да притопталися,
Ясны очушки мои да притомилися,
Бедна спинушка моя поросиластана,
И вся утробушка моя да перержавела,
От подтычин я не вижу света белого,
От поушенья не слышу ветра буйного.
Бог судья вам. светушки, братцы родимы».
И тут вспомнишь ты кручинную головушку,
И ты меня, да ведь приближную
соседушку,
И говорила как спорядная суседушка,
И так ведь избылось и в точь все
обрещалось.
И ты не гневайся, сдвольной белой
светушко,
И на мое да ты не складне причитаньице,
Хоть не умильно я, горюша, причитала,
Столько ума-разума в головку придавала.
И хоть немного жизнь солдацкую видала;
Знаю-ведаю, победная горюшица,
Каково да им несчастным уваженьице.

Быдьте прокляты, злодеи-супостаты!

Вергай сквозь землю ты, некресть вся
поганая!

И секите вы кудри поскорая.

И точите вы бритвы повострая;

И уж вы брейте его да побеляя;

Охти мни, да мне тошнешенько,

И кабы мне да эта бритва наостренная

И не дала бы я злодийной этой некрести

И над моим ноньку рождением

надрыгаться;

И распорола бы я груди этой некрести,

И уж я выняла бы сердце тут со

печенью.

И распластала бы я сердце на мелки

куски.

И я нарыла бы корыто свиньям в месиво!

А и печень я свиньям на удашьце.

Воля и неволя

Что вилась-то мои русы кудри, вились-
завивались.
Как слышали мои русы кудри на себя
невзгодье,
Что большое ли невзгодье, великое
безвременье:
Что уж быть-то мне, доброму молодцу,
во солдатах,
Что стоять-то мне, доброму молодцу,
в карауле.
Вот стоял я, добрый молодец, в карауле,
Пристоялись у доброго молодца мои
скоры ноги.
Как задумал я, добрый молодец, задумал
бежати;
Что бежал я, добрый молодец, не
путем-дорогой,
А бежал я, добрый молодец, темными
лесами.
Во темных лесах, добрый молодец, весь я
ободрался,
Во темных лесах, добрый молодец, весь я
обмочился:
Прибежал я, добрый молодец, ко своему
подворью.

Прибежавши, добрый молодец, под окном
я постучался:
«Ты пусти, пусти, сударь-батюшка, пусти
обогреться.
Ты пусти, пусти, моя матушка, пусти
обсушиться». —
«Я б пустила тебя, мое дитяtko, боюсь
государя;
Ты поди, поди, мое дитяtko, во чистое
поле,
Что буйным ветром тебя, дитяtko, там
обсушит.
Красным солнышком, мое дитяtko, тебя
обогреет».
Что пошел-то я, добрый молодец, пошел,
сам заплакал:
«Уж возьмись, загоритесь вы, батюшкины
хоромы,
Уж ты сгинь, пропади, матушкино
подворье».

Далече ты, раздолбце, в чистом поле!
Тут шли-прошли невольнички молодые,
Размолоденьки невольнички — все солдаты,
Из своєю полку все бежали.

Ничего-то им на дикой степи не видати,
Завидели на дикой степи камыш-травку,
Тихохонько к камыш-травке подходили,
Жалобнехонько у камыш-травы ночевать
просидись:

«Ты пусти, пусти, камыш-травка, ночевати,
Укрой ты нас, камыш-травынька, от темные
ночи, —

Холщевые портяночки просушити,
Сафьяновые сапоженьки пускай так
провянут».

С вечера камыш-травынька затикала,
А невольничков размолоденьких ночевать
пустила.

Ко полуночи камыш-травынька зашумела,
Невольничков, добрых молодцев пробуждала:

«Вставайте вы, невольнички молодые,
За вами ведь гонятся три погони:

Первая погонюшка — все гусары,

Другая-то погонюшка — все казаки,

А третья-то погонюшка — из вашего полку
все солдаты!»

Невольничков молоденьких поймали,
Из солдатских из ружей расстреляли.

«Сиротка, ты, сироточка, сиротинушка
горькая.

Сиротинушка ты горькая, горемычная!
Запойка-ка ты, сиротка, с горя песенку!» —
«Хорошо вам, братцы, петь, — вы
пообедали,

А я, сирота, лег не ужинавши,
Лег не ужинавши, встал не завтракавши!
У меня ли, у сироты, нет ни хлеба, ни соли.
Нет ни хлеба, ни соли, нет ни кислых щей;
Одна корочка-засушенка, и та летошняя!» —
«Ты скажи, скажи, сирота, кто тебя
воспородил?» —

«Воспородила меня, сиротку, родна
матушка;
Воспоила, воскормила меня Волга-матушка:
Воспитала меня легка лодочка ветляненька;
Возлелеяли меня няньки-мамки — волны
быстрые;

Возрастила меня чужа-дальна сторона
Астраханская;
Я со этой со сторонюшки на разбой
пошел». —

«Ты скажи, скажи, сиротка: с кем разбой
держал?» —

«Не один я разбой держал, — с тремя
товарищами:

Первый мой товарищ — ночь темная;

Другой мой товарищ — конь добра лошадь;

Третий мой товарищ — стально ружье!»

У дородного добра молодца
Много было на службе послужено,
На печи было в воле полежано;
Дослужился я, добрый молодец, до край печи
И увидел корыто предэлгое.
Что я спросил я у товарищей,
Не та ли то Волга широка и долга,
Широка и долга, крутобережна?
Как увидел в ставчике ложечки,
Не те ли то весла, чем на Волге гребут?
У дороднова добра молодца
Много было на службе послужено,
С кнутом за свиньями похожено;
Много цветного платья поношено,
По под оконью онучь попрошено;
И сахарного куска поедено,
У ребят корок отъимано;
На добрых коней поезжено,
На чужие дровни приседаючи,
Ко чужим дворам приставаючи,
У дороднова добра молодца
Много было на службе послужено,
На поварнях было посижено,
Кусков и оглодков попрошено,
Потихоньку без спросу потаскано,
Голиками глаза выбиты,
Ожегом плеча поранены.

Как бывало мне, ясну соколу, да
времечко:
Я летал, млад ясен сокол, по поднебесью,
Я бил-побивал мелку пташечку;
Как, бывало, мелкой пташечке пролету нет.
А нонече мне, ясну соколу, время нет:
Сижу я, млад ясен сокол, во пойманье,
Я во той ли в золотой во клеточке,
Во клеточке, на жестяной нашесточке;
У сокола ножки сопутаны,
На ноженьках путички шелковые;
Занавесочки на глазоньках жемчужные!
Как бывало мне, добру молодцу, да
времечко.

Я ходил-гулял, добрый молодец, по синю
морю,
Уж я бил-разбивал суда-корабли,
Я татарские, армянские, бусурманские;
Еще бил-разбивал легки лодочки;
Как, бывало, легким лодочкам проходу нет.
А нонече мне, добру молодцу, время нет:
Сижу я, добрый молодец, во пойманье,
Я во той ли во злодейке земляной тюрьме.
У добра молодца ноженьки сокованы,
На ноженьках оковушки немецкие,
На рученьках у молодца замки затюремные,
А на шеюшке у молодца рогатки железные!

Растужится. расплается млад ясен сокол,
Сидючи-то он во клеточке,
На серебряной на нашесточке,
Жалобу-то творит млад ясен сокол
На крылышки. на правильные мелкие

перушки:

«Ой вы, крылья мои, крылья вы правильные,
мелки перушки!

Уносили меня крылышки и от ветру и от
вихрю,

От частого дождю от осеннего;

Только не уносили меня крылышки

От великой от неволюшки —

От золотой от клеточки,

От серебряной от нашесточки».

Ирина Андреевна Федосова

Ты воспой-ка-ся, воспой, молодой

жавороночек.

Ты воспой-ка-ся, ты воспой весной на
проталинке,

Ты утешь-ка-ся меня, добра молодца,
Сидючи меня в темной темнице.

Что не год то ли я сижу, сижу и не два
года.

Я сижу ли, молодец, ровно девять лет.

На десятый-то год стал письмо писать,

Стал письмо писать к отцу с матерью:

«Государь ты мой, родный батюшка!

Государыня моя, родная матушка!

Эх, уж выручайте меня, несчастного!

Что из темной ли меня, меня из темной
темницы!»

Как отец-то пишет мне, пишет, он
отказывается:

Что у нас-то ли в родни таких не бывало.

Что воров ли у нас нет разбойничков.

Ты воспой-ка-ся, ты воспой весной, молодой
жавороночек,

Ты воспой-ка-ся, ты воспой весной на
проталинке,

Ты утешь-ка-ся меня, добра молодца,

Сидючи меня в темной темнице.

Пишет грамотку к красной девице,

Красной девице, прежней любовнице:
«Выкупай меня, выкупай, доброва молодца,
Ах, ты, душечка красна девица,
Ты прежняя моя любовница!»
Красна девица горько всплакнула,
Горько всплакнула, слово молвила:
«Ох, вы, нянюшки, мои мамушки.
Вы берите скорей золотые ключи,
Вы берите казны, сколько надобно,
Выкупайте доброва молодца
Из темной темницы, заключеньца!»

Не для про меня, молодца, тюрьма строена
Одному-то мне, доброму молодцу,
пригодилася:
Сижу-то я в ней, добрый молодец, тридцать
лет,
И тридцать лет, и три года;
Появилась сединушка во русых кудрях,
А бородушка у молодца, как белый лен;
На резвых-то ногах железо-медь
перержавели.
Все дверюшки-вереюшки развалилися;
Пошел-то я, добрый молодец, из тюрьмы-то
вон:
«Ты прости, прости, вор-злодеюшка, земляна
тюрьма,
А ты ли меня молодца состарила!»

Красной девице, прежней любовнице:
«Выкупай меня, выкупай, доброва молодца,
Ах, ты, душечка красна девица,
Ты прежняя моя любовница!»
Красна девица горько всплакнула,
Горько всплакнула, слово молвила:
«Ох, вы, нянюшки, мои мамушки.
Вы берите скорей золотые ключи,
Вы берите казны, сколько надобно,
Выкупайте доброва молодца
Из темной темницы, заключеньца!»

Не для про меня, молодца, тюрьма строена
Одному-то мне, доброму молодцу,
пригодилась:
Сижу-то я в ней, добрый молодец, тридцать
лет,
И тридцать лет, и три года;
Появилась сединушка во русых кудрях,
А бородушка у молодца, как белый лен;
На резвых-то ногах железо-медь
перержавели.
Все дверюшки-вереюшки развалилися;
Пошел-то я, добрый молодец, из тюрьмы-то
вон:
«Ты прости, прости, вор-злодеюшка, земляна
тюрьма,
А ты ли меня молодца состарила!»

О монастырях и монахах

А пойти было к обедне,
А зайти было к игумну.
Еще стук, стук у кельи:
«Дома ль батюшка игумен?»
А игумена дома нету,
Что за батюшка игумен?
Как ни придешь, дома нету!

А пойти было к вечерне,
И зайти было к игумну.
Еще стук, стук у кельи:
Дома-ль батюшка игумен?
А игумен сидит дома —
«Постриги, сударь игумен!» —
За постриженье полтину,
За полтиною холстину,
За холстиною корову,
За коровою теленка,
За теленком постреленка.

.....
«Расстриги, сударь игумен!» —
За расстриженье полтину.

За святыми воротами черничка гуляла,
Черничка гуляла, младая плясала.
А сказали черничке, что поп Матвей едет;
Она таки скачет, она таки пляшет.
А сказали черничке, что поп Матвей едет;
Черничка взметалась, молодая взбросалась.
«Ах, куда-ж мне деваться, да куда-ж
схорониться?
Али мне утопиться? Али мне удавиться?»—
«Не давися, черничка, не топись, молодая!
Иди в свою келью, спасай свою душу».
Черничка-голубка залилася слезами.
Камилавку под лавку, черну рясу на грядку.
«Заторись, моя келья, святая обитель!
Спаси, спаси, боже, святые ворота,
За которыми гуляла, за которыми плясала»
За которыми плясала, свой чин забывала,
Свой чин забывала, прежню волю
вспоминала».

Не мое дело черничкой быть,
Не мое дело в келейке сидеть,
Не мое дело богу молиться,
Не мое дело низко кланяться,
Не мое дело камилавку носить;
Только мое дело по саду ходить,
Только мое дело орешки шелкать,
Только мое дело меды щелыгать;
Положу-ткась я камилавку свою,
Положу камилавку под конец стола.
Вкруг камилавочки похаживаю,
На камилавочку поглядываю;
Подыму-ткась я камилавочку,
Подарю-тка ее другу милому.

Вкруг я келейки хожу,
Вкруг я новенькия,
Вкруг сосновенькия;
Уж я старца бужу,
Я спасеную душу:
«Уж ты, старец, стань,
Ты, спасеная душа!
К заутрене звонют,
К обедне зовут!» —
«Уж ты прочь, пономарь,
Пустозвон, не мешай!
Не могу я встать,
Головы поднять:
Голова моя болит,
Ретиво сердце щемит...
Уж и встать было мне,
Поплясать было мне,
Для милых гостей
Растрясти костей!
Моя милая идет,
Графин водочки несет,
Распростится да уйдет».

Как под грушицей, под кудрявою,
Как под яблонею, под зелененькою,
Тут и келейка стоит,
В келье старица лежит.
Перед ней слуга стоит,
Таки речи говорит:
«Уж ты, старица, встань,
Спасеная душа, встань!
Чу, к обедне звонят,
Чу, часы говорят!» —
«Уж я встать не могу:
Права ноженька болит,
Переступить не могу;
Права ручешька болит,
Перекреститься не могу!»
Как под грушицею, под кудрявою,
Как под яблонею, под зелененькою,
Тут и келейка стоит,
В келье старица лежит.
Перед ней слуга стоит,
Таки речи говорит:
«Уж ты, старица, встань!
Скоморохи вон идут,
Всяки игры несут!» —
«Уж и встать-то бы мне,
Поплясать-то бы мне,
Стары ноги поразмять!»

Нак во городе было, во Казане,
Среди торгу, да на базаре,
Туто новый монастырь заводился,
Молодой чернец постригся.
Что три годы чернец богу молился,
На четвертый год взвеселился:
Захотелся чернецу погуляти,
Что по улочке да по широкой,
По лазоревым цветочкам-василечкам.
Встречу, встречу чернецу да три толпицы,
Три толпицы, три толпицы — все старухи;
Те старухи чернецу да поклонились;
Чернец клобучище нахлобучил.

(второй раз чернец встречает молодиц)

Три толпицы, три толпицы — молодицы;
Чернечище клобучище мало приснял,
(третий раз чернец встречает трех девиц)

Чернечище клобучище на пол бросил:
«Мне-ка полно, чернецу, богу молиться!
Не пора ли добру молодцу жениться
Мне-ка на душечке, на красной на девице
Свет на... *(имя рек)*.

Ты стори же, да стори же, моя келья!
Изотлей ты, изотлей ты, черно платье!
Разорись, разорись, монастырь наш!
Разойдися, разойдися, схожа братья!»

О детях

(БАЙБИ)

Бай-бай, да еще бог дай,
Дай поскорей, чтобы жить веселей,
Бай да люлю, хошь сегодня помри.
Завтра похороны,
Хошь какой недосуг,
На погост понесут;
Матери опроска,
И тебе упокой,
Ножечкам тепло,
И головочке добро.

Спи, ворота —
Мне недосуг!
Сегодня усни,
А завтра помри!
На погост повезут,
Вечну память процоют,
К сырой землѣ предадут

Бай да бай,
Поскорее помирай!
Помри поскорее!
Буде хоронить веселее,
С села повезем
Да святых запоем,
Захороним, загребем,
Да с могилы прочь уйдем.

Бай да побай,
Хошь сегодня помри,
Татка с работки
Гробок принесе,
Бабушка у свечки
Рубаху сошье,
Маика у печки
Блинов напеке.
Будем ясть, поедать,
Да и Марью поминать.

Спи, Ванюшка,
Спи, родной,
Спи, Ванюшка,
Спи, усни,
Не вздымай головы,
Бай да люлю,
Буде пора,
Да разбудим тебя.
Спи, спи, усни,
Будешь большой,
Будешь рыбку ловить,
Тетерку ловить,
Будешь лес рубить,
Татку, мамку кормить.

Сон да дрема
Накатись на глаза
Да на Аннушкины.
У Анны колыбель
Во высоком терему,
На гибком оцепу,
Крюки да кольца серебряны,
Сама колыбель позолочена,
Подушка в колыбели пуховенькая,
Одеяло в колыбели тяжовенькое,
Черным соболем усыпя,
Соболя в ногах,
Кунье в головах.

Ты, зоря ли, ты, зорюшка да вечерняя,
 рано спотухаешь ты, зоря.
 Не дала ли ты, зорюшка да вечерняя,
 с полюшка убраться нам домой.
 Закрутила ли, ох, замела спогодушка,
 сильная да погода, дунул ветерок.
 Уж мы пойдём-ка, зайдем, добрые молодцы,
 во почтовый новый дом;
 Уж мы сложимтесь, добрые молодцы, по
 полтине, сложимтесь по полтине серебром.
 Уж мы наймемте-ка, добрые молодцы,
 наймем троечку серопегих лошадей,
 Да уж сядемте-ка, сядем, добрые молодцы,
 сядем да поедем мы домой,
 Со всеми то ли друзьями да приятелями,
 со всеми распростимся, милый мой.
 Как с одной то ли, как с любушкой да
 сударушкой, с ней то не простился, —
 позабыл;
 С половиночки, ох, с питерской да
 дорожечки, назад заворотился милый мой.
 Как то под задним, под кутним да
 окошечком миленькой колотился —
 простучал:
 «Каково же ты, любушка да сударушка,
 живешь то поживаешь без дружка?»

Да не корыстно плохое да здоровьице
жить то ли без милого без дружка,
Как тесова то ли нова кроваточка
впусте простояла без дружка.
Как пухова то ли мягка да перинушка
всю ночь простояла в трубочке.
Как пухова то ли аглицка да подушечка
всю ночь протонула во слезах,
Соболье то да тепло одеялышко всю
ночь пролежало во ногах.

Калинушка с малиною, лазоревый цвет,
Уж как та веселая беседка, где мой милый
пьет.

Уж он пить не пьет, да голубчик мой, за
мною, молодой, шлет.

А я молода да младшенька замешкалася
За тем, за сем да за делечком, за делом
своим,

За утками да за гусями, за журонькой.
Уж как журонька да по бережку похаживает.

Шелковую он да травоньку пощипывает,
Речные воды да холодные похлебывает,
За реченьку да за быструю поглядывает.
Как за реченькою да за быструю слободка
стоит.

Слободушка да не малая — четыре двора.
Во каждом во дворике там по кумушке
есть.

«Вы, кумушки, голубушки, подружки мои,
Кумитесь да любитесь, любите меня,
Как пойдете во зелен сад, возьмите меня.
Как станете да цветочки рвать, сорвите и
мне,

Как станете да веночки вить, совейте и
мне.

Пойдете на речку, бросайте венки, бросайте
венки,

Как станете бросать, бросайте и мой.
Как все венки да поверх воды, а мой
погонуд,
Как все друзья домой пришли, а мой не
пришел.

В далеком было, в далеком чистом поле.
Что еще того подале было во раздолье.
Стояла ли в поле чистом белая береза;
По корешку, березонька, она корениста,
По середочке, березонька, она кривлевата,
По вершиночке она, березонька, щепочиста.
Что под той ли было белой под березой,
Не сиз ли голубь с голубушкой сидит,
воркует,
Не девица ли с молодцом речи говорила.
У душечки ли, у красной девицы,
Не дождичком ли белое лицо смочило,
Не морозом ли ретиво сердце познобило;
Смочило ли лицо белое, лицо слезами,
Позябло ли ретиво сердце с тоски-кручины;
Тужит ли, плачет душа красная девица.
По своем ли по миленьком дружочке,
По ласковом, по приятливом по словечке:
Хорош ли, пригож душа миленькой
уродился,
Он возрастом и дородством и всей
красотою,
И всею храброю поступочкой молодецкою.

Во тумане красное солнце, оно во тумане;
При печали красная девица, она при
великой:
Сердце слышало великую себе невзгону;
Вещевало мое ретивое, оно не сказало;
Наконец моя головушка вечно сподивает,
На кого же меня, бедну, несчастну, милой
оставляет.
Уж я несчастна, красная девица, на свет
родилась;
Я не долго со любезным дружкой поводилась
Только с ним ли, со любезным с тем
дружкой, рассталась,
При пути-то было, при широкой, при
большой дорожки.
Там стояли новы высоки, новы покои,
Штоль в этих новых высоких, новых покоях
Сидел душечка, да удаленькой ли
размолодчик;
Он оперся ли белой грудью, парень, на
окошко;
Горючи слезы ронит парень за окошко.

Раздивья тому на свете жить,
Да у кого нету мила дружка;
У того ль нету заботушки,
На сердечушке зазнобушки.
У меня ль, у красной девушки.
Есть по разуму сердечный друг;
Да осушил меня молодешеньку,
Хуже ветра, хуже вихоря,
Хуже травоньки скошеное,
Подкошеной, засушеное.
Сама, девушка, на грех ступлю,
Своего дружка да иссушу,
Я не зельем, не кореньями,
Иссушу да горючьими слезами.
Не достанься, мой сердечный друг,
Не достанься ни тебе, ни мне,
Не достанься-ко моей сестре;
Ты достанься-тко, мой сердечный друг,
Да достанься-ко сырой земле,
Доставайся гробовой доске.

Сторона да сторонка, родимая да любимая,
Мне-ка век по тебе, да дорожечке, будет не
бывати,
Мне черных то грязей, молодешенькой,
будет не топтати,
Мне мила ли дружка сердечного очми да
не видати.
Я сряжусь-сподоблюсь, молодешенька, да
сиротинкой,
Я пойду да побреду, молодешенька, к милому
дружку на свадьбу,
Я приду ли, молодешенька, зайду на круто
крылечко,
Я с крыльца ли я зайду, молодешенька, на
новы сени,
Я с новых-то сеней, да молодешенька, зайду
во горницу,
Я пройду, да молодешенька, пройду нонь
против печки.
Погляжу я, посмотрю, да молодешенька, по
всем столам дубовым,
Погляжу я, посмотрю, да молодешенька, по
скатертычкам новым камчатным,
Погляжу я, посмотрю, да молодешенька, по
ествам по сахарным,
Погляжу, посмотрю, да молодешенька, по
всем да людям добрым.

По приходим я да молодешенька, ноньче
по приезжим.
Ничего же нонь мне, молодешеньке, не
приглянулось.
Уж я вышла, молодешенька ли, на новы
сени,
Я с новых-то сеней, да молодешенька,
вышла на красно крылечко.
Я опрусь, овалюсь, да молодешенька, во
точены во перила.
Я во те же новы точены во брусy ой да
балясы,
Погляжу, посмотрю, да молодешенька,
ноньче в чисто поле, во раздолье,
Ничего же во раздольице ноньче в поле да
не видно,
Только видно в поле, во раздольице, одна
бела березка.
По корешку да березонька была корениста,
А посередине березонька была кривлевата,
Под той березонькой мы с милым дружкой
сидели,
Говорили мы с любезненьким ноньче
тайны словечки...

Насильственный брак

Ни полно ли кукушечке во сыром бору
куковати,
Ни полно любезной по милому грусовати?
Запой-ко, сердечушко, запой, мое ретивое,
Заслышь-ко, любезная, заслышь голое-
голосочек.
Слышно про любезную, слышно — замуж
вышла;
Вышла, разлюбезная, замуж она не за ровню,
Вышла, разлюбезная, замуж она за старого.
Вышедши, любезная, сама она слезно плачет;
«Кровать, ты, кроватушка, кровать тесовая!
Сделана кроватушка из горькой она из
осины;
Никогда кроватка пуста ночку не стояла,
А нонче кроватушка всю ночь пуста
простояла,
Соболиное одеялицо всю ночь в ногах
пролежало,
Высоки взголовницы в слезах они потонули»

Соловей мой, соловьюшка,
Соловей, вольна пташечка,
Горемычная кукушечка.
Не летай, мой соловьюшка,
Не летай, мой молоденький,
Выше лесу, выше темного,
Выше дерева жарового.
Ты взовьешься, опустишься,
Упадешь ты на сыру землю,
Отшибешь ты право крылышко
От ретивого сердечушка.
Ты, родимый мой батюшка,
Ты, родимый мой, ласковый,
Евстропей-от свет Павлович,
Не вставай на резвы ноженъки,
Не прймай-ка золоту чару,
Ты не пей-ка зелена вина.
Золота чара обманчива,
Зелено вино пропойчиво.
Ты пропьешь меня — не выкупишь,
Ты пропьешь меня — не выручишь.

Ты, рябина ли, рябинушка,
Ты, рябинушка кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?» —
«Я весной взошла, летом выросла,
За осенним солнцем вызрела». —
«Ты зачем рано пошатилася,
Ко сырой земле приклонилася?» —
«Не сама собой пошатилася,
Пошатили меня ветры буйные,
Приклонили меня снега белые,
Не белы снега, часты дожди». —
«Ты, Еленушка Гурьяновна,
Ты зачем рано замуж пошла,
Ты зачем рано поизволила?» —
«Вы, подруженьки, голубушки,
Не сама собой во замуж пошла,
Не сама собой поизволила,
Спотакнули да люди добрые,
Проивал кормилец-батюшко,
Со родимою со матушкой,
На чужу дальну сторонушку,
За одно вино за зеленое,
За удалу за головушку».

«У лица ты наша широкая,
Трава мурава шелковая!
Уж ты чем, улка, изукрашена?» —
«Все гудками и волынками,
Веселыми скоморохами,
Удалыми красными девицами,
Молодыми молодницами».
Невеличка птичка-пташица,
С моря на море птица перелетывала,
Все моря-то птица споведала;
Садилася да птица-пташица
Середь то моря, моря на камешок,
Середь синего села на беленькой,
Учала птичка слушати,
Что не кичет ли лебедь белая,
Не рыдает ли красна девица?
Кичет, кичет лебедь белая,
Плачет, плачет красна девица
На восходе ясной зорюшки;
Плачет, плачет красна девица:
«Не отдай меня, мати, старому.
Уж и старый муж погубитель мой,
Погубил мою буйну голову,
Спорудил он девью красоту.
Все девичье да украшеньице».

У ворот травка притолочена:
Я у бабушки запоручена,
Запоручена я за крестьянина.
Уж как мне молодой не хотелось,
Моему сердцу не раделось:
Ведь крестьянин-то, он орать станет.
А мне, молодой, да бороться велит.
У ворот трава притолочена:
Я у бабушки запоручена,
Запоручена я за поповича.
Уж как мне, молодой, не хотелось,
Моему сердцу не раделось:
Попович-то, да он писать станет,
А мне молодой огонь светить.
У ворот трава притолочена:
Я у бабушки запоручена,
Запоручена я за гудочника.
Уж как мне, молодой, захотелось,
Моему сердцу зарделось:
Как гудочник-то станет в гудок играть
А как я, молодая, буду песни петь.

Сидела Катюшенька во горенке одна,
Шила-вышивала я тонки белы рукава,
Шила, не дошила я, пошла батюшке

сказать:

«Родименькой батюшко, да я ли
не швея?» —

«Дочь моя, Катюшенька, запишися в
монастырь». —

«Родимой мой батюшка, в монастырь я
молода;

В этом же монастыре есть монахи молоды,
Эти же монашенки зелено вино пьют,
Меня, красну девушку, в стыд-бесчестье
приведут».

Сватался на Катеньке из Саратова купец,
Сказывал-рассказывал про именье про свое:
«Есть у меня, у молодца, три губернии на
руках».

Думала-подумала: «И за этого нейду».
Сватался на Катеньке из Москвы славной
купец,

Сказывал-рассказывал про именье про свое:
«Есть у меня, у молодца, сорок тысяч
кораблей».

Думала-подумала: «И за этого нейду».
Сватался на Катеньке из-за Минска музыкант,
Сказывал-рассказывал про именье про свое:

«Есть у меня у молодца скрипка и гудок».
Думала-подумала: «За этого пойду,
Сытая, не сытая — завсегда я весела,
Пьяная, не пьяная — знать, всегда
я плясова».

Прощание с девичьей жизнью

Щепетала вот ластушка на заре,
Вышлакнула свет-Катюшка в тереме:
«Жалко, жалко, мой батенька, мне тебе!
Остается зеленой сад у тебе:
В первом саде пахучий был василек,
В другом саде лазоревой цветочек,
В третьем саде рута мята, все мята.
Ну, ты, мать моя, роднехонька-родненька
Поутру вставай ранехонько-раненько,
Поливай ты пахучий мой василек,
Поливай ты утренними зарями,
Обливай ты горячими слезами!»

Красна девица сидит, дочь отецкая, да дочка
отецкая,
Голову склонила на могучие плеча, на
могучие плеча,
Руками билась об дубовы столы,
о браны скатерти,
Жалобу творила на удала молодца, на
проезжого:
«Бог судья, бог судья добру молодцу да
проезжому.
Разлучает, разлучает он со родным
батюшкой,
Прилучает, прилучает он к чужому
батюшку, не к родимому,
Да мне, молоде, того не хочется, мне,
молоде, того не надомно,
Мне не хочется во чужих людях жить, да
чужим людям служить».

Разлилась, разлелеялась
По лугам вода вешняя.
Унесло, улелеяло
Со двора три корабличка,
Три корабля грузонные;
Уж как первой корабличек
С сундуками, с укладками,
А второй-то корабличек
Со периной пуховою,
Уж как третий корабличек
Со душой красной девицей,
С Парасковьей Ивановной.
Не лебедушка кыркала,
Мать по дочери плакала:
«Воротись, мое дитяtko,
Позабыла ты, дитяtko,
Што свои золоты ключи
На шелковом поясе,
На колечке серебряном,
На витом, позолоченом!» —
«Не забыла я, маменька,
Што свои золоты ключи;
Позабыла я, маменька,
Што свою я русу косу
Што со лентою алою
Еще с девичью красотой».

Бак не лава по сеням ходила,
Не павлина перья роняла,
Свет-Авдотья по сеням ходила,
Свет-Ивановна слезы ронила,
Круг терема убивалася,
Убивалася, разбиралася:
«Отопрись, мой немецкий замок, отопрись,
Отложися, золота цепь, отложися,
Кипарисова дверь, отворися,
Размахнися, шитый браный мой положечек,
Покачнися, кровать ново-тесовая!
Встань, проснися, сударь батюшка,
пробудися.

Мне не год у тебя годовати,
Не неделюшку гостити, —
Одну ночку ночевати,
И тое я во слезах не увижу,
Слов не промолвлю.
Куда тошно сидеть девушке сговореной,
Но тошней того посмотреной,
Мне девичью красоту вспоминати,
А молодичью проклинати:
Девичья краса часовая,
А молодичья вековая.
Уж мне девичьей красы не нажити.
А молодичьей не избыти».

Плавала лебедушка да по морюшку,
Плавала беленькая да по синему
Плывши она, лебедушка, да воскрикнула,
Воскрикнула беленькая, да восплакнула:
«Свет мое морюшко, море синее,
Свет мои следочки лебединые!
Придет зима-зимушка, зима лютая,
Выпадут снежочки, снега белые, —
Заметут следочки лебединые,
Признобят в лебедушки резвы ноженьки.
Ай, как же мне, лебедушке, подыматися,
Со крутыми берегами расставатися,
Со крутыми берегами, бережочками,
Со желтыми со песками, со песочками!»
В тереме, во тереме там огни горят,
Они горят во высоком, свечи теплются.
Там Полюшка Алексеевна все дары шила,
Шивши дары, шивши дары, слезно плакала
Плакала Полюшка да по волюшке,
Плакала Алексеевна по своей красе,
Плакала по косушке, косе девичьей:
«Свет моя волюшка, воля девичья,
Свет моя косушка, коса русая!
Была воля, была воля у роднова батюшки
Была краса, была краса у родной матушки
Не навеки волюшка доставалася, —
Во единой час девичья миновалася:

Пошла воля, пошла воля во чисто поле,
Пала краса, пала краса в зелены луга.
Ходи, воля, волюшка, не захаживайся,
Приди, воля девичья, хучь наведайся!
Без волюшки, без девичьей жить
тошнехонько!

Что на тихой на заводи,
На тихой лебединой,
Что не павушка плавала,
Не павины перья ронила.
Не куна жалобилася
И не ясному соколу
И не черному соболу:
Жалобилась и плакалась
Сестра брату милому,
Брату милому, любимому,
Младу ясному соколу:
«Уж ты, братец, ты, братец мой,
Удалой добрый молодец,
Пропусти, сударь, братец мой,
По всей светлой светлице,
По столовой новой горнице
До снарядна дубова стола,
До солнышка до красного,
До родителя батюшка,
До сударыни матушки.
Попроси, сударь, братец мой,
Родителя батюшку,
Государыню матушку,
Зачем рано вскручинилась
На меня молодешеньку,
И на мою буйную голову,
И на драгу девью красоту?»

Во всей светлой светлице
И столовой новой горнице
Все подружки красуются,
Все милы проклаждаются;
Одна я не красуюся
При своей девьей красоте».
Как ответ держит брат сестре:
«Ты, сестрица родимая,
Не клади судьбы-жалобы
На родителя батюшка,
На государыню матушку.
Ты клади судьбы-жалобы
На злодейку — сватью большую,
На большую, лукавую,
Лукавую, вилавую,
На змею семиглавую,
На вралью редкозубую;
Как ходила сватья большая
Не путем, не дорогою —
Все тропами собачьими,
Хоботами змеиными,
В день поутру ранешенько,
В ночь по позднему вечеру;
Она кланялась низешенько,
Говорила потихошеньку,
Она хвалила, нахвалила
Чужу дальню сторону,
Сторону незнакомую,
И богоданных родителей:
Как чужа дальня сторона,
Она медом поливана,
Виноградом насеяна,
Черносливом горожена».

Не жила млада, не ведала,
Пожила — все споведала
Про чужу дальну сторону
И про богоданных родителей:
Богоданные родители,
Не добры они, не ласковы;
Как чужа дальна сторона
Она тоскою насеяна,
Слезами поливана,
Кручиной горожена.

Вострубил трубонька рано по зоре,
Расплакалась девушка по русой косе:
«Да светлая косонька, русая коса!
Вечер мою косоньку маменька плела,
Золотом, серебром увививала,
Праським-то жемчугом унизывала.
Пришли-то бы свахоньки немилосливы,
Начинали мою косоньку рвать-порывать,
Разделяли мою косоньку на шесть прядей,
Завивали мою косоньку круг головы,
Надевали на головушку вечной колпачок».

Вы ставайте-тко, сонливые,
И пробужайтесь, дремливые —
По дворам да пеуны поют,
По избам да печки топят,
По горницам девки моются.
Вы, мой миленькие подруженьки,
Мене скажите, белы лебеди,
Как ночесь, да в темну ноченьку
Вам спалось ли, дремалось
И во снах ли что приснилось?
Как мене, да красной девице,
Мене ночесь да в темну ноченьку
Мало спалось и дремалось,
А во снах много приснилось.
Мене приснилось, молодешеньке,
Будто у окна поколотилось,
У ворот да в кольцо брякнуло,
У дверей да попросилось.
Я вставала, молодешенька,
Со кроваточки тесовые,
Со периноушки пуховые
И со кручинного изголовья;
Я отворяла двери на пята
И дубовую доску на стену,
Я запускала волю вольную.
Она середь поля остановилася,
Господу богу помолялася,

Понизку мене поклонилася:
«Здравствуй, милая подруженька,
Моя сестрица, ты, голубушка!
Мене попеняли да посудачили.
Тебе бог судья, мила подруженька,
Ты как поспешила, поторопилася,
Меня отказала, волю вольную.
От себя да молодешеньки».
Моя пошла да воля вольная
От меня да молодешеньки, —
Она со мной да не простилася
И назад не воротилася.
Уж я вышла, красна девица,
На широкую-то улицу,
Я поглядела, красна девица,
Вслед за волюшкой-то вольною,
Куда пошла да воля вольная,
Моя девичья дрожа дрожная
Во далечи во темны леса.
Моя села воля вольная
Она на елку на кужлявую.
Я подходила, молодешенька,
К своей волюшке-то вольною,
Хотела взять ее, волю вольную, —
Как нельзя, никак не можно:
Ведь зелена елка подкарзяна.
Я пошла прочь, слезно заплакала.
Как нельзя, никак не можно:
Я выходила, красна девица,
На круго красно крылечушко.
Из под висока нова терема,
Из под крута красна крылечушка.
Из под кроваточки тесовые,

Из под перинушки пуховые,
Из под кручинного изголовьяца
Протекала речка быстрая.
Что по этой быстрой реченьке,
По ней плывет да легка лодочка;
А во той ли легкой лодочке
Есть сидит да красна девица,
В руках держит красну красоту.
Вы, народ да люди добрые,
Все суседи порядовные,
И мои любимые подруженьки;
Вы разгадайте да раздумайте —
Этот сон к чему да сон привиделся.
Хоть вы молчите, мене не скажете,
А я сама да знаю-ведаю,
Что к чему да сон привиделся;
Из под крута красна крылечушка,
Из под кровати тесовые,
Из под перинушки пуховые
Протекала быстра реченька, —
Эю мои слезы горючие.
А как плывет да легка лодочка, —
Это гульба-игра веселая;
А как сидит да красна девица, —
Это воля моя вольная;
В руках держит красну красоту, —
Мою просекную ленту шитую
Со жемчужной-то со поднизью.
Мене еще во снях приснилось,
Как роино въяво показалось:
Я выходила, красна девица,
На широкую на улицу, —
Будто у нас да во чистом поле

Есть крутая гора высокая;
Как на этой на крутой горе
Лежит зверь да со звериною;
А под крутой горой высокою
Лежат змеи со змеятами.
И посреди да поля чистого
Стоит столб да новоточеный —
Колется да расколяется,
Он горит да разгорается.
«Мои любимые подруженьки,
Мене скажите, белы лебеди,
Этот к чему да сон привиделся?»
Я сама да догадалася,
Девушка, я домекнулася,
Что к чему мне сон привиделся:
На крутой горе высоко лежит
Не зверь да со звериною,
А лхой свекор со свекровкою;
Под крутой горой высокою
Лежат не змеи со змеятами, —
То деверья со золовками;
Во широком во чистом поле
Стоит не столб да новоточеный, —
Не колется, ни расколяется,
Не стогня да разжигается, —
Это чужой да добрый молодец,
До поры он да до времечки
Мной, девицей, похваляется.
Во сегодняшний во белый день
У моего кормильца батюшки —
Быть двору да растворенному.
И тыну да раскаченному,
Мине, девице, да увезеною.

Жених-погубитель

Не белая заря занимается —
Моя-то разлучники собираются!
Хотят, хотят разлучить меня,
Разлучить меня с отцом, с матерью;
Хотят прилучить меня к чужой дитю,
К чужой дитю, к дитю ко незнакому.
Вот и как-то уж я к нему привыкать буду
Вот и как-то уж я его называть буду?
По имени звать — ён мне не откликается;
И по отчеству назвать — сердце не
звернется.

Не буйные ветры сподымалися,
Не сине море, море сколыхалося, —
Ретиво то сердце, сердце испужалося!
И сказали мне про мого разлучника,
И не серед-то пути, ведь он среди двора,
Вот который он вот и разлучить хотит.
И ты, родной мой, родной мой
братунюшка!

Заряди, заряди ты свой тугой лучок,
Убей, убей ведь мого разлучника,
Который меня ведь он разлучить хотит,
Разлучить-то хотит меня с отцом с матерью,
Я который он меня с родом с племеном.

«Гуси, вы, гуси-лебеди,
Да куда вы вечер летали?» —
«Уж мы летали, летали
Да на сине море плавати». —
«Уж вы што там увидели?» —
«Да уж мы видели, видели:
Да бела лебедь купается,
Да бела лебедь умывается». —
«Што же вы ее не взяли?» —
«Да хоша мы ее не взяли,
Мы ее заприметили,
Да право крыло заломали». —
«Поезжана, поезжана,
Да куда вы вечер ездили?» —
«Уж мы ездили, ездили,
Да во село во Кубенское». —
«Уж вы што там увидели?» —
«Да уж мы там видели, видели
Душу красну дсвицу». —
«Што же вы ее не взяли?» —
«Да хоша мы ее не взяли,
Да мы ей запоручили
Да за поруки за крепкие,
Да перстни вековечные:
Попы письма написали,
Дьяки руки приложили».
Тут заговорила девица:

«Вон идет погубитель мой,
Да вон идет разоритель мой,
Вон идет потеряй-красу,
Да вон идет расплетай-косу!»
Тут возговорит молодец:
«Уж не я погубитель твой,
Да не я разоритель твой,
Уж не я потеряй-красу,
Да не я расплетай-косу, —
Погубитель твой — батюшка,
Разоритель твой — сватушка,
Потеряй-красу — тысячкой,
Расплетай-косу — свахонька!».

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за темного, дремучего,
Из-за гор-то крутых, высоких
Тут летит стадо серых гусей,
Позади стада лебедь белая.
Отостала тут лебедь белая,
Ото стадушку лебедь белая,
Приставала тут лебедь белая
Еще ко стаду да ко серым гусям
Ее учили серы гуси
Ей научали клевать-щипать.
Бела лебедь стала тигати:
«Вы не клюйте меня, серы гуси.
Не щиплите сизо перье,
Не сама же я к вам залетала,
Занесло меня, замыкало
Ветром, сильной погодою,
Злой великою невзгодою».
Отостала-то красна девица
От родителя от батюшки,
От родимой своей мамоньки,
Приставала красна девица
Ко чужим людям, незнакомым.
Ее учили чужи люди,
Ее учили бранить-журить.
Красна девица стала плакати:
«Не браните меня, чужи люди,

Не сама же я к вам заходила,
Завезли меня да добры кони,
Добры кони Ивановы,
Да добрее его Прокопьевича».

Что при вечере, вечере,
При темных-то было сумеречках,
Прилетал да млад ясен сокол,
Он садился на окошечко,
На серебряну причалинку,
На злаченую закраинку.
Как никто не видит сокола,
Как никто не уприметит ясного.
Примечала ясна сокола
Да Устиньина-то матушка,
Говорила своей дочери:
«Ты, дитя ли мое милое,
Примечай-ка ясна сокола,
Ясна сокола залетного,
Доброго молодца заезжего». —
«Государыня, моя матушка,
Как у тя язык воротится,
Как уста да растворяются,
Зачастую вспоминаючи,
Мое сердце надрываючи?
Мне и так сердцу тошнехонько.
Ретивому обиднешенько.
У меня, у молодешеньки,
Резвы ноженьки подрезало,
Белы ручки опустилися,
Очи ясны помутилися,
Голова с плеч покатилася».

Вот у броду, броду,
У калинова мосту,
Как стояли комони,
Они все под коврами,
Они все под золотыми.
Что один стоял комонь,
Не убран, не учесан,
Не под коврышком стоял,
Не под золотым стоял.
Еще кто коня любит,
Еще кто коня дозорит?
Да Василий коня любит,
Да Василий коня дозорит,
Из полы овсом кормит,
Из полы, из камчатной.
Он по спиночке гладит,
По крутым ребрам треплет.
Сам коню речь говорит:
«Уж ты, комонь мой, комонь,
Комонь, резвая лошадь,
Уж ты сбегай, мой комонь,
Ты во инное царство,
Ты во инное государство,
По мою по гордену,
По мою по слесиву,
По мою по Овдотью,
По мою по Петровну;

Да горденушка горда,
Да спесивушка спесива,
Еще на имя Овдотья,
Из отечества Петровна».
Что-й возговорит гордена,
Словцо молвила спесива:
«Я из саночек не иду, —
У тя улочка грязна,
У тя лесенка редка,
Во сенях порошливо,
В терему копотливо,
В положку спати душно».
Что-й возговорит горденей,
Возговорит спесивой,
Словцо молвит Василий:
«Что-й на эту-то на грязь
Нать калиновы мосты,
Что на это порошье,
Надо лиственной веник,
Что-й на эту на копоть
Надо лычаной вехоть,
Что-й на это удушье
Надо буйственной ветер,
Что-й на эту гордену
Надо шелкова плетка,
Со медной со фрулей,
Со кистью, с проволокой;
Куда плеточка свиснет,
Из гордены кровь брызнет».
Тут возмолятся гордена,
Слово молвила спесива,
Еще на имя Овдотья,
Из отечества Петровна:

«Государь милой молодой,
Ты прости виновату:
Во сенях буду гуляти,
В терему буду сидети,
В ложку буду спати,
Все тебя обнимати
Да в уста целовати,
Да Васильем называти».

О предстоящей жизни в чужой семье

Ты, матенка, матенка,
Ты, родима моя матенка,
По имени по извотчине
Уж ты Анна Егоровна,
Мне ночесь мало спалось,
На заре приуснулося,
На заре все на утренней,
Нехорош сон виделся:
Что у нас повоне двора
Стоит пустая хоромина,
Стоит пуста, незакрытая,
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися,
На печище-то кадбище, —
По полу ходит гусина,
Вдоль по лавицам — голуби,
Под окошечком — ласточки,
Впереди углу — ясен сокол». —
«Уж ты, дитятко, дитятко,
Ты, Таисья Ивановна,
Уж я твой сон рассужу,
По словечушку ризложу;
Я тогда тебе расскажу,

Что у нас повоне двора
Стоит пустая хоромина,
Стоит пуста, незакрытая, —
То чужедальная сторона;
Углы прочь отвалилися, —
Мы с тобой распростилися.
По бревну раскатилися, —
Ты от нас отшатилася;
На печище-то кадбище, —
То лютой свекор батюшка;
По полу ходит гусина, —
То люта свекровь матушка;
Вдоль по лавицам голуби, —
Твои деверья-братьица;
Под окошечком ласточки, —
Твои воловки-сестрицы;
Впереди углу ясен сокол, —
Твое дитя суженое,
Алексей да Потапьевич».

На горе на высокой,
На красе на великой,
На прекрасе на малой
Тут стояла карета,
Да карета золотая.
Да во той же карете
Да тут сидела девица,
Да девица душа красна,
Да княгиня первображна,
Да по имени Настасья,
Да по извотчине Ивановна.
Она сидит, слезно плачет,
Жалобно причитает
И свою волю вспоминает,
Свою негу звеличает:
«Мне у батюшки воля,
Мне у матенки нега,
Мне у братицей вольнее,
У сестрицей нежнее;
Я куда пойду, поеду, —
Меня сряжают, спровожают.
Я откуль пойду, приеду, —
Меня встречают, звеличают,
По имени называют,
По извотчине звеличают».
Кругом этой кареты
Не сокол облетает,

Молодец объезжает,
Он в карету забегает,
Он девицу унимает:
«Ты не плачь, не плачь, девица,
Да девида душа-красна,
Да княгиня первображна.
Да уж я дам тебе волю,
Да уж я дам тебе негу,
Да уж я дам те вольнее,
Да уж я дам те нежнее,
Да у жернова у ступы,
Да у поганого корыта,
Да у брусного у камня,
Да у студеного подгорья.
Да на гумне у кичигя».

По мосту мосточку,
По калинову мосту
Едет брат да с сестрою
Родной едет да с родной,
За братом сестра плачет,
За родным родна рыдает,
Брат во гусельцы играет,
Брат сестрицу утешает,
Брат родную унимает:
«Ты не плачь, не плачь, сестрица,
Ты не плачь, не плачь, родная.
От батьки везут к батьке,
От мамки везут к мамке,
От братьев везут к братьям,
От сестер везут к сестрам».
Тут спроговорит девица,
По имени Авдотья,
По извотчине Петровна:
«Свекор, чорт он, не батька,
Свекровка, чорт, мне не мать,
Братья, чорт, мне, не братья,
Сестры, чорт, мне не сестры».

Не стой, круша, над водой.
Не рони листья на море,
Не давай тоски-жалобы
Моему ретиву сердцу.
Без того мне тошнешенько,
Без того ретивешенько;
Я без пива пьнешенька,
Без вина голова болит;
Я без ветра шатаюся,
Без дождя уливаюся.
Как родимая матушка
Укладет спать ранешенько.
Да разбудит позднешенько:
«Ты ставай, ставай, дитятко,
Ты ставай, не сонливое,
Ты ставай, ставай, работное,
Ты ставай, ставай, заботное,
Умывайсь ключевой водой,
Утирайся полотнышком,
Помолись богу-господу,
Ты прймайсь за работушку.
За работу тяжелую:
За дубовые пялышка,
За булатную иголочку,
За шелковую ниточку».
Не стой, круша, над водою.
Не рони листья на море,

Не давай тоски-жалобы
Моему ретиву сердцу.
Без того мне тошнешенько,
Без того ретивешенько;
Я без пива пьянешенька,
Без вина голова болит,
Я без ветра шатаюсь,
Без дождя уливаюсь.
Не родная та матушка
Укладет спать позднешенько:
«Ты ставай, ставай, дитятко,
Ты ставай, ставай, неработное,
Ты ставай, ставай, беззаботное,
Ты умойсь горючим слезам,
Утирайсь горшовничком,
Помолись дубову столбу,
Ты прймайсь за работушку,
За работу за легкую, —
За толченье, за молотье,
За сеянье, за полотье».

За рекой было, за реченькой,
За быстрою было, за быстрою,
Не огонь ли горит, горит,
Не смола ли кипит, кипит?
То свекор невестку будит:
«Ты ставай-ко, Павлушка,
Пробуждайся, Михайловна». —
«Хочу — встану, хочу — не встану,
Хочу — пойду, хочу — не пойду.
Ночь темна, роса холодная,
Роса холодная, не ведренная,
Птички в садочке невесело поют,
Мак в огороде невесело расцвел.
Я у батюшки, у матушки одна дочка была.
Поутру ранешенько не вставала,
Я сырого овса не молачивала,
Сырые пшеницы не малывала».
За рекой было, за реченькой,
За быстрой было, за быстрою,
Не огонь ли горит, горит,
Не смола ли кипит, кипит?
Тут свекровка невестку будит:
«Ты ставай-ко, Павлушка,
Пробуждайся, Михайловна». —
«Хочу — встану, хочу — не встану,
Хочу — пойду, хочу — не пойду.
Ночь темна, роса холодная,

Роса холодная, не ведренная,
Птички в садочке невесело поют,
Мак в огороде невесело расцвел.
Я у батюшки, у матушки одна дочка была,
Поутру ранешенько не вставала,
Я сырого овса не молачивала,
Сырые пшеницы не малывала».

За рекой было, за реченькой,
За быстрою было, за быстрою,
Не огонь ли горит, горит,
Не смола ли кипит, кипит?
Тут Иван жену будит:
«Ты ставай-ко, Павлушка,
Пробуждайся, Михайловна». —
«Сейчас стану, сичас пойду,
Ночь светла, ночь месячна,
Роса тепла, роса ведренная,
Птички в садочке весело поют,
Мак в огороде весь расцвел.
Я у батюшки, у матушки не одна дочь
была,

Я поутру ранешенько вставала,
Я сырого овса молачивала,
Я сырые пшеницы малывала».

Что век-то я не думала,
От родесь своих не чаяла,
Что во эту студеную зиму
На меня повыпадет невзгодущка...
Не из тучи громы грянули,
Не с небес снега повыпали
На мою на буйну голову,
На мою на красну красоту.
Я не знаю да не ведаю,
Вы на что, мои родители,
Рассердились да разгневались.
Кажется, я, красна девица,
Не жалела могуты-силы.
Я не в летней-то работушке,
Я не в зимнем обряжаньице,
Я слуга была всем верная,
Была верная я ключница.
Вот уже, мои родители,
Вы носхватитесь, поскаетесь.
Пора-время приобойдется,
Народ, люди все разойдутся,
Со двора гости разъедутся,
С терема гости разойдутся.
Как пройдет зима студеная,
Как настанет весна красная,
Как поспеют все работушки.

Все отходяие тяжелые;
Как пойдут да люди добрые
На отхожую работушку
Со семьями, со артелями,
Со козаками, с козачихами,
С дочерями, белыми лебедями.
Уж как мой кормилец батюшко
И кручинная моя матушка —
Пойдут одни-то одинешеньки
На отхожую работушку.
Государыня, моя матушка,
Ты повыйди на крылечушко,
Как пойдут милы подруженьки,
Запоют-то звонки песенки, —
Ты послушай, кручинна матушка,
Моего-то зычна голоса,
Как по-старому, попржнему.
Ты вспомни, да повспомяни
На чужой меня сторонушке, —
Мне икнется легошенько,
Мне вздохнется тяжелешенько.
Хоть говорить-то мне будет некогда,
Так сама себе подумаю,
Что вспоминает кручинна матушка
На родимой на сторонушке;
Там запели милы подруженьки
Заунывные-то песенки».
По заре-то по вечерней
Не могла моя матушка
Не учуть да не услышати
Моего-то зычна голоса.
Как кручинная-то матушка
Обольется торючим слезам,

Меня вспомнила, молодешеньку,
На чужой на сторонущке.
Ты подумай, тепла пазушка,
А в чужих людях не бываючи,
Чужих людей не выдаючи,
Я жила-то, красна девица,
У вас, мои родители;
Я жила да красовалася,
Мое сердце радовалось,
Как пчела в меду купалася.
Я не знала, красна девица,
Как ни раннего вставаньца,
Как ни позднего лежаньца,
Ни грубого побужденьца;
Ты побудишь, кручинна матушка.
Истиха-то, полегошеньку:
«Ты вставай-ко, мое дитятко,
Ты вставай-ко, мое милое!
Все дела у нас не деланы,
Все работы не работаны».
Уж я встану, молодешенька,
Я со мягкой-то постелюшки.
Со высокого сголовьца
Погляжу я, красна девица, —
Все дела у ней приделаны,
Все работы приработаны.
Как подумаю, красна девица,
Про чужую-то про сторонущку, —
Сердце кровью приобольется,
Живот камнем перевернется.
А просплю-то, красна девица.
Со девичьей воли вольные,
До зари-то до белого дня.

До восхода красна солнышка.
Как заходят злы чужи люди,
Закричат-то по-звериному,
Зашипят-то по-змеиному:
«Ты вставай, вставай, сонливая,
Пробуждайся-тко, дремливая.
Все дела у нас приделаны,
Все работы приработаны!»
Как я встану, молодешенька,
Я со мягкой со постелюшки,
Со высокого сголовица;
Приуюю лицо белое
Не водой да не ключевою,
А своими-то да горячим слезам.
Я утру-то лице белое.
Погляжу я, молодешенька,
У себя-то в честном дому,
У кормильца-то, у батюшки,
У родители, у матушки:
Не волна-ли то взволновалася?
Чужи люди взбунтовалися...
Какой шумит сват, злодей большой,
Со кормильцем-то со батюшкой,
Со кручинною со матушкою;
У них сватовство заводилося,
Рукобитьеде сучинилося;
Не спеши, кормилец-батюшко,
Засвечать-то воскову свечу,
Подавать-то руку правую
За столы-то за дубовые,
За скатерти-то браные,
За яства-то сахарные,
За питья-то медвяные...

Погляжу я, молодешенька,
За столы да за дубовые,
Во батюшкову сторонушку:
Все то да родни нетути
Пропивать-то буйну голову,
Запоручивать красну красоту;
Мене дай, да красной девице,
Да повыйти, да повыступить
На широкую, на улицу,
Опустить да свой зычен голос
Что на все четыре стороны.
Надо мне собрать вся родня своя,
Вся природа-то сердечная
На ручное рукобитьце.
Бог судья вам, столы дубовые,
Да и вам, скатерти браные;
Не могли, столы, отодвинуться,
Браны скатерти завернуться;
Бог судья вам, хлебы ситние,
Не могли вы откатиться.
Бог судья, свеча восковая,
Не могла ты закратиться.

Свадебные величания

Под часы, да все под колоколы,
Ходили-будили бояра все его,
Бояра все да молодого князя,
Князя Алексея да Потапьевича:
«Стань-пробудись, да сам молод князь;
По морю корабль с чистым серебром
ушел,
По синю Хвалынску да с чистым
серебром».

Крепко спит, да не пробудится
Молод князь Алексей да Потапьевич.
Под часы, да все под колоколы
Ходили-будили бояра все его,
Бояра все да молодого князя,
Князя Алексея да Потапьевича:
«Стань-пробудись, да сам молод князь;
По морю корабль с красным золотом
ушел,
По синю Хвалынску да с красным
золотом».

Крепко спит да сам молод князь,
Молод князь Алексей да Потапьевич.
Под часы, да все под колоколы,
Ходили-будили бояра все его,
Бояра все да молодого князя,

Князя Алексея да Потапьевича:

«Стань-пробудись, да сам молод князь,
По морю корабль да с твоей суженой
шел,

Княгиней Марьей Александровной,

Скоро стал, ворово побежал,

В сине море да до колен забрел,

До колен забрел, да по поясы:

«Да ты стой, постой, да ты стой, постой,

Сужена Марья Александровна;

Да я для тебя испростратился,

Пиво варил, зелено вино курил,

Да хмелю брал, да хмелевое платил».

Не разливайся, мой тихий Дунай!
Не заливай зеленые луга!
В тех ли лугах есть ковыль-трава,
В той ли траве ходит белый олень.
Ходит белый олень — золотые рога.
Мимо ехал да Иван-сударь,
Мимо ехал да Спиридонович,
Стебнул оленьюшку плеточкой.
«Не бей меня, да Иван-сударь,
Не бей меня, Спиридонович!
Ни в кое время пригожусь я тебе:
Жениться будешь — на свадьбу приду,
На двор взойду — я весь двор освечу,
В горниду взойду — всех гостей развеселю,
Да и больше всех да Марью твою,
Чтобы она меньше плакала,
Чтобы она не огорчалась».

Сыру-ерью река прошла,
Сыру-ерью быстра протекла,
Подо все города подошла:
Под Москву и под Вологду,
Под славный Шенкурской град,
Под тот под хорошей двор,
Под тот под колещатой.
Из того хорошего двора,
Из того из колещатого
Выезжает удалой молодец
На своем коне ступчатом;
Он и шапкой помахивает,
Он и плеткой похвистывает,
Сам коня уворачивает,
Ко двору приворачивает,
Тестева двора спрашивает,
Тещина высока терему,
Девушка пологу,
Души красной Александрушки,
Шита браного полога.
И вызывает на улицу,
Вызывает на широкую,
Вызывает шахматами играть.
Золотыми переметывати.
Проигрался молодец господин,
Проиграл свой златой перстень
С дорогой любой ставочкой,

С самоцветными со камушками:
«Еще ты, молодец, не хорош,
Не хорош, не пригож, молодец,
Твои кудри соломенные,
Уста щипицильные;
У тебя брови совиные,
Да глаза ястребиные,
Поговорка черна ворона,
Походка сера волка».
Сыру-ерью река протекла,
Сыру-ерью быстра протекла,
Подо все города подошла:
Под Москву и под Вологду,
Под славной Шенкурской град,
Под тот под хорошей двор,
Под тот под колезатой.
Из того из хорошего двора,
Из того из колезатого
Выезжает удалой молодец
На своем коне ступчатом;
Он и шапкой помахивает,
Он и плеткой посвистывает,
Сам коня уворачивает,
Ко двору приворачивает,
Тестева двора спрашивает,
Тещина высока терема,
Девуцына пологу,
Души красной Александрюшки,
Шита браного пологу,
И вызывает на улицу,
Вызывает на широкую,
Вызывает шахматами играть,
Золотыми переметывать.

Проигралась девица душа,
Проиграла свою девью красоту
С золотою со повязочкой,
С самоцветными со камушками,
С алой ленточкой:
«Еще ты, молодец, хорош,
Хорош-пригож молодец,
Борода твоя шелковая,
Твои кудри серебряные,
Уста твои сахарные,
У тебя очи ясна сокола,
Поговорка лебединая,
Походка павиная».

Виноградная ягодка,
Наливной сладкой яблочек,
Удалой добрый молодец,
Еще Федор Михайлович!
У него же, у молодца,
У него лицо белое
Примени снегу белому.
Виноградная ягодка,
Наливной сладкой яблочек,
Удалой добрый молодец,
Еще Федор Михайлович!
У него же, у молодца,
У него очи ясные,
Как у ясного сокола.
Виноградная ягодка,
Наливной сладкой яблочек,
Удалой добрый молодец,
Еще Федор Михайлович!
У него же, у молодца,
У него русы волосы
Во кудри завивались.
Во Москве эдивовались
Души красные девушки,
Разумны красавицы:
«Удалой доброй молодец
Не зоря ли ты спородила,
Еще месяц воспитывал,

Часты звезды возлелеяли?» —
«Вы, души красны девушки,
Разумны красавицы,
Не зоря меня спородила,
Не светлой месяц воспитывал,
Не звезды возлелеяли, —
Спородила меня матушка,
Воспоил, вскормил батюшко,
Возлелеяли сестрицы,
Души красные девушки».

Светлая гридня Васильева,
Светлее того Яковлевича,
В темном лесе повысечено,
На добрых конях повывожено,
Вниз по Дунаю повыплавлено,
На крутых бережках сповыкатано,
На ровню место поставлено,
Столь ровно, да как на скатерти.
Четыре окошка просвечены:
В перво окошко всхоже солнце взойдет,
В другое окошко — часты звезды,
В третье окошко — светел месяц,
В четверто окошко — туты две зори.
Две зори — да одни сватьюшки.
Утрена зоря — да женихова сватья,
Вечерна зоря — то невестина сватья,
Светел месяц — бояре его,
Частые звезды — княгиня его,
Александра да Михайловна.

Во поле было, во поле,
В широком было раздолье,
Стояло древо не простое,
Не простое древо — виноградное.
На этом древе-винограде
Сидела птичка-кинарейка,
Она день и ночь воспевала,
Мир во славушку пропускала,
Что Ивану быть не в меньших,
Петровичу воеводой,
Носить шубу соболью,
На шубе плащи золотые,
На плащах-то все зверье лютые.
Так Иван по кораблю ходит,
Петрович по новому гуляет,
Он гребцов-молодцов выкликает:
«Вы, гребцы-молодцы молодые,
Молодые гребцы, нанятые!
Гряньте, гряньте-ка поскорее.
Не ритва к бережку приставала, —
Надо это ритва подрубить,
Честь, молодцы, получитьи
От князей, бояр и красных девиц.
Его ладят нонче поженити,
Уж мы чем его станем дарити?
Подаримте его часами —
Часы есть свои дорогие.

Его ладят опять поженити,
Чем его будем дарити?
Подаримте его деньгами.
Есть своих денег много тысяч.
Его опять ладят поженити.
Уж мы чем его станем дарити?
Подаримте его невестой,
Круглолицею, белолицею,
Говорливою и неспесивою,
Чернобровою и черноглазою,
Лидией называти,
Григорьевной величати.

Белокаменны палаты грановиты,
Не дубовы те столы пошатились,
Не берчаты те скатерти зашумели,
Не полужены братыни соплескались,
Не серебряны подносы забренчали,
Не хрустальны те стаканы защелкали,
Не пшеничны те ковриги сокатились,
Не медовы те наливки сомутились.
Во-первых, наша Александра снарядилась,
Во-вторых, наша Зиновеевна сподобилась,
Среди то полу дубового становилась,
Она всем князьям-боярам поклонилась,
Молодому-то князю всех пониже:
«Уж вы кушайте, гости, да не сидите,
Уж вы рушайте гуся, не студите,
Уж вы нашей-то княгини не стыдите,
Уж вы нашей первображной не соромьте.
Как наша ли княгиня не учена,
Честью-лестью она да не школена,
Она вашего ума-разума не знает,
Она вашего обычая не ведает.
Что ваш-от обычай как бычий,
Еще ваш-от взгляд как медвежий,
Ваша-то походочка как собачья,
Ваша-то речь росомачья.
Не пора ли те, Александра, воротиться?
Не пора ли, Зиновеевна, во задоски?»

Об тебе красны те девицы стосковались,
Об тебе малы ребята приревелись,
На полатях молодежь да приспотела,
Ленсандрински рубашки да пропотела
Золоты те басоменты да почернели».

Как подъехали к морю да рыболовы,
Рыболовы, рыболовы да молодые.
Они шелковый невод заводили,
Они белую рыбицу ловили,
Поймали они белую рыбицу, казнили,
На двенадцать частей разрубили,
На двенадцать тарелок разложили,
На двенадцать столов становили,
На двенадцать скатертей шелковые.
Как по сеньюшкам Графенушка гуляла,
Из кармашека орешеньки щелкала,
Нащелушечки в окошечки бросала,
Да в Архиповы кудерки попала.
Как Архип-то оглинулся, усмехнулся:
«Погоди ж ты, Графенушка, погоди ж ты
Насмею тебе, Графенушка, насмешку,
Я насмешнику, насмешку небольшую». —
«Позабудешь, Архип, позабудешь». —
«Не забуду, Ивановна, не забуду».

Остала наша лебедушка
От стада от лебединого,
Пристала наша лебедушка
Ко стаду да ко серым гусям.
Не обидьте, гуси серые,
Нашу белую лебедушку
На злу на чужу сторонущку,
Ее в волость не в веселую,
В деревнюшку не в корыстную
И в избенку в последнюю.
Там хоромы не вершены,
На болоте бревна сечены,
На собаках домой вожены,
Веретена были слегами,
На нитках бревна сдынаны,
Косарем да углы рублены,
Долотом да двери долблены,
Муравом труба проверчена,
Шилом окна прокопаны,
Там сарай-то жердяные,
Там и печки из каменьица.
Там блины пекут с наставками,
Пироги пекут с заплатами,
Там и колобы наряханы,
На полицы те окладены.
Там полицы-то высокие,
Коробьицы-то глубокие.

Не достать Марье до колоба,
Умереть да будет с голода.
«Ты возьми-тко, Марья, колышек,
Ты спихни-тко себе колоба.
Не умирай-ко, Марья, с голода».

Бояры вы, бояры!
Бояры вы, бояры!
Мимо бору ехали
Вы хвощеты не нарвали,
Вы Петру-то не вымыли.
Как у нас Степанида душа
Без белил белехонька,
Без румян краснешенька;
У вас-то Петро князь
Чуша немытая,
Порося не скребеное!
Бояры вы, бояры!
Вы не срядно приехали:
Козы в возы впряжены,
Поросята взнузданы,
Курица оседлана!
На Петриной улице
Завалилась курица;
Подымите курицу!
Сведите в кузницу,
Подкуйте курицу!
Кушаки полосатые,
А бояры носатые,
Армяки не стриженные!

У ж ты, свет сударь, батюшка,
Уж ты пой, да упайвай
Ты своих дорогих гостей;
Одного не упайвай
Уж ты свата-разлучника,
Живого перелестника.
Все ходил сват потихошеньку,
Колотился помалешеньку.
Поднеси свату-ворогу
Ты воды-то болотныя;
А как мало покажется,
Ты смолы-то кипучия.
Ты, родимая матушка,
Ты дари-ка, ударивай
Твоих дорогих гостей;
Одного не ударивай
Уж ты свата разлучника,
Живого перелестника.
Подари свату-ворогу
Ты онучу-то черную;
Тако мало покажется —
Судомойку рогозяну.
Уж как свату-то ворогу —
Ему три вирья в бороду,
А четвертый нод горбышко,
Вместо красного солнышка.
Уж как свату-то ворогу

На печи заблудитися,
Сквозь напыльник провалитися,
Столбу поклонитися,
Молоком захлебатися,
Киселем подавитися!

Мы возьмем свата под-руки,
Повалим свата на дровни,
Мы свезем свата на гору,
Мы спихнем свата под гору,
Принесем часту борону,
Мы расчешем свату бороду,
Сыновей бы не женивать,
Дочерей не отдавывать!

Сказали про князя, что князь-то богат,
А он, чорт, не богат, по дорогам сбирает;
Сказали — у князя кафтан-то бодер,
А он, чорт, не бодер — четыре полы,
Четыре полы — четыре голы;
Да и то не свое, в людях выпрошено,
Оно хожено, прошено по всей волости,
По всей волости, по всей...
Сказали — у князя сапоги-то бодры;
Они, чорт, не бодры — закаблущья одни,
Да и то не свое, в людях выпрошено,
Оно хожено, прошено по всей волости,
По всей волости, по всей Райбальской.
Сказали — у князя и шляпа бодра;
Она, чорт, не бодра — тулейка одна;
Да и то не свое, в людях выпрошено,
Оно хожено, прошено по всей волости,
По всей волости, по всей Райбальской.
Сказали — у князя рукавицы бодры;
Они, чорт, не бодры — напалки одни,
Да и то не свое, в людях выпрошено,
Оно хожено, прошено по всей волости,
По всей волости, по всей Райбальской.
Сказали — у князя поезжана бодры,
Они, чорт, не бодры

Дружки, подружки — косые глаза,
Они во двор идут, — да столбам-то челом,
Они в избу идут, — да и ступе челом,
Да и ступе челом: ступа, матушка!
Они на печь глядят да и каши хотят;
Чорт вам, не каша! Вчера варена,
Вчера варена, вчера выхлебана;
Сказали — у князя и сватья бодра;
Она, чорт, не бодра, — как корова ядра;
Привязать бы корову к огородищу,
Надавать бы корове соломы ржаной,
Чтобы ела корова, — не пысканила.

А у свата сводника
Лихорадка с болейю,
Она с черной немочью,
На печи под шубою,
На дворе нагишкою!
По морозу босиком,
По траве нагишом!
Ему чирый в голову,
А другой в бороду,
Третий в ручушку,
Четвертый в ноженьку!
У сватушки кудри
На четыре грани,
Его черти драли,
Шуты полыскали,
По кучам таскали,
Брагом называли:
«Ты сватушко-братец!
Дари, дари девок,
Дари, дари красных!
Станешь дарить —
Не станут корить».

Жалобы на жизнь в семье мужа

Отдавал меня батюшка
За три города каменные,
За четыре новорубленные.
Не велел мене батюшка
Ни тужити, ни плакати.
Полечу, млада-молода,
Во сыры бора, в темные леса.
Уж я сяду млада-молода,
На скрипучее деревце:
«Ты скрипи, скрипи, деревце,
По всему лесу темному,
По всему лесу дремучему.
Ты кукуй-ко, кукушечка,
По всему свету белому,
По всему миру крещеному.
Придавай тоски-жалобы
Ко вдове, ко печальному,
Ко вдове благодатные,
Ко кормилице, ко матенке».
Мы с кормилицей, со матенкой,
Через леса увиделися,
Через поле здоровалися
Через межу слово молвили:
«Уж ты, мама ли, мама моя,
Когда ты спородила меня?» —

«Спородила ты, дитяtko,
Да во мае во месяце,
Во злосчастный день — в середу».
«Когда, мама, крестила меня?» —
«Я крестила ты, дитяtko,
Во злосчастный день — в пятницу,
Пеленала тебя, дитяtko,
Во злосчастные пелены,
Я качала тебя, дитяtko,
Да левой рукой наотмашь,
Не молила тебе, дитяtko,
Ни добра, ни здоровьица,
Да ни талану, ни участи.
Я молила тебе, дитяtko,
Одного веку долгого,
Одного росту великого».

Из-за лесу было, лесичку,
Из-за зеленой дубровушки
Возмывала туча грозная,
Друга туча непроносная,
Третья туча со частым дождем,
Со частым дождем, с мелким градиком.
На ту пору, на то времечко,
Собиралась дочь от матери,
Собиралась, снаряжалась.
Собирамышись, слезно плакала,
Во слезах-то не простилася,
Среди пути становилася,
Среди пути, среди лесику,
Против кустика ракитова,
Против гнезда соловьинова,
С соловьем-то речь говорила:
«Соловей мой, ты, соловушка,
Куда летишь, возвиваешься?
Полети-ка ты, соловушка,
На родимую сторонушку,
Ты скажи-ка поклон батюшке,
Челобитье родной матушке,
Чтобы матушка не плакала,
По чужим людям ходючи,
Меня, горьку, воспоминаючи.
А я мне житье хорошее,
Посылают меня, молоду,

На студеный рудник по воду,
Без чулок меня, без варежек,
Познобило белы рученьки,
Прищипало резвы ноженьки».

Ты заря ль, да ты, моя зоренька,
Заря моя, да ты все холодная!
У меня матушка — не родная,
Не родная, она нежеланная:
Поздно кладет, рано взбуживает,
Посылает меня рано по воду,
Да по ту воду, воду холодную,
Все разутую да раздетую,
Головушку распокрытую!
Ох, мне того не хотелось:
Итти надо через батюшкин двор!
Мой батюшка на балконе сидит,
А матушка под окошечком стоит:
«Ты, дитя ли мое, дитятко,
Чадо мое милое!
Ты не плачься, дитя, на своего батюшку
На родиму свою матушку,
А плачься на свою волюшку,
Да на ту волюшку, волю девичью!»

Калинку с малиною вода поняла,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись с разумом, замуж отдала.
Замуж отдала за неровнюшку,
За неровнюшку в чужу сторону,
В чужу сторонushку — во лиху семью.
Чужая сторонushка — без ветру сушит,
Чужой отец с матерью — без дела бранят;
Посылают меня, молодую, во полночь

по воду;

Зябнут, зябнут ноженьки, у ключа стоя,
Прищипало рученьки к коромыслицу,
Текут, текут слезоньки по белу лицу,
Утираю слезоньки белым платком,
Не буду я к матушке ровно три года;
На четвертом годике — пташкой полечу,
Горькою я пташечкой-кукушечкою,
Сяду я у матушки в зеленом саду,
На любиму яблоньку — на матушкину,
Горькими слезами я весь сад потоплю,
Тяжелыми вздохами весь сад посушу,
Закукую в садике жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу.
Матушка по горенке похаживает,
Любезных невестушек побуживает:
«Вставайте, невестушки, голубки мои!
Что это за чудо у нас случилось?»

Что у нас зеленый сад без ветру посох,
Без дождя, без сильного, садик потонул?
Что у нас во садике за пташка поет,
Жалобною песенкой сердечушко рвет,
Ретиву сердечушку назолу дает?»
Большая невестушка возговорила:
«Что за пташечка, пойдем поглядим!»
Средняя невестушка: «Пойдем изловим!»
А малый-то братец: «Пойдем застрелим!»
Жена ему молвила: «Пташечки не бей,
Пташечка-кукушечка — сестрица твоя,
Прилетела горькая с чужой стороны,
Со чужой сторонунки из лихой семьи!» —
«Али ты безумная! Сестрица моя
Белая, румяная, всегда весела,
А рта хозяйюшка худа и бледна». —
«Оттого худа-бледна — в чужой сторонс,
На чужой сторонунке — плохое житье».

Ходила младехонька по чистому полю,
Искала младехонька калину с малиною:
Калина с малинушкой очень рано
расцветала.

В тое пору матушка меня горьку родила,
Не собравшись с разумом, в чужи люди
отдала.

В чужих людях, матушка, было жить
умеючи,

Умеючи, матушка, еще разумеючи;
В чужих людях, матушка, три заботы
на уме:

Первая заботушка — деверь да золовушка,
Другая заботушка — свекор да свекровушка,
Третья-то заботушка — муж, неудала
голова:

Пашенька не пахана, бела рожь не сеяна.
Первый-то годочек сиротою прослыла,
В третий-то годочек негулливая была,
В четвертый годочек малы детушки пошли,
Малы детушки пошли, иссушили молоду.

Спится мне, младешеньке, дремлется,
Клонит мою головушку на подушку спать.
Лютый свекор по сенюшкам похаживает,
Лютый-ат по новым погуливает,
Стучит, гремит, снохе спать не дает:
«Встань, сонливая, дремливая,
неурядливая!»

Спится мне, младешеньке, дремлется,
Клонит мою головушку на подушку спать.
Лютая свекровушка по сенюшкам
похаживает,
Лютая по новым погуливает,
Стучит, гремит, снохе спать не дает:
«Встань, сонливая, дремливая,
неурядливая!»

Спится мне, младешеньке, дремлется,
Клонит мою головушку на подушку спать.
Милый друг по сенюшкам похаживает,
Милый друг по новым погуливает,
Тихохонько, легохонько по новым сениям
прошел:
«Спи, моя хорошая, спи, моя пригожая!»
Зажурена, забранена, молода в люди взята,
К чужому к отцу, к чужой матери,
К чужому роду-племени.

Скажу матушке: голова болит,
Худо можется, нездоровится,
Нездоровится, гулять хочется.
Гулять хочется, гулять воли нет...
Я украдуся да нагуляюся,
Со милым дружкой повидаюся...
«Научи, милой, как домой притти,
Про гульбу сказать, про веселую!» —
«Ты по улице — серой утицей,
Через черну грязь — канареечкой,
К широку двору — красной девицей!..»
Я иду, иду к широку двору:
Мой высокий терем растворен стоит;
Мой постылый муж за столом сидит,
За столом сидит, хлеб-соль трескает.
Тебе хлеб да соль, мила ладушка!
Мой постылый муж вздогадается,
За шелкову плеть принимается.
Плетка свистнула, — слезка брызнула;
Я и тут, млада, не взмолилася,
Свекру-батюшку поклонилася:
«Свекор-батюшка, отними меня
От лиха мужа, зверя лютого!»
Свекор-батюшка — не родной отец;
Ведит больше бить, мои слезы лить.
Плетка свистнула, — слезка брызнула;
Я и тут, млада, не взмолилася,

Свекровь-матушке поклонилась:
«Свекровь-матушка, отними меня
От лиха мужа, зверя лютого!»
Свекровь-матушка — не родная мать;
Велит больше бить, мою кровь пролить.
Плетка овистнула, — кровь пробрызнула.
Уж мне тут, младе, делать нечего.
Уж я тут, млада, да возмолилася,
Милой ладушке поклонилась:
«Мила ладушка, тебе полно бить,
Тебе полно бить, станем в мире жить!»

Полынька, полынька, травонька горькая!
Не я тя садила, не я сеяла,
Сама ты, злодейка, уродилася,
По зеленому садочку расстелилася,
Заняла, злодейка, в саду местечко,
Место доброе да хлебородное.
На этом на месте чернослив растет,
Виноград цветет, изюм-ягода
Да черная смородина.
Свети-ка, светел месяц, во всю темну ночь,
Освещай дорожку, когда мил пойдет!
Что пошел мой милый по улице вдоль,
В самый крайний дом, ко чужой жене.
Что чужая-то жена зла-догадлива:
Устилала постельку под окошечком
И ложилась спать под косящатым.
Отворяла окошко помалешеньку,
Говорила со милым потихошеньку:
«Ах, ты, милый мой друг, не во-время!
Мой постылый муж на руке лежит,
На руке лежит, во глаза глядит,
Во глаза глядит, целовать велит.
Целовать-то его мне не хочется,
Сердце не воротится, кровью обливаешься».

Еще скучно тому, кто же об ком тужит,
Поскучнее тому, кто же кого любит.
Сполюбил молодец молодую да молодку.
Много скуки он, милой, принимает,
Мало темных ночей, милой, усыпает,
Кругом моего двора ходит, милой, гуляет,
Он частенько к окошечку, милой,
припадает,
Он своей любезной меня да называет:
«Уж ты спишь ли да спишь, моя
любезная?
Ежели не спишь, так говори, мила,
со мною». —
«Я бы рада с тобой, мил, говорить;
Тут-то не мил друг лежит на правой
на ручке,
Тут-то ли да лежит распостылый муж.
То ли колодушка славна дубовая.
Накатись-навались, темна да грозна туча,
Ты убей старого распостылого мужа».
Тут ли накатила темна да грозна туча,
Тут убила, спрострелила сердечного
дружка.

Что не ржавчинка на болотичке

зарождалась,

Не кручинушка добра молодца издоляла;

Издоляет-то добра молодца худа слава;

С худой славы добрый молодец погибает.

Не ясен-то сокол по воздуху летает,

Не сизую-то он голубушку шукает, —

Добрый молодец по улицам гуляет;

Он изыскивает хитра-мудрого человека.

Во правой руке носит молодец саблю

остру,

Во левой руке держит молодец шелков

повод;

За собой ведет добрый молодец коня

вороного.

«Кто бы, кто бы из острой сабли ржавец

вытер?

Кто бы, кто бы из добра коня норов

вывел?

Кто бы, кто бы у добра молодца печаль

вызнал?

Кто бы, кто бы распорол мои белые груди?

Кто бы, кто бы посмотрел мое ретивое

сердце?

Без огня-то мое сердечушко изгорело,

Что без пламени ретивое изотлело!

Уж как съелся я, добрый молодец,
погубился:

Что задумал я, добрый молодец,
пожениться,

Не на душечке, на ягодке, на девице,
А на горькой-то, на злосчастной
на вдовице.

Что у вдовушки-то обычай не девичий:
Что постелюшку-то стелет, — все вздыхает;
Что подушечки кладет, — сама рыдает;
Одеялечко постилает, — слезно плачет,
Своего-то прежня мужа вспоминает».

Во лесах-то было, во лесах-борах,
Во сырых борах, во дремучих,
Брала Машенька грибки, ягодки,
Бравши, Машенька призадумалась,
Призадумавшись, слезно плакала,
Во слезах-то Машенька заблудилась,
Заблудивши, Машенька вышла

на дороженьку,
Вышла на дороженьку, села на колоденку,
Севши Машенька на колоденку, стала
укати,

Свово мила дружка кликати:

«Ах, ты, миленький, сердечный друг!

Ты подай-ко-ся голос через темный лес,

Через темный лес, через быстрые

речушки,
Через быстрые речушки, через кусты-то
ракитовы». —

«Рад бы, Машенька, я от'укнуться,

По бокам-то стоят два-три сторожа:

На первой-то стороже — тесь-то батюшка,

На второй-то стороже — теца матушка,

На третьей-то стороже — моя-то молода

жена.

Молода жена, змея лютая,

Змея лютая, подколодная.

На руке лежит, во глаза влядит,

Во глаза глядит, целовать велит!»

Анна Ермолаевна Хромцова

Вниз по реченьке, вниз по быстренькой
Там плывет утка да со селезнем.
Впереди плывет селезенюшка,
Селезенюшка сиз-косатенький,
А за ним плывет сера утушка.
«Ты постой, постой, селезенюшка,
Ты постой, постой, сиз-косатенький!
Ой, и лучше б нам да уместе плыть,
Да уместе плыть, нам не розниться!
Промеж нас прошла быстрая река,
Быстрая река, разлука моя...»
В нас по сенюшкам, в нас по новеньким,
Там ходил Степан да со Марьею.
Впереди идет да Степан сударь,
А за ним идет да и Марья свет.
«Ты постой, постой, да Степан сударь,
Ты постой, постой, да Иванович!
Ой, и лучше б нам да уместе йтить.
Да уместе йтить, нам не розниться!
Промеж нас прошла чужая жена,
Чужая жена, разлука моя...»

Насмешки над старым и нелюбимым мужем

А на горке избушка травчатая,
Ой, и травчатая, и муравчатая.
А во той во избушке старушка живет;
А во той во старушки да и семь
дочерей,
А и семь дочерей, восемь падчериц.
Она семь дочерей за двор отдала;
Восьму падчерицу во двор приняла.
Ой, и все зятя на охоту идут.
А мой негодяй на печи в решете,
На печи в решете калачом согнут.
Ой, и все зятя на охоту идут,
И мой негодяй да туда же побрёл.
Все зятя по куннице несут,
А мой негодяй серу мышь поймал,
Серу мышь поймал, на плечо поднял —
На плечо поднял, хвост у зубы взял.

Во лугах, во лугах,
Еще во лугах, зеленых лугах,
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые.
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня;
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его;
Поведу, поведу,
Поведу я коня к бабушке:
«Бабушка, бабушка,
Ах, ты, бабушка, родной мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое:
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за старого замуж!
Старого, старого,
И я старого на смерть не люблю;
Со старым, со старым,
Я со старым гулять нейдю!
Во лугах, во лугах,
Еще во лугах, зеленых лугах,
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,

Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые.
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня;
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его;
Поведу, поведу,
Поведу я коня к бабушке:
Бабушка, бабушка,
Ах, ты, бабушка, родной мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое:
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за молодого замуж!
Молодого, молодого,
И я молодого на смерть не люблю;
С молодым, с молодым,
И я с молодым гулять не пойду!»
Во лугах, во лугах,
Еще во лугах, зеленых лугах,
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые.
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня;
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его;
Поведу, поведу,
Поведу я коня к бабушке:
«Бабушка, бабушка,
Ах, ты, бабушка, родной мой!

Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковос,
Полюби слово приветливое:
Ты отдай, ты отдай,
Ты отдай меня за ровнюшку замуж!
Ровню я, ровню я,
Уж я ровню душой люблю;
С ровней я, с ровней я,
Уж я с ровней гулять пойду!»

На реке было, на реченьке,
На ракитовом кустышке,
На малиновом листышке
Соловей-птица песню поет,
Красным девушкам честь воздает,
Молодицам надзолы придает.
«Вы попойте-ка, девушки,
Споиграйте, голубушки,
На своей воле у батюшки,
Все на неге у матенки,
На снаряженьице у сестрицы,
На сплоченьице у невестушек.
Скоро, скоро девку замуж отдают,
Скоро волюшка минуется,
Красота с лица замарается
Грязной грязью подорожной,
Черной сажей потолочной.
Неравно да замуж выйдется,
Неровен да муж навернется,
Либо вор, да либо пьяница,
Либо старый, да удушливый.
Либо молодой, да несдружливый,
Либо ровня, да спесливая,
Все спесливая, да ересливая;
Поперек-то по постели лежит,
Поперек-то словеса говорит,
Да распоясывати говорит.

Да мне разуть-раздеть не хочется,
Мое сердце не воротится.
У его да ноги грязные,
У меня да руки белые.
Мои ручушки уходятся,
Золоты перстни да распаяются,
Позолоченные распаяются,
Распаяются, потеряются».

У ж вы, кумушки, голубушки, скажите:
Вы которому святителю молились,
Вы которым чудотворцам обещались?
Что у вас у всех мужья-то молодые,
У меня ли, молоденьки, старичище,
Не пускает старичище на игрище.
Я уходом от старого уходила,
Под полою цветно платье уносила,
Я белильца, я румянцы во карманах,
У соседа под навесом одевалась,
У соседки в светло зеркало смотрелась.
Я недолго на игрищах проиграла,
С вечерней со зари вплоть до рассвета,
Я не знаю, как к старому подъявиться.
Уж я стук, стук, стук под окошко,
Уж я бряк, бряк, бряк за колечко.
Что не лютые медведи заревели,
Не борзые кобели-то заскучали,
Старичище, со печищи он слезает,
Со крючища да плетищу он снимает.
Он меня, младу-младеньку, проздравляет,
Он и бьет меня, младеньку, по плечищам.

Пришла матка, весна красна, дни теплые;
Добры кони в луга пошли,
Красные девушки на улицу вышли,
Молодушки заплакали:
«Воля, воля красным девкам,
А нам, молодкам, и воли нет!
У молодки три заботки:
Перва заботка — горшок кипит,
Друга заботка — дите кричит,
Третья заботка — старый муж кличет.
Дитя уйму белою грудью,
Горшок уйму — вон выставлю,
Старого уйму — поленом с гряд.

.
Сошью люльку о семи лубков,
Совью веревку о семи сажен.
Повешу люльку посеред двора
на жердочке,
Положу в люльку старого чорта,
Стану старого я баюкати:
«Ты бай-бай, старый чорт,
Либо усни, либо умря,
Меня, младу, гулять пусти,
Гулять пусти на улицу!»

Коровать моя, короватушка,
Коровать моя новотесаная.
Высока кровать взгромощена!
Громостил мне коровать
Мой постылой муж.
Он постыл, постыл,
Курвин сын — разбестия —
Посылал меня в полночь
По воду, по студеную;
И я в первом часу за водой пошла,
Во втором часу воду черпала,
И я в третьем часу домой пришла.
Мой постылой муж переставился,
Во гробу лежит, на столе стоит.
В головах-то стоят попы-диаконы;
В ногах-то стоят черти-дьяволы;
Ах! отец и мать убиваются;
Уж и я млада призадумалась:
Не то плакать, не то так стоять.
Не нажить-то мне отца с матерью;
Наживу себе другова мужа,
Другова мужа милова.

Зима студеная, снеги глубокие,
Снеги глубокие, насты высокие,
Весна красная да украшена,
Лето теплое, летишко гулящее,
Ты, работная страда, страда заботная,
Осень грязная, осень богатая.
Уж леса да леса темные,
Леса темные, леса дремучие.
Во лесу девушка брала ягоды.
Брала ягоды да заблудилася,
Под березоньку да становилася,
Под кудрявую да спать ложилася,
На черничничек да на брусничничек,
От сна девушка да пробудилася,
Да не подумала, да слово то молвила,
Не помыслила, да речь она проговорила:
«Ночка темная долга, да ночь осенняя,
Вот обеливать да темны ноченьки
Нету луного да светла месяца,
В круглом месяце да частых звездочек.
У меня-то, у красной девушки,
Нету батюшки, да всхожа солнышка,
Нету матенки, да зеленой зори
Нету братиков, да ясных соколов,
Нету сестриц-то, да белых лебедушек».

Много, много у сыра дуба,
Много, много у зеленого,
Много витья и повитья,
Много листа зеленого,
Отростелья серебряного;
Только нет у сыра дуба,
Только нет у зеленого,
Нет жемчужные маковки,
Позолоченной вершиночки,
Много, много у Марьюшки,
Много, много у Исаковны,
Много роду и племени,
Много всех честных родителей.
Много милых подруженек:
Снарядить младу есть кому,
Благословить младу некому.
Нет у нашей Марьюшки,
Нет родителя-батюшки,
Нет сударыни-матушки.

Уж вечер на дворе вечерееется,
Уж красное солнышко за лес котится,
Что частые-то звездочки высыпаются,
У меня-ли, молодешеньки некрасованой,
С моими ластушки, сестрицы, милыми
подружки.

Я пойду ли спрошусь у родимой матушки:
«Ты, сударыня, родимая матушка!
Не гулять у тебе прошуся, не красоватися,
Я развеять свою кручинушку великую».
Я пойду ль, молодешенька, во чисто поле,
Я ударюсь, молодешенька, о сыру землю;
А мы векрикнемте, сестрицы, громким
голосом:

«Ты раздайся ли, мать сыра земля!
Ах, ты встань, родной батюшка!
Ты приди ко мне, горюше молодешеньке,
На мою ли на смиренную на беседушку!»
Снарядить-то меня, горюшку, есть кому,
А благословить-то меня некому.
Мы взойдем-ка ли, сестрицы, в новые
сени,

Мы воскрикнемте, сестрицы, громким
голосом:
«Не шатитесь, не ломитесь, сени новые!
Неужли-ж я, молодешенька, тяжелешенька?»

С моим ластушкам, сестрицам, милым
подружкам?

Тяжела моя великая кручинушка.

Государыня, родимая матушка!

Отвори-тка свой высок терем!

Не зноби меня, горюшу молодешеньку!

Я и так, молодешенька, назяблася».

Я сяду, молодешенька, под окошечком:

Не летит ли мой кормилец-батюшко?

Мы пойдемте-тка, сестрицы, вдоль

по улице,

Вы кладите-тка следочки частехонько,

Уливайте следочки горючми слезьми.

Опосле пойдет родимая матушка:

«Не княгиня тут гуляла, не боярыня,

Тут ходила, тут гуляла чадо милое!»

«Ты, река ли, моя реченька,
Ты, река ли моя быстрая!
Течешь, речка, не колыхнешься.
На крутой берег не взольнешься.
Желтым песком не возмутишься!» —
«Отчего же мне возмутится?
Ни дождя нету, ни вихорю:
Ах, ты, умная девица,
Что сидишь ты, не улыбнешься?
Говоришь речи, не усмехнешься?» —
«Что чему же мне смеяться?
Полон двор у нас подвод стоит,
Полна горница гостей сидит.
Уж как все гости собралися,
Одного-то гостя нет как нет;
Уж как нет гостя милого,
Моего батюшки родимого:
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому;
Что снарядит меня родная мать,
Благословит меня чужой отец».

То не ласточка касаточка
Вкруг тепла гнезда увивалася,
Ты, душа ли, красна девица,
Увивалася, устилалася
Вкруг глубокие могилушки,
Вкруг родимые матушки:
«Поднимитесь, ветры-вихори,
Расступися, мать сыра-земля,
Пади с неба, бел горяч-камень,
Расшиби-ка гробову доску,
Посмотри на чадо милое.
Ты пойдем, родима матушка,
На сине море, на сине море
Гуси лебеди купаются.
Сядь-ко на красно окошечко,
У нас все гости названные,
И без батюшки и без матушки,
Все названные, нарядные,
Все нарядные, веселые.
Одна гостья всех наряднее,
Всех нарядней, всех печальней,
Я твоя ведь дочка милая,
Дочка милая, любимая,
Отпустить-то меня есть кому,
Наделить-то меня некому —
Нет ни батюшки, ни матушки».

У меня, молоденькой, мати не родна,
Мати не родна, мачеха злая!
Шлет меня мати в темные леса,
В темные леса, в пустую-ту избу,
В пустую-ту избу сырую рожь молоти.
А я сито смолола — куры не пели,
Я другое смолола — куры не пели,
А я третье смолола — куры не пели..
Как идет ко мне мати черна, велика,
Черна, велика, косматые ноги,
Косматые ноги, железные роги,
Нос окованный, хвост оторванный...
Взяла меня мати за правую руку,
Повела меня мати за темные леса,
За темные леса, за крутые горы,
За крутые горы, за быстрые реки...
А я в лесашла со свечами,
А я горышла со трубами,
А я рекиплыла со слезами...

Ветры мои, ветры, вы, буйные ветры!
Не можете ли, ветры, горы раскачати?
Гусля мои, гусля, звончатые гусля,
Не можете ли вы, гусля, вдову
взвеселити?

У меня, у вдовушки, четыре кручины,
Четыре кручины да пятое горе,
Да пятое горе, что нет его боле!
Первая кручина — нет ни дров, ни лучины,
Другая кручина — нет ни хлеба, ни соли;
Третья кручина — молода овдовела;
Четвертая кручина — малых детушек
много;

А пятое горе — нет хозяина в доме.
Я посею горе во чистым поле.
Ты взойди, мое горе, черной чернобылью,
Черной чернобылью, горькою полынью!

Оплакивание смерти

Уж вы, горы высокие, горы
Воробьевские,
Воробьевские горы, подмосковские!
Ничего то вы, горы не спородили;
Спородили вы, горы, сер горюч
вы камешек.
Из-под камня бежит речка быстрая;
Подле реченьки стоит част ракивов
един куст;
На кусточке сидит млад сизой орел;
Во когтях-то он держит черного ворона;
Уж он бить-то его не бьет, только
спрашивает:
«Уж где ты, ворон, ты летал где, сизый,
ты полетывал?» —
«Я летал-то, летал по диким по степям,
по Саратовским». —
«Ты кого же, ворон, видал?» —
«Видел я чудо чудное — видел
тело белое;
Тело белое лежит, не устреляно...
Как никто-то по телу-то не схватится.
Как схватилися об теле да родители...
Прилетали к телу три ласточки.
Как первая ласточка — родная матушка.
Как другая-то ластка — родная сестра,

У ж ты, степь, моя степь, степь
Моздоцкая!
Широко ль ты, далеко ты, степь,
протянулася!
Протянулася ты, степь, вплоть ты
до Царицына!
Уж и чем же ты, степь, степь,
ты изукрашена?
Изукрашена ты, степь, лесами, болотами,
Да еще же ты, степь, большою дорогою..
Что никто-то по ней никтоне проезживал,
Только ехали там молоды извозчики,
все коломенски...
Как случилось у них в извозе
несчастье:
Заболел-то, захворал молодой извозчикек,
Заболела у него буйная головушка,
От головушки у него ретиво сердце;
Заболевши-то он стал им наказывать:
«Уж вы, братцы ли мои, вы, братцы
товарищи,
Не попомните вы мои прежней грубости
Отведите-ка вы моих вороных коней
моему батюшке,
Золотую ли казну моей родной матушке,
Челобитье вы моей молодой жене,
Благословеньице вы моим малым детушкам!»

Край дорожки, край широкие было
Московской,

Тут стояла зелена елинка
Не толстая, собою ровная
Со вершиночки до самого корня.
Что на этой было елинке,
Что на самой было на вершинке, —
Тут сидела дорогая пташка,
Горе-горькая бедна кукушка.
Не кукует, все бедна горюет,
Жалобнешенько слезно причитает,
Под елинушку сама взирает:
Под елинушкой лежит молодчик,
Не убит он лежит, не застрелен, —
Вострой сабелькой весь он изрублен.
Что на молодце была рубашка,
Тонка, беленька была бумажна,
В крови-то она была кумашна,
Во грязи-то она была китайна.
Тут спроговорит душа молодчик:
«Уж ты, мамушка, зелена елина!
Опусти ты свое прутье-витье,
Ты прикрой мое тело белое,
Чтобы дождиком тела не мочило,
Красным солнышком тела не сушило,
Чтобы звери тела не терзали,
Черны вороны тела не клевали».

Как под яблонькой, под кудрявою
Бел горяч камень лежит.
Бел горяч камень разгорается,
Как мой миленький разнемогается,
Разнемогся мой милой, похотелось ему
Со Дунай-реки ключевой воды.
Я в первом часу за водой пошла,
Во другом я часу воду черпала;
Я во третьем часу ко двору пришла, —
Как лежит милый мой во перед-углу,
Во перед-углу — переставился,
Как над милым моим свеча теплится;
Как отец-то и мать в головах стоят,
В головах стоят, слезно плачутся.

Ох, ты, мнечюшки, топнехонько,
Сколь гораздо обиднешенько;
Что же я, да горька, бедная,
Что же я да засиделася?
На кого я загляделася?
Чужих басенок заслушалась?
Аль у меня, да у горюшечки,
Ни тоски нету, кручинушки?
Уж я стану, да горькая, бедная,
На свои да резвы ноженьки,
Подойду я, горька, бедная,
Я к тебе, да милая ладушка.
Как от сна да ты от крепкого,
Ты от сна да непробудного
Встань, проснись, да мила ладушка,
Ты открой да очи ясные;
Погляди-тко, да милая ладушка,
На меня да ты, на бедную,
На меня да ты, на горькую,
На своих-то милых детушек:
Не вспоены они, не вскормлены,
У тебя они не взрощены;
Они малешеньки, глупешеньки,
У их нету ума-разума.
Изобидеть детей есть кому,
Пожалеть-то будет некому.
Без кормильца-то, без батюшки,

Привыкнут малы детушки
К худому делу, нехорошему.
Поучить да будет некому. —
Как у меня, да у горюшицы,
Ни ума-то нету разума
Во своей буйной головушке.
Как я жить буду, горюшица.
Я без трудничка-работничка,
Без великого помощничка?
Как пойдут мои суседушки
На тяжелую работушку,
На широкую полосыньку, —
Моя сиротская полосынька
Без тебя, да мила ладушка,
Во все время сиротой стоит:
Не обделана, не пахана,
У меня да не засеяна.
Обо мне кто позаботится?
Я одна да одинешенька,
Как кукушка в лесе серая.
Как мене, да молодешеньке,
Сколько плакать, да не доплакаться,
Сколько кликать, да не докликаться,
Не разбудить да милу ладушку.
Пойду прочь, да горька, бедная,
Я во светлую-то светлицу,
Ко суседам, ко суседушкам,
К соколам да братьям миленьким,
Я к голубушкам, милым сестрам.
Я просить да буду, кланяться:
«Вы, суседи мои, суседушки,
Все родные мои знакомые!
Не покиньте вы меня, бедную,

Не оставьте да меня, горькую;
Мне не дайте-тко, горюшице,
Среди поля погибнути;
Пособите-ко, суседушки,
Моему да горю лютому;
Ведь вы знаете, суседушки,
Привязалось к горюшице
Злое торюшко великое».

Уж ты, милой друг мой, любезной,
На кого ты нас оставил, покинул?
А оставил ты нас с малым детям,
Оставил нас плакать, горевать.
Опустело мое тепло гнездышко,
Што без друга-то, без милого.
Как теперь мне дитетков поднять?
Придет-то весна красная,
Запоют-то в лесу пташечки, —
Загорюем-то мы, сироточки,
Без родимого-то батюшки!
Как-то пойду я на работочку
Со своим-то малым детушкам?
Придет-то лето теплое,
Пойдем на работочку тяжолую
Со своим-то малым деточкам.
Мы наплачемся, навоемся,
Об работочке тяжелой;
О крестьянской своей пашенке —
Как поднять ее без батюшка,
Как поднять-то без родимова?
Уж как всякому накланешься,
Много горя напримаешься.

Я прошупала-то великое родительско
желаньице
 За горушки-то высокии, за лесушки
за темныи.
 За облаки-то ходячни, за водушки
стоячни...
 Хошь посидела я, да белая лебедушка,
 У трудной у болезной у постелюшки
 Как у свого ли у родителя у батюшки;
 Да не зашерла-то я сенечек решетчатых
 И не задвинула околенок стекольчатых,
 И допустила злодей-скорую смеретушку,
 Во ту стекольчату ли что околенку!
 И как она-то шла, злодейка-душегубица:
 Со синя моря-то она ведь шла холодная,
 Со чиста гола полюшка она-то шла
голодная;
 А кабы видели мы скорую смеретушку,
 Да кабы знали-ведали мы про незвану-
ждану гостюшку,
 Протопили б скоро-наскоро мы печушку,
 Обогрели б мы незваной гостье горенку;
 Накормили бы смеретушку мы досыта,
 Нацоили бы незваную мы допьяна,
 Коля б только не взяла б родимого
желаньица.

Не наслала бы укромной жирушке
да увяданьица...

Я гляжу, смотрю, кручинна-то головушка,
Смотрю, вижу, горькая ли горюшка,
Как у нашего крылечка у переного
Стоят плотнички у нас да все работнички:
Про кого же строят то немшное
строеньице?

Про кого долбят колоду дуба белого?
Не прорублены косевчаты окошечки
И не складен-то кирпич для теплой
печечки;

Не расставлены столы, столы дубовы,
И не срублены крылечушки перены...
То про нашего родителя-то батюшку
Издолбили вековечную постелюшку!..

Во почестном он лежит да во большом
углу,
Что на этой на брусовой он лежит
на лавочке...

К сердцу сложены его-то белы ручечки,
Принакрыты тонким белым полотенечком.
Ох, молчи, молчи, ретивое сердечушко!
Приужахнулось оно, как быдто ластушка,
С малым детворьем что расстается...
Так ли и мое ли сердечко-то упадается...

И покорю свое ретливо я сердечушко
Что желанному родителю я — дядюшке;
И покорю свое сердечушко покорное,
Я умишечко ль свое незлобное!

Ты послушай-ка, родитель-дядюшка,
 Ты теперь нам будь не дядюшкой,
 Будь теперь родным нам батюшкой!
 Будь защитником от злых-то людишек,
 Оборонушкой от буйных ветрушек!
 И работушкой вы нас да хошь грузите,
 Только грубым словечком не сгубите,
 Больным еще ударом не ударьте
 Нас, обидных бедных детушек...
 И ты послушай-ко, родитель наш ты,
батюшко:
 И на кого да нас, сирот, ты покидаешь?..
 Как сегодняшним господним божьим
денечком
 Я обронушку, горюша, обронила,
 Потеряшечку, победна, потеряла:
 Я обронушку, горюша, во пятьсот
рублей,
 Потерялочку, победна, в целу тысящу.
 Оборонушка-то батюшки великое
желаньице,
 Потерялочка-то наше горько увяданьице!..
 И как опосля моего родителя-то батюшки
 Я одна пойду в крестьянски-то
в работушки?
 И опереж сего, до этой поры-времечки
 Со родителем со батюшкой да мы
ходили,
 И уму-разуму мы от родителя учили.
 А он словечушкой ведь нам да
не сгрубил,
 Пораздумаешь, кручинная головушка:
 После своего родителя-то батюшки

Не к кому горюше бедной приютиться,
Нет и у кого горюше бедной поучиться.
И некому теперь и приголубить,
Словечушко ласково промолвить...

И ты послушай-ко, родитель моя
матушка,
Как сегодняшним господним божьим
денечком

Получила ты словечико немилое,
Ты немилое словечко — вдовиное...
Да ты, сядем-ко, родитель моя матушка,
Мы на эту на дубовую скамеечку
Подле своего родителя-то батюшки.
Ты воскликвай-ко родительско желаньице
На свою что милую, надежную головушку;
Уж ты выспрашивай, родитель наша
матушка,
Как растить-то нас, сердешных малых
детушек,

Нас, станицу-то детиную,
Нас, сиротину болезную?

* * * * *
Принесли домовице ли что дубовое,
То немшное хорошее строеньице.
Не сдавайся ты, любимый-то родителько,
Ты со этой со брусовой-то со ставочки.
Что во это во хоронное строеньице!
Ты куды-то, наш родитель, отправляешься
Ты во этой во колоде белодубовой!..
Как закроют-то тебя что гробовой доской,
Больше всех тебя, горюшам, не видати,
Никогда словечика твоего нам не слыхати...

Как попряжены ступисты-то лошадушки
В эти-то во дровни во дубовьи.
Повезут они родителя желанного
Далеко-то что от домушка родимого.
Не везите-тко, ступисты вы лошадушки,
Оступитесь-ко вы на дорожке на широкой,
На широкой дорожке в путь далекой.
Привезите-тко родителя назад сюда.
Большаком он был в дому да настоятелем,
По крестьянской нашей жирушке-то —
управителем,
Нам по утрышку — ранним-то побудителем,
На крестьянскую работу разрядителем,
Нам во всяком-то во деле указателем. . .

.
Я гляжу-смотрю, кручинная головушка,
Опускают что родителя-то батюшку
Во могилушку да во сыру землю
И в погреба его да во глубокие. . .
Призасыпали родителя желтым песком,
Прикатали на могилу катучи белы
камешки,
На могилушку да на умершую,
На тою ли душеньку отшедшую. . .
Ты послушай-ко, родитель свет наш
батюшка,
Когда ждать тебя в любимо во гостбнице?
По утрышку ли тебя ждать ранешенько,
Али по вечеру тебя да вот позднешенько;
Али во полночь ждать по светлому
по месяцу?
Хоть ты по утрышку приди
да горностаюшком,

Аль по вечеру да серым заюшком,
Ай во полночь да перелетной

птицынькой...

И буду я сидеть, кручинная головушка,
У этого косевчата окошечка,
И сожидать-то буду я великое желаньице
Что по темной этой ноченьке...

Не бойся я, горюша, и не сплехаюся,

И я, свет мой батюшка, тебя не

испужаюся'

Отопру тебе широкие воротечка,

Отомкну что двери я кленовые,

Посажу тебя за столики дубовые...

.

Быдто зверь да во темном лесу
порыкивае;
Тут на старосту скрозь зубы он
срыгается,
Он без разуму рукой ему приграживае;
Сговорит ему посредник таково слово:
«Что на ям да вы теперь не собираетесь?
Неподсудны мировому, знать, посреднику?
Непокорны вы властям да поставленным?
Чтобы все были сейчас же на ям
согнаны!»

Как у этих мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой
груди;
Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой
жирушки
Все для этих властей да страховитых!
Назад староста бежит да не оглядыват,
Под окошечко скоренько постучается
Он у этих суседей спорядовых,
Чтобы справились на ям да суровешенько,
Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму стоит посредничек,
Горячится он теперь да такову беду.
«Сами сходите, крестьяна, приузнаете,
Со каким да он приехал со известицем;
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчетна придержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притопталися?»

Тут на скоп да все крестьяна собираются,
При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинают.

Возгорчится как судья ведь страховитая,
Во темном лесе быдто бор да разгорается,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь река, посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое;

Тут он скочит из-за этого стола из-за
дубового,
Да он сглянет тут на старосту немилым
взглядом,

Тут спроговорит ему да таково слово:
«Вы даете все повольку мужикам-глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете;
Хоть своей казной теперь

да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко».
Мужиченочки дробят да все поглядывают:
Ужель морюшко сине да приутихнет,
Мировой скоро ль посредничек уходится,
За дубовым столом да приусядется?

Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь он да все
о праведных,

Уже так на мужика стане срыгаться,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он презвыма нолама призатопает,
Как на стойлы конь копытом призастукает.
Стане староста судью тут уговаривать:
«Не давай спеси во бладную головушку,
Суровства ты во ретливое сердечушко,

Буря-падара теперь да уходилася,
Сине морюшко теперь да приутихло;
Ночь уехала судья неправосудная,
Укатилася съедуба мироедная!
Мы пойдемте, мужики, да разгуляемтесь,
Ноньку с радости теперь да со весельца:
Настоялися ведь мы да надрожались,
Без креста-то мы ему да все наклонялись.
Без исусовой молитвы намолилися...»

Тут мы думали с надежной головушкой,
Как пропитывать сердечных малых

детушек:

Накопилася станичушка детская.
Говорила я надежной головушке:
«Да ты съезди-ко на малой этой лодочке.
Хоть во город да ты съезди Повенецкой;
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купим-то довольных этих

хлебушков,

Мы прокормим-то сердечных малых

детушек».

Как во ту пору теперь да в тое времечко.
Как по этой почтовой ямской дороженьке
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золоченые,
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Засияло тут седлышко черкасское;
С копыт пыль стоит во чистом поле:
Точно горной быдто ворон приналетывает,
Мировой этот посредник так наезживал.
Деревенские ребята испугались,
По своим домам оны да разбежались.

Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на упадь во темном
лесу.

Я с работушки, победна, убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася:
Да куда ж мою надежу одевают?
Я спросила у спорядовых суседушек.
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Чтобы я, бедна горюша, не спугалася.
На спокой да легли добры эти людюшки,
Ужо я, бедна, в путь-дорожку
отправлялася.

Чтоб проведать про надежную головушку.
Уж как этот мировой да злой
посредничек.

Как во страдную, в рабочу пору-времечко
Он схватил его с луговой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую.
Он на три садил господних божи
денечка,

На четыре он на летных эти ноченьки.
Отлучился что без спросу на неделюшку.
Тожно плакали сердешны мои детушки,
Не могла стерпеть, победная головушка,
Я глядеть да на детины горючи слезы;
Я склонилася в тяжелую постелюшку
С за этого злодия супостатого.

Што обидел нас, победных головушек,
Присрамяил да он при обчестве собраном;
Со бесчестья в лице кровь
да разыгралася,

Со стыда буйна головка зашаталася...
Ворочался как надеженька со крепости,

В чистом поле неможенъе сустигало,
На пути злодий-смертушка стретала.

Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь,

на строеньице, —

Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы на этого злодия суцостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже-господи,
Штобы тлен пришел на цветно его

платьице,

Как безумьице во буйну бы головушку!
Еще дай, да боже-господи,
Ему в дом жену не умную
Плодить детей неразумных

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании допущены следующие отклонения от подлинников печатаемых нами песенных текстов:

1. Все тексты по возможности даны на общепринятом литературном языке, без сохранения диалектологических особенностей (в тех случаях, когда это не разрушает формы и интонации песенного стиха). Введение литературного языка вызвано тем, что записи песен сделаны самыми разнообразными собирателями, в различных районах русского населения; поэтому, при соблюдении диалектологии подлинника, получилась бы нежелательная пестрота языка, тем более, что диалектологический принцип выдержан не систематически и не во всех записях.

2. Убраны все повторения и вставные слоги, и тексты даны в литературной форме, а не в той, которую они принимают при пении, когда, в силу музыкальных особенностей старой лирической песни, строки бесконечно растягиваются повторениями отрезков текста, отдельных слов и слогов. Считаю, что публикация текстов возможна лишь при соблюдении какого-либо одного принципа — сохранения либо музыкаль-

ной, либо литературной формы песенной строфы, — в настоящем издании, предназначенном для поэтов, мы сочли необходимым остановиться на литературной форме, по возможности восстанавливая ее там, где она была явно искажена несовершенной записью. Следует заметить, что при точной записи с пения вся система повторения и растягивания текстовой строки совершенно закономерно сохраняется на протяжении всей песни. Таким образом ее литературная схема также будет вполне закономерна. Между тем, в большинстве старых записей, делавшихся не музыкантами, наблюдается обычно некоторый компромисс между литературной и музыкальной формой; повторения несистематичны, и ритм настолько разрушен, что его уже не восстановить; песня же превращается скорее в «пересказ своими словами» поэтического текста.

3. По техническим причинам мы не имели возможности отмечать необычные ударения в словах. Лишь в наиболее необходимых случаях они отмечены курсивом. Для ориентировки в ритмической структуре текста, часто довольно сложной (в особенности в причитаниях), необходимо иметь в виду следующее: ритмическое строение текста и напева — обычно определяется расположением ударных слогов в первых строках. Расположение это сохраняется во всех последующих строках, что часто

По широкой было славной улице
Песни Пинежья, № 107. Северный край,
Карпогорский район, д. Пахурово. Зап. от
Дарьи Викторовны Аникиной.

Не кукушечка во сыром бору
куковала

Сто русских песен, записанных с народ-
ного напева и арранжированных для одного
голоса с ф-но К. П. Вильбоа, Спб., 1860,
№ 64.

Поехал-то мой миленькой в ро-
щицу гулять

Ф. М. Истомин и Н. В. Некрасов. Сорок
народных песен села Барятина, собранных
песенной экспедицией Р. Георг. О-ва в
1899 г., Спб., 1902, стр. 36, № 17. Быв.
Тульская губ.

Как по первому по Невскому
проспекту

Песни Пинежья, № 90. Северный край,
Карпогорский район. Зап. от Натальи
Черноусовой.

Шей же, моя буйна головушка,
не сливайся

Песни Пинежья, № 89. Северный край,
Карпогорский район, д. Сура. Зап. от Анто-
нины Евплеевны Даниловой.

Растоскуйся ты, моя сударушка,
по мне возгорюйся

П. И. Якушкин, Сочинения, Спб., 1884,
стр. 553. Зап. Аполлона Григорьева (Ве-

ликорусские народные песни, изд. А. И. Соболевским, VI, № 73¹).

По пила - то моя буйная голо-
в ушка, по пила, по гуляла

Леопольдов, Статистическое описание
Саратовской губ., стр. 76 (Соболевский,
IV, 50). Быв. Саратовская губ.

Что то ли во нонешнем - то во
годе

Песни Пинежья, № 57. Северный край.
Карпогорский район, д. Поганец. Зап. от
Анны Ермолаевны Хромцовой.

У ж ты, радость, ты, моя радость

Песни Пинежья, № 31. Северный край.
Карпогорский район. Зап. от Калистрата Де-
ментьевича Исакова.

Ой, по дороженьке было по ши-
рокой

Песни Пинежья, № 136. Северный край,
Карпогорский район, д. Кеврола. Зап. от
Ивана Козьмича Кормачева.

Как далече - далеченько, во чя-
стом поле

Песни, собранные П. В. Киреевским, М.,
1860—74, в IX, стр. 153, № 5. Доставле-
на В. И. Далем. Быв. Оренбургская губ.

¹ В дальнейшем будет указываться сокращенно:
«Соболевский»; том — римской цифрой, номер текста —
арабской.

Из-за леса, леса темного

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия,¹ под ред. М. П. Сперанского, в. II, ч. 2, М., 1929, стр. 277, № 2718. Место записи не указано.

Из-за лесу, лесу темного

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 1, стр. 44, № 1335. Быв. Вологодская губ.

Я стою, гляжу, кручинная голова
в ушка

Е. В. Барсов. Причитания Северного края, М., 1862—1882, т. II, стр. 26. Быв. Олонецкая губ. Зап. от Ирины Федосовой. Причитать по брату-рекруту.

Да ты слушай же, спорядной
мой суседушко

Там же, т. II, стр. 39. Быв. Олонецкая губ. Зап. от Ирины Федосовой. Причитать по рекруту, пошедшему охотой за братьев.

Быдьте прокляты, злодеи супо-
статы!

Там же, т. II, стр. 74. Быв. Олонецкая губ. Зап. от Ирины Федосовой. Причитать матери по сыну во время забривания.

¹ В дальнейшем будет указываться сокращенно: Киреевский. Новая серия.

Воля и неволя

Что вились-то мои русы кудри
Сорок народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым, М., 1882, № 10 (Соболевский, VI, 384). Гор. Ржев.

Далече ты, раздольице, в чистом поле

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 2, стр. 270, № 2697. Место записи не указано.

Сиротка ты, сироточка, сироти-
нушка горькая

Русские народные песни, собранные в Саратовской губ. А. Н. Мордовцевой и П. И. Костомаровым (Летопись литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым, т. IV, М., 1826), стр. 76 (Соболевский, VI, 394). Быв. Саратовская губ.

У дородного добра молодца
Сборник памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, Спб., 1908, в. II, стр. 86. Бумаги Гоголя.

Как бывало мне, ясну соколу, да
времечко

Русские народные песни, собранные в Саратовской губ. А. Н. Мордовцевой и П. И. Костомаровым (Летописи литературы и древности, изд. Н. А. Тихонравовым, т. IV, М., 1862, стр. 77 (Соболевский, IV, стр. 480). Быв. Саратовская губ.

Р а с т у ж и т с я , р а с п л а ч е т с я м л а д
я с е н с о к о л

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 2,
стр. 197, № 2416. Быв. Симбирская губ.

Т ы в о с п о й - к а - с я , в о с п о й , м л а д о й
ж а в о р о н о ч е к

Сборник русских народных лирических
песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина,
М., 1889, № 59. Гор. Москва.

Н е д л я п р о м е н я , м о л о д ц а , т ю р ь -
м а с т р о е н а

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 2,
стр. 200, № 2434. Зап. П. М. Языковым.
Быв. Симбирская губ.

О монастырях и монахах

А п о й т и б ы л о к о б е д н е

Святочные песни, игры и гаданья Ка-
занской губ. А. Можаровского, Казань, 1873.
стр. 64 (Соболевский, VII, 349). Быв. Ка-
занская губ.

З а с в я т ы м и в о р о т а м и ч е р н и ч к а
г у л я л а

Собрание русских народных песен с их
голосами, положенных на музыку Иваном
Прачем, изд. 2, Спб., 1815, стр. 115 (Со-
болевский, VII, 350).

Н е м о е д е л о ч е р н и ч к о й б ы т ь

Песни, собранные П. И. Рыбниковым. Че-
тыре части, М., 1861, Спб., 1867, ч. 3,

стр. 443 (Соболевский, VII, 359). Быв. Оло-
нецкая губ.

В круг я келейки хожу

Круговые игры и песни в селе Ушаков-
ском (Пермской губ., Шадринского у.). Со-
браны А. Я. Кокосовым — Записки Р. Геогр.
О-ва по отд. Этнографии, т. II, Спб., 1869
(Соболевский, VII, 366). Быв. Пермская губ.

Как под грушицей, под кудря-
вою

Крестьянские песни, записанные в селе
Николаевке, Мензелинского у., Уфимской
губ., П. Е. Пальчиковым, Спб., 1888, № 29
(Соболевский, VII, 367).

Как во городе было во Казане
Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 2,
стр. 318, № 2889. Быв. Пермская губ.

О детях

Бай-бай, да еще бог дай

Рукописное хранилище Фолькл. секции,
Северный край, Карпогорский район, д. За-
сурье. Зап. И. М. Левиной от Татьяны Ва-
сильевны Мерзлой.

Спи, ворота — мне недосуг

Там же, д. Засурье. Зап. И. М. Левиной
от Евдокии Романовны Мерзлой.

Бай да бай, поскорее помирай

Там же, д. Засурье. Зап. И. М. Левиной
от Евдокии Романовны Мерзлой.

Б ай да поб ай, хошь сегодня
по м ри

Там же, д. Гора. Зап. И. М. Левиной
от Ксении Прокопьевны Исаковой.

С пи, Ва ню ш ка

Там же, д. Кеврола. Зап. И. М. Левиной
от Афи́мьи Пименовны Патри́кеевой.

С он да дре ма, на кат ись на гла за

Там же, д. Ваймуша. Зап. И. М. Левиной
от Ксении Трофимовны Тимохиной.

Встреча и разлука

Мы пройдемте-ка, братцы, вдоль
по улице

Крестьянские песни, записанные в селе
Николаевке, Мензелинского у., Уфимской
губ., П. Е. Пальчиковым, Спб., 1888, № 61.

Ты, зор я ли, ты, зор юшка да
вечерняя

Песни Пинежья, № 28, Северный край,
Карпогорский район, д. Занюхча. Зап. от
Калистрата Дементьевича Исакова.

Ка ли нушка с малиною, лазоревый
цвет

Великорусские песни в народной гармо-
низации. Зап. Е. Линевой, в II. Песни Нов-
городские, изд. Акад. Наук, Спб., 1909,
стр. 21, № 10. Быв. Новгородская губ., Че-
решовецкий у., д. Смешково. Зап. от Зи-
новия и Прокопия Коротковых.

В далеком было. в далеком чистом поле

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. I. стр. 20, № 1248. Гор. Мезень.

Во тумане красное солнце, оно во тумане

Песни русского народа, собранные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1866 г. Зап. Ф. И. Истомина и Г. П. Дютша, изд. Р. Георг. О-ва Спб., 1894,¹ стр. 190. Быв. Архангельская губ., Онежский у., село Чекуево. Зап. от Екатерины Ларионовны Пешковой.

Ах, не одна-толь в поле дороженька она пролежала.

П. И. Якушкин. Сочинения, Спб., 1884, стр. 599.

Раздвья тому на свете жить

Истомин и Дютш, стр. 169. Быв. Олонецкая губ., Петрозаводский у., дер. Любосельга. Зап. от Ирины Кругляковой. Песня эта использована (с более распространенным в центральных районах началом: «Хорошо тому на свете жить») М. Горьким в романе «Фома Гордеев», Собр. соч., т. II, стр. 301, изд. 1917 г.

¹ В дальнейшем будет указываться сокращенно Истомин и Дютш.

Сторона да сторонка, родимая
да любимая

Рукописное хранилище Фолькл. секции.
Северный край, Лешуконский район, дер.
Палзщелье. Зап. Н. П. Колпаковой от Улья-
ны Яковлевны Оксеновой.

Насильственный брак

Не полно ли кукушечке во сы-
ром бору куковати

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 2,
стр. 31, № 1737. Быв. Тульская губ., Ефре-
мовского у., гор. Кобылинка. Зап. П. И.
Якушкиным.

Соловей мой, соловьюшка

Крестьянские песни, записанные в селе
Николаевке, Мензелинского у., Уфимской
губ. П. Я. Пальчиковым, Спб., 1888, № 90.

Ты, рябина ли, рябинушка

Песни русского народа, собранные в губ.
Вологодской, Витской и Костромской в
1893 г. Зап. Д. М. Истомина и С. М. Ля-
пунова, изд. Р. Геогр. О-ва, Спб., 1899, ¹
стр. 95. Быв. Костромская губ., Варнаровский
у., село Черное. Зап. от Афросиньи Михай-
ловны и Марьи Михайловны Бушуевых.
Поется на сговорах.

¹ В дальнейшем будет указываться сокращенно:
Истомин и Ляпунов.

Улица ты наша широкая

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 1, стр. 37, № 1311. Быв. Архангельская губ., гор. Шенкурск.

У ворот травка прилочена

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 1, стр. 31, № 1285. Быв. Архангельская губ., гор. Шенкурск.

Сидела Катюшенька в горенке
одна

Песни Пинежья, № 14. Северный край. Верхнетомский район, д. Усть-Вья. Зап. от Филиппа Степановича Дунаева.

Прощание с девичьей жизнью

Щепетала вот ластушка на заре

Песни донских казаков, собранные в 1902—1903 гг. А. М. Листопадовым и С. Я. Арефиным, в. I, М., 1911, стр. 124, № 85. Донская обл., ст. Слащевская. Свадебная: поется, когда невесту убирают к венцу.

На море лебедь воскикала

Печатается впервые. Быв. Верхотурский округ, село Кортухай. Зап. М. К. Азадовского от Настасьи Сленой.

Разлилась, разлеялась

Истомин и Ляпунов, стр. 119, № 26. Быв. Костромская губ. Зап. от Маремьяны Васильевны Пономаревой. Свадебная: поется после венца.

Ишло, ишло солнышко все по западью

А. М. Листопадов, Записи народных песен в 1904 г. Труды Муз.-этногр. комиссии О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, т. II, М., 1911, стр. 352, № 5. Быв. Донская обл., ст. Калитвенская, хутор Юров. Свадебная.

Как не павя по сеним ходила

Киреевский. Новая серия, в. I, стр. 207. Быв. Симбирская губ. Свадебная: поется на девичнике.

Илавала лебедушка да по морюшку

А. М. Листопадов. Записи народных песен в 1904 г. Труды Муз.-этногр. комиссии О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, т. II, М., 1911, стр. 351, № 2. Быв. Донская обл., ст. Екатериинская. Свадебная.

Что на тихой на заводи

Киреевский. Новая серия, в. I, стр. 38, № 12. Быв. Архангельская губ., гор. Мезень. Доставлена через В. И. Даля. Свадебная.

Вострубила трубонька рано по зоре

Истомин и Ляпунов, стр. 117, № 24. Быв. Костромская губ., Кинешемский у., село Семеновское-Лапотное. Зап. от Маремьяны

Васильевны Пономаревой. Свадебная: поется после венца.

Вы ставайте-тко, сонливые

П. В. Шейн, Великорусс..., стр. 512. № 1670, Быв. Новгородская губ., Белозерский у., д. Дуброво. Причить на рукобитьи.

Жених-погубитель

Не белая заря занимается

Песни донских казаков, собранные в 1901—1903 гг. А. М. Листопадковым и С. Я. Арефиным, в. I, М., 1911, № 82. Быв. Донская обл., ст. Акишевская. Свадебная: в день свадьбы подруги будят невесту.

Гуси, вы, гуси-лебеди

Истомин и Ляпунов, стр. 96, № 10. Быв. Вологодская губ., Вологодский у., село Кубанское. Зап. от Марии Ивановны Гусевой. Свадебная: поется на сговорах.

Из-за лесу, лесу темного

Песни Пинежья, № 76. Северный край, Карпогорский район, д. Поганец. Зап. от Анны Ермолаевны Хромцовой. Свадебная.

Что при вечерь, вечерь

Е. Линева, Великорусские песни в народной гармонизации, в. II. Песни Новгородские. Слб., 1909, стр. 33, № 14. Быв.

Новгородская губ., Белозерский у., д. Сюрмень. Зап. от Марьи Климовой. Свадебная.

Как на море лебедушка воду пила

Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке, Мензелинского у., Уфимской губ. П. Е. Пальчиковым, Спб., 1888, № 84. Свадебная: поется на девичнике.

Вот у броду, броду

Истомин и Дютш, стр. 101, № 6. Быв. Архангельская губ., Онежский у., село Кянда. Зап. от Агафьи Никитишны Усачевой. Свадебная: поется на смотринах.

О предстоящей жизни в чужой семье

Ты, матенка, матенка

Песни Пинежья, № 97. Северный край, Карпогорский район, д. Сура. Зап. от Марии Коровяной. Свадебная: поется на «посидках» во время шитья приданого.

На горе на высокой

Песни Пинежья, № 121. Северный край, Карпогорский район, д. Ваймуша. Зап. от Екатерины Евлампиевны Никифоровой. Свадебная; поется на обручении.

По мосту мосточку

Песни Пинежья. № 102. Северный край, Карпогорский район, д. Сура. Зап. от Натальи Черноусовой. Свадебная: поется во

время обрядов при встрече молодых после венца.

Не стой, круша, над водой

Русские народные песни и свадебный обряд в д. Жуково, Никольского у., Вологодской губ. Зап. А. Попов. Труды Муз.-этногр. комиссии О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, т. I, М., 1906, стр. 486, № 6. Свадебная.

За рекой было, за реченькой

Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, стр. 391, № 323. Быв. Новгородская губ., Белозерский у., Пунемская вол., д. Покровская. Зап. от Праксовьи Васильевны Ершовой. Свадебная: поется молодым.

Чего век-то я не думала

П. В. Шейн, Великорусс. . ., т. I, Спб.. 1900, стр. 505, № 1663. Быв. Новгородская губ., Белозерский у., село Антушево. Свадебная причить на рукобитьи.

Свадебные величания

Под часы, да все под колоколы

Песни Пинежья, № 98. Северный край. Карпогорский район, д. Засурье. Зап. от Натальи Черноусовой. Свадебная: поется при обряде «буженья жениха», то есть при угощении женихом невестиних подруг.

Не разливайся, мой тихий Дунай
Киреевский. Новая серия, в. I, стр. 168,
№ 593. Быв. Орловская губ., Малоархан-
гельский у., село Успенское. Величание же-
ниха.

Сыру-ерью река прошла
Там же. стр. 22, № 54. Гор. Шенкурск.
Величание жениха.

Виноградная ягодка
Истомин и Ляпунов, стр. 135, № 40.
Быв. Костромская губ., Туранская вол.,
д. Сосновка. Зап. от Федора Афанасьева.
Величание жениха.

Светлая гридня Васильева
Песни Пинежья, № 40. Северный край,
Карпогорский район, д. Нюхча. Зап. от
Александры Михайловны Когиной. Велича-
ние молодых.

Во поле было, во поле
Б. и Ю. Соколов, Сказки и песни Бе-
лозерского края, стр. 390, № 319. Быв.
Новгородская губ., Белозерский у., Вотнем-
ская вол., д. Жохово. Зап. от Александры
Егоровой. Величание дружек жениха.

Белокаменные палаты грановитъ
Песни Пинежья, № 151. Северный край
Карпогорский район, д. Шотова Гора. Зап.
от Авдотьи Григорьевны Вехаревой. Пост-
ся на обрученьи.

Как подъехали к морю да рыболовы

В. Свечина-Кишенская, Сборник русских народных песен, Киев, 1911, № 17. Быв. Тульская губ., Чернский у., село Воронцовка. Зап. от А. Р. Евстигнеевой и А. И. Титовой.

Отстала наша лебедушка

П. Шереметев, Зимняя поездка в Белозерский край, М., 1902, стр. 126. Быв. Новгородская губ., Белозерский у. Величание — укору сватам жениха.

Бояры вы, бояры

Киреевский. Новая серия, в. I, стр. 62, № 181. Быв. Тверская губ., Осташковский у., село Острица. Девушки корят скупого жениха, выманивая подарки.

Уж ты, свет сударь батюшка

П. В. Шейн, Великоорусс..., т. I, стр. 422, № 1428. Быв. Вологодская губ. Насмешки над сватом.

Сказали про князя, что князь-то богат

Киреевский. Новая серия, в. I, стр. 20, № 49. Быв. Архангельская губ., гор. Шенкурск. Насмешка над женихом, который даёт мало денег на величание.

А у свата сводника

Киреевский. Новая серия, в. I, стр. 59, № 159. Быв. Псковская губ., Опочедк. у., село Михайловское. (?) Зап. А. С. Пушкина.

Жалобы на жизнь в семье мужа

Отдавал меня батюшка

Песни Пинежья, № 141. Северный край, Карпогорский район, д. Шотова Гора. Зап. от Марии Андреевны Вехаревой.

Из-за лесу было, лесичку

Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке, Мензелинского у., Уфимской губ. Н. Пальчиковым, Спб., 1888, № 57.

Ты заря ль, да ты, моя зоренька

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. XV, стр. 160 (Соболевский, II, 5). Быв. Терская обл.

Калинку с малиной вода поняла

Русские народные песни, собранные в Саратовской губ. А. Н. Мордовцевой и П. И. Костомаровым (Летописи литературы и древности, изд. Тихомировым, т. IV, М., 1862, стр. 45, № 1). Быв. Саратовская губ.

Ходила младехонька по чистому полю

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 1, стр. 90, № 1484. Быв. Московская губ., Звенигородский у., село Ильинское. Зап. П. В. Киреевского.

Спятся мне, младешеньке, дремлется

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 1, стр. 80, № 1452. Гор. Москва. Зап. П. В.

Киреевского. Песня использована Н. А. Некрасовым в «Кому на Руси жить хорошо», Собр. соч., изд. 1881, стр. 291.

Вы раздайтесь, расступитесь,
люди добрые

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 1, стр. 31, № 1287. Быв. Архангельская губ., гор. Шенкурск.

Скажу матушке голова болит

Вологодский сборник, 1885, т. IV, стр. 337 (Соболевский, II, 525). Быв. Вологодская губ. Песня использована Н. А. Некрасовым в «Кому на Руси жить хорошо». Собр. соч., изд. 1881, стр. 293.

Полынька, полынька, травонька
горькая

Вологодский сборник, т. IV, стр. 42 (Соболевский, III, стр. 113). Быв. Вологодская губ.

Еще скучно тому, кто же об ком
тужит

Песни Пинежья, № 94. Северный край, Карпогорский район, д. Засурье. Зап. от Натальи Черноусовой.

Что не ржавчинка на болотичке
зарождалась

Известия Акад. Наук, т. II, стр. 69 (Соболевский, III, 210). Приуралье.

Во лесах-то было, во лесах-борах

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 1, стр. 61, № 1389. Быв. Новгородская губ., д. Сосницы. Зап. П. В. Киреевского.

Вниз по реченьке, вниз по быстренькой

Кохановская, Несколько русских песен, «Русская беседа», 1860, стр. 126 (Соболевский, III, 94). Быв. Курская губ.

Вот и меня, молодца, тоска-горе обуяло

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 2, стр. 76, № 1916. Быв. Рязанская губ., Козловский у., село Лопухи. Зап. П. И. Якушкина.

Насмешки над старым и нелюбимым мужем

А на горке избушка травчатая
Кохановская, Несколько русских песен, «Русская Беседа», 1860, стр. 114. Быв. Курская губ.

Во лужях, во лужях

Собрание русских народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, Спб. 1790, стр. 119.

На реке было, на реченьке

Песни Пинежья, № 109. Северный край Карпогорский район, дер. Пахуурово. Зап. от Дарьи Викторовны Аляпкиной.

У ж вы, кумушки, голубушки, ска-
жите

Крестьянские песни, записанные в селе
Николаевке, Мензелинского у., Уфимской
губ., Н. Пальчиковым. Спб., 1888, № 122.
Святочная.

Пришла матка, весна красна
Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 2,
стр. 54, № 1830. Быв. Рязанская губ.

Коровать моя, короватушка
Киреевский. Новая серия, в. I, стр. 153,
№ 539. Быв. Орловская губ., Мценский у.,
д. Заикино.

Сиротские и вдовьи песни

Зима студеная, снега глубокие
Песни Пинежья, № 66. Северный край.
Карпогорский район, д. Поганец. Зап. от
Анны Ермолаевны Хромцовой.

Много, много у сыра дуба
Киреевский. Новая серия, в. I, стр. 6,
№ 8. Быв. Архангельская губ., гор. Холмо-
горы.

Уж вечер на дворе вечерееется
Киреевский. Новая серия, в. I, стр. 59,
№ 166. Быв. Псковская губ., Опочецкий
у., село Михайловское (?). Зап. А. С. Пуш-
кина. Свадебная; поется сироте. Примечание
(Пушкина?): «Эту песню поют девушки, гу-
ляя по улице, вода под руки покровешную
невесту».

Ты, река ли, моя реченька

Там же, стр. 60, № 168. Быв. Псковская губ., Опочецкий у., село Михайловское (?). Зап. А. С. Пушкина. Свадебная; поется сироте.

То не ласточка касаточка

Н. Абрамычев. Сборник русских народных песен, Вятской губ., Слб., 1899, № 23. Быв. Вятская губ., Яренский у., село Салобеляк. Свадебная «слезливая»; поется сироте.

У меня, молоденькой, матери не родна

Кохановская, Несколько русских песен («Русская Беседа», 1860), стр. 132 (Соболевский, II, 11). Быв. Курская губ.

Ветры мои, ветры, вы, буйные ветры

Русские народные песни, собранные в Саратовской губ. А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым (Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым, т. IV, М., 1862), стр. 110 (Соболевский, III, 214). Быв. Саратовская губ.

Оплакивание смерти

Уж вы, горы высокие, горы Воробьевские

И. С. Ефименко, Материалы по этнографии русского населения (Труды Этнографического отдела О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, т. XXX, в. 1), М.,

1877, стр. 131 (Соболевский, I, 365). Быв. Архангельская губ., Онежский у.

Уж ты, степь, моя степь, степь
Моздоцкая

Сорок народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым, М., 1882, № 11.

Край дорожки, край широкие
было Московской

Киреевский. Новая серия, в. II, ч. 1, стр. 24, № 1263. Быв. Архангельская губ., гор. Мезень.

Как под яблонькой, под кудрявою

Песни для одного голоса с сопровождением фортепиано, собранные и переложенные Прокулиным, под ред. П. Чайковского, М., 1873, № 11. Быв. Тамбовская губ., Моршанский у., село Сосновки.

Ох, ты, мнелюшки, тошнехонько

Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, стр. 398, № 340. Быв. Новгородская губ., Белозерский у., д. Терехово-Малахово. Зап. от Лукерьи Афанасьевны Шарашовой. Похоронная причить жены по мужу (у гроба).

Уж ты, милой друг мой, любезной

М. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922, стр. 84, № 16. Быв. Иркутская

губ., Верхотенский у., село Качуг. Зап. от Марьи Ивановны Черкашиной. Похоронная причить по мужу.

Помер-то сокольчик мой, батюшка

Там же, стр. 99, № 38. Верхотенский у., село Тарай. Зап. от Натальи Дмитриевны Симеусовой. Похоронная причить по отцу.

Я прошупала-то великое родительско желанье

О. Х. Агреева - Славянская, Описание русской крестьянской свадьбы, с текстом и песнями, ч. III, Тверь, 1889, стр. 5. Быв. Олонецкая губ. Зап. от Ирины Федосовой. Похоронная причить дочери по отцу.

Печатается с пропусками. Первые два фрагмента — причить в избе у тела покойного; третий — в то время, как вносят гроб и кладут в него покойника, четвертый («Как попряжены ступисты-то лошадушки») — по дороге на кладбище; пятый («Я гляжу, смотрю, кручинная головушка») — на могиле.

Спаси, господи, спорядных седушек

Е. В. Барсов, Причитания Северного края, т. I, стр. 282. Быв. Олонецкая губ. Зап. от Ирины Федосовой. Причить вдовы по мужу-старосте.

ГЛАВНЕЙШИЕ СОБРАНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕСЕН И ПРИЧТЕН

Песни, собранные П. В. Киреевским, в. I—IX, 1860—1874.

Лирические (рекрутские и солдатские) песни только в IX выпуске, в остальных былины и исторические песни.

Е. В. Барсов, Причитания северного края, т. I, М., 1872, т. II, М., 1882.

В I том входят рекрутские и солдатские, во II — похоронные причитания. Те и другие записаны от крупнейших мастеров. По художественной ценности сборник занимает одно из первых мест среди публикаций русского крестьянского фольклора.

Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина, ч. I—II, М., 1889.

Помимо высокого качества записей, сборник интересен тем, что впервые дает сводку музыкальных и текстовых вариантов отдельных песен, а тем, что в нем поставлена проблема жанра лирической песни. Кроме того, встречается ряд цен-

ных наблюдений над художественной практикой русской крестьянской песни.

Песни русского народа. Материалы песенной экспедиции Р. Геогр. О-ва, 1887, т. I. Архангельская и Олонецкая губ. Зап. слова Ф. М. Истомина, напевы — Г. О. Дютш, Спб., 1894.

И напевы и тексты записаны чрезвычайно добросовестно. В сборнике представлены свадебные, хороводные и лирические песни и причити.

Великорусские народные песни. изд. А. И. Соболевским, тт. — VII, Спб., 1896—1902.

Монументальный свод песен, где объединен в тематические группы почти весь основной материал по русской песне, изданный до 90-х годов (кроме свадебных песен). В последнем томе подробный тематический указатель.

Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т. д. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, Спб., 1900.

Поскольку материал этот собирался самыми разнообразными лицами, далеко не всегда достаточно опытными, ценность его очень неравномерна. Наиболее богато представлены песни свадебного обряда.

Песни русского народа. Материалы песенной экспедиции Р. Геогр. О-ва 1893 г., т. II, Вологодская, Вятская и Костромская губ. Зап. слова Ф. М. Истомина, напевы С. М. Ляпунов, Сиб., 1889.

Такой же (по типу) сборник, как и т. I того же издания, — добросовестно записанный материал. Те же жанры.

Е. Э. Линева, Великорусские песни в народной гармонизации. Изд. Акад. Наук, в. I, Спб., 1904, в. II, Спб., 1909.

Первый опыт записи русской крестьянской песни на фонограф. Расшифровки фонограмм, сделанные Е. Линевой, впервые дали точное представление о крестьянской песне в хоровом исполнении. В обоих выпусках имеются вступительные статьи, содержащие интересный бытовой материал и анализ музыкального строения и стиля песен.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, под редакцией М. Н. Сперанского, в. I. Песни обрядовые, М., 1911; в. II. Песни необрядовые, ч. 1, М., 1917; в. II, ч. 2, М., 1929.

В «Новой серии» использован огромный материал по обрядовой и лирической песне, не вошедший в издание 1860 — 1879 гг. Ряд записей сделан писателями, поэтами и учеными 30-х, 40-х, и 50-х гг.

Художественная ценность песен неравно-

мерна; часто встречаются отрывочные неполные варианты.

Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915.

В сборнике представлены разнообразные фольклорные жанры: песня, сказка, эпос и мелкие жанры. Основное внимание в исследовательском плане сосредоточено на сказке и эпической поэзии. Однако значительный интерес представляют и записи крестьянской лирики, которая показана не только в плане наиболее старых песенных слоев, но и позднейших. Специально выделен отдел фольклорных переделок литературной поэзии.

Песни Пинежья, собранные и разработанные Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Труды Института Антропологии, Этнографии и Археологии, т. VI—VII. Фольклорная серия, № 1—2). изд. Акад. Наук, М., 1935, ч. I—II.

Опыт монографического изучения песенного стиля одного небольшого района Северного края. В книге 1-й исследование Е. В. Гиппиуса «Музыкальная культура Пинежья» (вводная методологическая глава посвящена общим проблемам советской фольклористики — остальные анализу материала) и словесные тексты. В книге 2-й музыкальные тексты (иск-

лючительно фонографической записи) и комментарий. В примечаниях к песням З. В. Эвальд на основе обобщения библиографического материала (начиная с конца XVIII в.) дает «истории» отдельных песен.

В. Смирнов, Народные похороны и причитания в Костромском крае. Второй этнографический сборник Костромского научного о-ва по изучению местного края, в XV, Кострома, 1920.

М. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922.

Книга включает высокоценный в художественном плане материал (похоронные причити), расположенный по репертуарам отдельных исполнителей, и исследование, являющееся единственным (на русском языке) опытом анализа поэтики и стиха крестьянской причити.

ГЛАВНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аполлон Григорьев, Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны. «Отечественные Записки», 1860, № 5—6.

П. П. Сокальский, Русская народная музыка, Харьков, 1888.

Первое капитальное исследование по ритмике и мелодике русской народной песни. В основном книга значительно устарела. Для поэта и литературоведа наибольший интерес представляет вторая часть, содержащая много ценных наблюдений над особенностями русского народного стихосложения.

Е. В. Аничков, Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. Сборник русского языка и словесности Акад. Наук, т. XXIV, 1903, и т. XXVIII, Спб., 1900.

В обстоятельном исследовании, с привлечением богатейшего материала, автор вскрывает производственный смысл весенней обрядности и пытается наметить путь возникновения лирической поэзии из обрядовой песни.

А. Н. Веселовский, Поэтика. Собр. соч., т. I, Спб, 1912.

Ряд статей по вопросам поэтического творчества. Для понимания фольклорных явлений особенно существенны статьи: «Из истории эпитета», «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля» и «Три главы из исторической поэтики», где намечен ряд проблем, разрабатывающихся в современной фольклористике.

Ю. М. Соколов. Русский фольклор, в. I. Изд. Центр. Ин-та заочного педагогического образования, М., 1931.

Книга рассчитана на педагога. Две главы посвящены обрядовой и лирической песне; затронуты вопросы генезиса и социальной дифференциации песен.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

Б л а д о й — молодой.

Б р а н ы й — тканый.

Б р а т ы н я — сосуд, в котором разносят
питье для гостей.

Б р у с и ё й (камень) — точильный.

В е р е я — столб, на который навешивают
ворота.

В е р ш и т ь — кончать.

В е т л я н е н ь к а я (лодка) — сделанная из
ветлы.

В е х о т ь — мочалка.

В и р и й — веред, нарыв.

В о р о в о — быстро.

В п е р е д и у г л а — в переднем углу.

В ь я в о — наяву.

Г о р ш о в н и к — тряпка, которой берут
горячий горшок с шестка.

Г р и д н я — комната, в которой играют
свадьбу.

Г р я д а, г р я д к а — жерди в избе для про-
сушки дров, одежды.

Г у с и н а — гусыня.

Д о м о в и щ е — гроб.

Д р о б е т ь — робеть.

Д р о к а д р о ч н а я — холеное дитя (от
дрожить — холить, лелеять).

Д у - д р у г а — друг-друга.

Е р е с л и в а я — сердитая.

Ж а р о в ы й (лес) — высокий, прямой и чи-
стый.

Ж и р а , ж и р у ш к а — жизнь, житье-бытье,
достатки.

Ж у р о н ь к а — журавль.

И з в о т ч и н а — отечество.

И з д о л я т ь — одолевать.

К а д б и щ е — котище? (в других вариан-
тах).

К е я н — океан.

К и ч и г а — особый вид цепа для мо-
лотьбы.

К о з а к и , к о з а ч и х и — работники, ра-
ботницы.

К о к о ш а — кукушка.

К о л е щ а т ы й — укатанный колесами.

К о м о н ь — конь.

К о с е в ч а т о е , к о с и щ а т о е — (окно)
с косяками.

К р а с о т а — головной убор невесты.

К р у ш а — крушина?

К у ж л я в а я — кудрявая.

К у т н е е (окно) — в переднем углу избы

- М а т е н к а** — мать.
М н е ц ю ш к и — мнѣ.
М о г у т а — сила.
Н е з н а к и й — незнакомый.
Н а з о л а — тоска.
Н а щ е л у ш е ч к и — скорлупа нащелканных орехов.
Н е п о с т у х м я н н а я (ненослухмянная?) — непослушная?
Н е с п о с о б н а я — неблагоприятная.
П о ч е с ь — этой ночью.
О к о л е н к а — оконница.
О т р о д е с ь — от роду.
О т р о с т е л ь е — отростки.
Н а д а р а — сильная буря, вьюга.
П е р е н о е (крыльцо) — с перилами.
П е у н — петух.
П о б е д н а я — несчастная, бедная.
П о в о н е — значение выяснить не удалось.
П о д к а р з я н а (елка) — подрубленная.
П о л и ц а — полка.
П о н и з к у — низко.
П о т а й — втайне.
П р а с ь к и й (жемчуг) — пражский.
П р и л у ч и т ь — приманить.
П р о с е к н а я (лента) — с пробитыми узорами.
П р о ш у п а т ь — упустить.
П ы с к а н и т ь — теревить.
Р а з б а ш о н е н ь к и й — значение выяснить не удалось.

Р и т в а — в других вариантах Литва.

Р у ш а т ь — резать.

С д ы н у т ь — поднять.

С и р о т и н а — сироты (собирательное).

С л е г а — жердь.

С м е л у г и щ е — смельчак.

С п а ц л и в ы й — жалостливый?

С п о д и в а е т — удивляется.

С т а в ч и к — пруд.

С т а н и ц а (детинная) — большая семья.

С т о г н я — от огня.

С т р у ж о к — долбленный челнок.

С у р о в с т в о — суровость.

С ы р а - е р ь — болотистое место.

Т р у д н ы й — больной.

У д у ш л и в ы й — страдающий удушьем.

У г р у п у ш к а — значание не выяснено.

У з г о л о в и й ц е — изголовье.

У к а т и — аукать.

У ч а л и — начали.

У ч у т ь — учуять.

Х в о щ е т а — хвощ, болотное растение.

Ч у ш а — свинья.

Ш а р и н о ч к а — шеренга.

Щ е л ы г а т ь — пить.

Щ и п и ц и л ь н ы е — колючие? (от щещи-
ца — колючка).

СОДЕРЖАНИЕ

Крестьянская лирика. Евгений Гиппиус	5
---	---

РЕКРУТЧИНА

Еруславская наша да губерния. .	65	273
Мало спалось молодцу, да много виделось	66	273
По широкой было славной улице	67	274
Не кукушечка во сыром бору ку- ковала	69	274
Поехал-то мой миленькой в ро- щицу гулять	70	274
Как по первому по Невскому проспекту	71	274
Пей же, моя буйна головушка, не спивайся	73	274
Растоскуйся ты, моя сударушка, по мне возгорюйся	74	274
Попила-то моя буйная головушка, попила, погуляла	75	275
Что то ли во нынешнем-то во годе	77	275

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вто-
рая — страницу примечаний.

Уж ты, радость, ты, моя радость.	78	275
Ой, по дороженьке было по широкой	79	275
Как далече-далеченько, во чистом поле	80	275
Из-за леса, леса темного	81	276
Из-за лесу, лесу темного	82	276
Я стою, гляжу, кручинная головушка	83	276
Да ты слушай же, спорядной мой суседушка	101	276
Бьдьте прокляты, злодеи супостаты	104	276

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ

Что вились-то мои русы кудри	105	277
Далече ты, раздольице, в чистом поле	107	277
Сиротка ты, сироточка, сиротинушка горькая	208	277
У дородного добра молодца	110	277
Как бывало мне, ясну соколу, да времечко	111	277
Растужится, расплается младясен сокол	112	278
Ты воспой-ка-ся, воспой, младой жавороночек	113	278
Не для про меня, молодца, тюрьма строена	115	278

О МОНАСТЫРЯХ И МОНАХАХ

А пойти было к обедне	116	278
---------------------------------	-----	-----

За святыми воротами черничка гуляла	117	278
Не мое дело черничкой быть	118—	278
Вкруг я келейки хожу	119	279
Как под грушицей, под кудрявою.	120	279
Как во городе было, во Казане	121	279

О ДЕТЯХ

Бай-бай, да еще бог дай	122	279
Спи, ворота — мне недосуг.	123	279
Бай да бай, поскорее помирай	124	279
Бай да побай, хошь сегодня помри	125	280
Спи, Ванюшка	126	280
Сон да дрема, накатись на глаза	127	280

ВСТРЕЧА И РАЗЛУКА

Мы пройдемте-ка, братцы, вдоль по улице	128	280
Ты, зоря ли, ты, зорюшка да вечерняя	129	280
Калинушка с малиною, лазоревый цвет	131	280
В далеком было, в далеком чистом поле	133	281
Во тумане красное солнце, оно во тумане	134	281
Ах, не одна-то ль в поле дороженька она пролежала	135	281
Раздивья тому на свете жить	136	281
Сторона да сторонка, родимая да любимая	137	282

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ БРАК

Ни полно ли кукушечке во сы- ром бору	139	282
Соловей мой, соловьюшка	140	282
Ты, рябина ли, рябинушка	141	282
Улица, ты наша широкая	142	283
У ворот травка притолочена	143	283
Сидела Катюшенька во горенке одна	144	283

ПРОЩАНИЕ С ДЕВИЧЬЕЙ ЖИЗНЬЮ

Щепетала вот ластушка на заре . . .	146	283
На море лебедь воскликнула	147	283
Разлилась, разлелеялась	149	283
Ишло, ишло солнышко все по западью	150	284
Как не пазва по сеним ходила	151	284
Плавала лебедушка да по мо- рюшку	152	284
Что на тихой на заводи	154	284
Вострубила трубонька рано по воре	157	284
Вы ставайте-тко, сонливые	158	285

ЖЕНИХ-ПОГУБИТЕЛЬ

Не белая заря занимается	162	285
Гуси, вы, гуси-лебеди	163	285
Из-за лесу, лесу темного	165	285
Что при вечере, вечере	167	285
Как на море лебедушка воду пила . .	168	286
Вот у броду, броду	169	286

О ПРЕДСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ В ЧУЖОЙ СЕМЬЕ

Ты, матенка, матенка	172	286
На горе на высокой	174	286
По мосту мосточку	176	286
Не стой. круша, над водой	177	287
За рекой было, за реченькой	179	287
Чего век-то я не думала	181	287

СВАДЕБНЫЕ ВЕЛИЧАНИЯ

Под часы, да все под колоколы	186	287
Не разливайся, мой тихий Дунай.	188	288
Сыру-ерью река прошла	189	288
Виноградная ягодка	192	288
Светлая гридня Васильева	194	288
Во поле было, во поле	195	288
Белокаменные палаты граповиты	197	288
Как подъехали к морю да ры- боловы	199	289
Отстала наша лебедушка	200	289
Бояры вы, бояры	202	289
Уж ты. свет сударь батюшка	203	289
Сказали про князя, что князь-то богат	205	289
А у свата сводника	207	289

ЖАЛОБЫ НА ЖИЗНЬ В СЕМЬЕ МУЖА

Отдавал меня батюшка	208	290
Из-за лесу было, лесичку	210	290
Ты заря ль, да ты, моя зоренька	212	290
Калинку с малиною вода поняла	213	290
Ходила младехонька по чистому полю	215	290

Снится мне, младшеньке, дре- млется	216	290
Вы раздайтесь, расступитесь, лю- ди добрые	217	291
Скажу матушке: голова болит . . .	218	291
Полынька, полынька, травонька горькая	220	291
Еще скучно тому, кто же об ком тужит	221	291
Что не ржавчинка на болотичке зарождалась	222	291
Во лесах-то было, во лесах-бо- рах	224	292
Вниз по реченьке, вниз по быст- ренькой	225	292
Вот и меня, молодца, тоска-горе обуяло	226	292

НАСМЕШКИ НАД СТАРЫМ И НЕЛЮБИМЫМ МУЖЕМ

А на горке избушка травчатая . . .	227	292
Во лужах, во лужах	228	292
На реке было, на реченьке	231	292
Уж вы, кумушки, голубушки, ска- жите	233	293
Пришла матка, весна красна . . .	234	293
Коровать моя, короватушка	235	293

СИРОТСКИЕ И ВДОВЬИ ПЕСНИ

Зима студеная, снега глубокие . . .	236	293
Много, много у сыра дуба	237	293
Уж вечер на дворе вечерется . . .	238	293

Ты, река ли, моя реченька	240	294
То не ласточка касаточка	241	294
У меня, молоденькой, матери не родна	242	294
Ветры мои, ветры, вы, буйные ветры	243	294

ОПЛАКИВАНИЕ СМЕРТИ

Уже вы, горы высокие, горы Во- робьевские	244	294
Уж ты, степь, моя степь, степь Моздоцкая	246	295
Край дорожки, край широкие было Московской	247	295
Как под яблонькой, под кудрявою	248	295
Ох, ты, мнecuшки, тошнехонько .	249	295
Уж ты, милой друг мой, любезной	252	295
Помер-то сокольчик мой, батюшка	253	296
Я прошупала-то великое родитель- ско желаньице	255	296
Спаси, господи, спорядных сусе- душек	261	296
Примечания	271	
Главнейшие собрания крестьян- ских песен и причтeй	297	
Исследования	302	
Словарь местных и малопонятных слов	304	

*Набрано и отпечатано для
изд-ва «Советский писа-
тель» в тип. «Лен. Прав-
да», Ленинград, Социали-
стическая, 14. Зак. № 5546,
тираж 15.500 экз. Лекторлит
№ 31846, бумага 72 × 110¹/₈₄,
авт. листов 10,5, тип. зн.
в 1 бум. л. 179200 б. Сдано
в набор 19/IX 1935 г., под-
писано к печ. 19/XII 1935 г.
Ответственный редактор
Е. С. Добин. Технический
редактор Э. Н. Аксельрод.
Переплет и титул В. Д.
Двораковского*

Ц е н а 2 р.
Переплет 1 р.

Издательство просит отзывы об этой книге направлять Ленинградскому представительству издательства „Советский писатель“ по адресу: Ленинград, внутри Гостиного двора, 122.